

Риссен Райз

Хроники Марионеток

Цель Офицера

Риссен Райз

**Хроники Марионеток.
Цель Офицера**

«Издательские решения»

Райз Р.

Хроники Марионеток. Цель Офицера / Р. Райз — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838228-4

Рин Кисеки называли национальной героиней, когда она спасла из заложников дочь императора. Рин могла бы стать лучшим агентом особого назначения и первой в мире женщиной в звании генерала... Но ради политических выгод власти подставили ее и объявили преступницей. Император отказался высвободить Рин из плена и бросил на верную смерть в тюрьме вражеской страны. Спасли друзья, вытащили буквально с того света. После этого Рин поклялась уничтожить императора. И сильные мира сего очень хотят ей помочь.

ISBN 978-5-44-838228-4

© Райз Р.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая, в которой Рин получает задание, обзаводится новым оружием и дает обещание	10
Глава вторая, в которой Рин выполняет заказ с тяжелыми последствиями	26
Глава третья, в которой Рин встречает странных существ и сражается со страхом	44
Глава четвертая, в которой Рин знакомится с герцогом Римером и читает письмо	64
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Хроники Марионеток Цель Офицера

Риссен Райз

Дизайнер обложки Катерина Серова

Иллюстратор Татьяна Варшицкая

Иллюстратор Валерий Яковлев

© Риссен Райз, 2017

© Катерина Серова, дизайн обложки, 2017

© Татьяна Варшицкая, иллюстрации, 2017

© Валерий Яковлев, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-8228-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

わたしの愛する友よ。
わたしを鼓舞する源よ。
わたしの優しい賢者よ。
わたしのマスターよ。
わたしはこの世で自分を探し、
そしてあなたを見つけた。
わたしの月でいてくれてありがとう。

Пролог

1 июня 3985 года от Раскола, столица Соринтии – Сорин-Касто

В тронном зале замка Сорин-Касто оглушительно орал младенец. Его крик эхом отдавался от каменных стен, многократно усиливаясь. Корзинка с младенцем стояла прямо на троне, а над ней склонился его величество император Вейлор VII Соринтийский.

Он был необычайно высоким, имел могучую и статную фигуру, резкие правильные черты лица и глаза синие, как небо. Обычно тщательно уложенные сливочного цвета волосы сейчас выбивались из-под золотого венца и были встрепаны. Твердый рот перекошен, по щекам бежали слезы.

– Я прошу тебя, – тихо сказал он и положил ладонь на животик младенца.

Ребенок замолчал на секунду, но лишь затем, чтобы глубоко вздохнуть и зареветь еще сильнее. Милое детское личико покраснело, глаза с новой силой налились слезами.

– Это не приказ, это просьба, – повторил император. – Только тебе я могу это доверить. Он повернулся и посмотрел на того, к кому обращался.

– Прошу тебя.

– Они не поймут. Твоя репутация будет уничтожена. Ты войдешь в историю как убийца.

– Пусть так.

– Не понимаю тебя, Вейлор.

– Ты бы никогда не понял, ведь ты добровольно отказался иметь семью! – скрипнул зубами его величество.

Младенец снова замолчал, чтобы набрать воздуха.

– Действительно по-другому нельзя?

– Нет. Я не могу больше доверять Этому. Оно отняло у меня жену и дочь. Я хочу обезопасить хотя бы сына.

– И куда я его дену?

– Куда хочешь. Главное, чтобы я о нем не знал: то, что знаю я, знает и Это. И пусть я никогда больше не увижу сына. Я хочу, чтобы он был жив. Я не знаю, подойдет ли Оно вместе со мной. Я не знаю, найдется ли человек, способный остановить Это.

– Я найду такого человека, обещаю.

– Обещай, что при этом прольется не слишком много крови.

– Уж как получится.

Император тяжело вздохнул, наклонился к зареванному младенцу и поцеловал его в лоб. Мальчик тут же замолчал и вцепился тонкими ручонками в щеки и волосы отца, словно не желая расставаться с родителем.

– Держи его подальше от меня. Мне не важно, кем он станет, главное, чтобы был жив и здоров. Пусть растет хорошим человеком и не повторяет мой путь.

– Ты знаешь, что нужно сделать?

– Знаю. Зови сюда служителей Сиани, сейчас я отрекусь от своего сына, и ты уедешь. У меня не так много времени, – он посмотрел на свои руки. – Пока я еще могу контролировать Это.

3 июня 3985 года от Раскола, дворец Великого герцога Вейнсборо

Его величество Вейлор Соринтийский мерил шагами комнату, изредка бросая взгляды на собравшихся в зале для приемов.

Напротив него стояли как вкопанные, высоко держа головы и глядя прямо перед собой, двое старейшин поселений айргов. Их можно было сравнить со статуями, вылепленными искусным скульптором: неподвижны, безмолвны и безусловно красивы. До самой старости они сохранили свою нечеловеческую, без единого изъяна красоту. Любому человеку хотел бы родиться айргом, если красота – это все, о чем он мечтает. Необычная, теплого сиреневого цвета кожа этих созданий мерцала в свете множества свеч. Гордый и независимый, холодный взгляд двух пар зеленых и желтых глаз страшно раздражал его величество. Да какое право они имеют смотреть на своего императора с таким вызовом? Высокомерные твари. Ничего не добились, живут как дикари, никакой пользы обществу от них нет, пришли сюда просить о помощи, а ведут себя так, словно им все обязаны.

Вейлор сел за стол и перевел взгляд на бургомистров нескольких человеческих поселений. Те сжались от страха и не смели смотреть на повелителя.

– Вы что, не могли решить проблему сами? Я должен за вас все делать? – прошипел его величество, снова обратив взгляд на айргов.

– Мы испробовали все средства, ваше величество, – промолвил один из старейшин. – Нам нужна магическая помощь до тех пор, пока мы не изобретем лекарство от этой болезни.

– Почему вы просите людской помощи? Вы же сами волшебные... создания.

Заговорил старейшина Иствана. Высокий мужчина-айрг с угольно-черными волосами, длинным лицом и ярко-желтыми глазами.

– Наша магия другая. У нас нет тех заклинаний, которые доступны людям. Исцеление больных возможно только с вашей помощью. Если не принять меры сейчас, пострадают многие, в том числе и неволшебные... создания.

Вейлор встретился с ним взглядом, и на мгновение ему показалось, что старейшина читает его, словно раскрытую книгу. Он видит. Он видит Его! Почему айрг так прищурился? Потому что ненавидит То, что внутри него. Оно противно его природе. Айрг думает, что Оно не должно существовать, что Оно сдохло много-много веков назад! Айрг – один из Наследников? Он – угроза Нам!

– Ваше величество, разрешите? – послышался тихий голос из того угла, где стояли бургомистры. Вейлор резко повернул голову, вцепившись взглядом в говорящего. Кажется, этот правит городом Калиентар? Император кивнул.

– Вся страна в огромной опасности. Болезнь распространяется, как пожар... Помощь нужна как можно быстрее!

Мелочные людишки. Раздражают. Слабые, неспособные, хитрые, алчные. Они не нужны. Они не справятся, не смогут помочь Нам.

– Хорошо, – ответил он, помедлив. – Помощь будет. Ступайте.

Бургомистры немедленно, едва не бегом убралась из зала. Старейшины айргов переглянулись и остались, затем заговорил тот, что представлял поселение Делей.

– Нам нужно поговорить, ваше величество. У вас есть некоторые проблемы, в которые нам не хотелось бы вмешиваться, но нет выбора. Ваши проблемы могут стать нашими.

Их презрительные лица. Раздражают. Бесят. Их снисходительность и тон, словно они все знают. Они знают о Нем. Они – враги.

– Вон!!! – взревел Вейлор, вскочив из-за стола и хватив по нему кулаком так, что стеклянная столешница покрылась сеткой трещин.

Старейшины снова переглянулись и, подобрав длинные одежды, степенно удалились из зала.

Вейлор рухнул в кресло и зашелся страшным сухим кашлем, словно это душа хотела вылететь прочь из тела.

17 июня 3985 года от Раскола, Истван – поселение айргов

Девушка с сиреновой кожей, одетая в ночную рубашку, бежала прочь от горящих домов, крепко сжимая в объятиях двоих совсем крошечных детей и подгоняя криками другую женщину в халате. Позади них слышались пальба ружей, треск пылающих соломы и дерева, грохот падающих прогоревших стен, ржание лошадей и визги людей, горящих заживо. Оглушительно, надрывно кричали дети, женщины, мужчины – все те, кого огонь лишил возможности выбраться, и от их криков сердце рвалось на части. Тошнотворный запах паленой плоти и тяжелый металлический привкус крови встали во рту. В висках стучала кровь, тело трясло от отчаянного страха за родных, оставшихся там, позади. В голове осталась лишь одна мысль: защитить во что бы то ни стало.

Дальнейший путь преграждал забор. За ним был спасительный лес, темнота, мрак, в котором сейчас так хотелось раствориться. Девушка передала ревущих детей на руки другой женщине и ударом ноги вышибла из забора хлипкую доску. Она помогла беглецам выбраться наружу, а затем сказала:

– Мам, беги. Я должна вернуться и помочь. Не ищи меня, оставайся в лесу, пока не стихнут последние звуки. Последние! Ни за что не выходи раньше!

– Дочь! Куда! Только выздоровела! – в отчаянии рванулась к ней женщина. Девушка мгновенно остановила ее:

– Тихо. Не кричи. Им нельзя знать, что вы здесь, – тихо предупредила она. При виде бледной, жутко испуганной мамы сердце сжалось в комок. Но времени успокоить уже нет – нужно спасать других.

– Я люблю тебя, мам. Помни об этом, что бы ни случилось.

И побежала назад, едва разбирая дорогу и сжимая верный клинок.

На крыльце дома лежал отец. Эти твари истерзали его так, что она едва узнала родителя. Девушка рухнула рядом с ним на колени, и от ужаса не могла даже дышать. Воздух не выходил из легких, она задыхалась. Сзади послышался боевой клич, она обернулась. На нее бежал с занесенным для удара клинком обезумевший человек в алой кирасе. Быстро вскочила на ноги, инстинктивно отклонилась от удара. Едва дернулась ее рука – и брызнула тонкой струйкой кровь врага. Гвардеец пролетел мимо и упал в горящие обломки. С трудом подавив закипающие слезы и тошноту, девушка снова наклонилась к мертвому отцу, пригладила растрепанные черные волосы, слипшиеся от крови, и закрыла навсегда его нечеловечески зеленые глаза.

Ее брат лежал, неестественно выгнувшись и запрокинув голову в колодезь, ему рассекли грудь от плеча до пояса. Прекрасное лицо сохранило выражение легкого удивления от боли, пришедшей после удара. Девушка поцеловала его в гладкий лоб и последний раз взглянула в синие, словно безбрежный океан, глаза.

– Пожалуйста, пожалуйста, – бормотала она, оглядываясь в поисках последнего, кто должен был быть жив. Пожалуйста, пусть только он будет жив! Девушка побежала через площадь, заведя в переулке между горящими домами знакомый силуэт.

– Вар! – крикнула она.

Мужчина обернулся на зов, огонь осветил его грудь, и она увидела очертания двух торчащих стрел... Не помнила, как оказалась рядом. Не помнила, как ломала оперение стрел, не обращая внимания на призывы бросить его и бежать.

– Рин, перестань! – воззвал он из последних сил, схватил ее руки и сжал. Она остановилась. Набралась смелости и взглянула в родные лиловые глаза.

– Прости, что не смогу я дальше быть с тобой, – тихо проговорил Вар, поглаживая ее пальцы. – Я тебя люблю и всегда буду. Ты обо мне не печалься. Я счастлив, что с тобою был. Прости.

– Вар... нет... Ты же обещал! Ты обещал! Не надо, ну... – слезы покатались градом, падая ему на лицо. – Что ты вечно?.. Все же будет хорошо... Мы поженимся, как ты и хотел! Будем вместе!

– Обязательно. Сейчас я уйду, мой дух сольется с вечным и войдет в высшие сферы. Там тебя буду ждать. А ты живи. Ты счастлива должна быть, поняла?

Он прикоснулся к ее щеке и закрыл глаза. Девушка потрясла его за плечи, тихо зовя по имени, но он не откликнулся. А затем почувствовала, как исчез его дух... Тонкий, едва уловимый поток энергии пробежал по телу и растворился.

– Вар... – еще раз позвала она. И вдруг Рин осознала, что он больше не ответит. Он ушел! Ушел навсегда... Это опрокинуло ее навзничь, словно мощный удар. Рин затрясло, затошнило, рыдания и звериный вой раненого существа рвался из горла, раздирая его в кровь, словно душа просилась наружу – подальше от искалеченного сердца. Боль, слепящая, глухая, окутывающая разум плотной белой пеленой, заполнила все ее сознание, все мысли; ничего живого в них не осталось, лишь смерть и ненависть. Все это в один миг пропитало ее сущность насквозь и навсегда. Перед глазами мелькали мушки, плыла красная пелена, в горле клокотали слезы гнева...

Протяжный девчоночий писк ворвался в уши неожиданным гостем и привлек ее злое внимание. Девушка медленно повернула голову и увидела, как к забившейся под крыльцо дома девчонке приближается, широко раскинув руки, чтобы поймать, один из гвардейцев императора. Ночью напали, подлые твари. Знали, что днем им не совладать с аиргами...

Сжав покрепче рукоять клинка, Рин поднялась на ноги. Плечи и шея расслаблены и опущены вперед, колени мягкие, чуть согнутые для хорошего рывка. Она свистнула. Гвардеец обернулся к ней. Из-за угла горящего дома выбежали еще трое. Рин слизнула кровь с лезвия клинка. По телу пробежал жар, дрожь, руки налились силой, в ушах словно застучал бой барабанов, красное марево заволокло взгляд.

«Молись сам себе, сука!» – подумала она, и рванулась вперед.

В ту ночь небо над Истваном было багровым.

Глава первая, в которой Рин получает задание, обзаводится новым оружием и дает обещание

Ночь с 25 на 26 ноября 4009 года от Раскола, Сорин-Касто

Какому только мудрецу пришло в голову назначить встречу у Незамерзающего озера? Чистое поле, ветер от воды дует ледяной, пробирает до костей. Узкий серпик луны скрыт облаками, темнота хоть глаз коли.

Девушка в черном овчинном полушубке зябко топталась в беседке на берегу злосчастного озера, поминала непечатными словами всех, кто работает над ее маршрутами, и особенно выделила полковника Рошейла. Полночь уже минула, а посыльного с письмом все нет. Ситуация, однако...

– Все, еще пять минут, и я уйду. Уже полчаса жду, что за дела? – возмутилась девушка вслух и плотнее закуталась в шубку, прикрыв нос рукавом.

Через пару минут она увидела, как к беседке приближается некая фигура, и пригляделась. Судя по росту и телосложению, это женщина, а значит, та, кого девушка ждала. Да и кому еще взяться в этом месте в такую отвратительную погоду? Фигура подошла ближе к беседке, остановилась и покрутилась на месте.

– Я здесь, – оповестила девушка, выходя из-за угла и с укором глядя на посланницу.

– Слава богам! – выдохнула та и зашла в беседку.

– Я уже думала, не придете, миледи.

– Прошу простить за задержку, за мной увязались собаки. Пришлось искать псаря. Вот это письмо вы должны доставить господину Римеру. Рин, вы уверены, что хотите отправиться ночью? – осведомилась посланница, протягивая девушке конверт. – Все же путь неблизкий, дикие звери, разбойники...

Та, кого назвали Рин, усмехнулась и спрятала конверт во внутреннем кармане полушубка.

– Разбойников и диких зверей я боюсь меньше всего. А вот нарваться на патруль было бы совершенно лишним, поэтому здесь мне лучше передвигаться ночью.

– Что же, вам лучше знать. Когда господин Ример получит это письмо?

Рин задумалась и мысленно прикинула расстояние.

– Я плохо помню ту местность, не могу сказать точно. Сегодня двадцать шестое ноября, понедельник. Добираться мне туда около четырех недель, так что буду в Лонгвиле двадцать пятого декабря, если не случится чего-то непредвиденного. Не волнуйтесь, все будет в порядке, миледи.

– Да приглядят за вами Создатели! – вздохнула женщина, положив на плечо Рин изящную ладошку, обтянутую бархатной перчаткой.

Рин чуть улыбнулась.

– Вам нужно возвращаться, миледи, а мне пора в путь, – напомнила она.

– Не знаю, увидимся ли мы снова...

– В любом случае, это будет очень нескоро. Вы берегите себя, от вас многое зависит.

– Это вы берегите себя, от вас зависит больше. Обещайте мне! – потребовала Карен.

– Обещаю, – ответила Рин с мягкой улыбкой.

И, сжав на прощание руку Карен, покинула беседку.

Надвинув на лицо капюшон полушубка, она пошла по широкой дороге, что вела от замка Сорин-Касто к северо-западному тракту. Путь ее лежал в герцогство Танварри, и ближайшим большим городом, в котором ей предстояло остановиться, был Эрисдрей. Чтобы добраться

до этого города, ей нужно было сделать большой крюк через Паруджу, культурный центр Соринтии, потому что с севера на юг прямой путь преграждал Лунный лес. Конечно, можно было сэкономить дней пять и пойти через него напрямик, но очень уж не хотелось пробираться по пояс в сугробах и наткаться на лесных зверей.

Спустя три часа Рин вышла на северо-западный тракт, который огибал Лунный лес с юга и проходил прямо между ним и Раконирскими болотами. Она шла довольно быстро, поэтому холод ее не беспокоил, но ноги уже немного устали, и она задумалась об остановке. Наконец она вспомнила, что где-то в полудне должна быть деревенька Эверсер, там можно будет отдохнуть до утра.

Через полчаса Рин открыла двери придорожного постоялого двора. В нос ей тут же ударила вонь кислого пива и солонины, табака и пота. Рин поморщилась, когда пьяный в дым постоялец выдохнул прямо ей в лицо сизое табачное облако. Девушка натянула капюшон поильнее и на всякий случай нащупала рукоять револьвера под полкой полушубка.

Она молча прошла к стойке и села на высокий стул. Тучный усатый дядька лет пятидесяти, который был здесь трактирщиком, сонно взглянул на нее и поинтересовался, чего она желает.

– Чай покрепче, кусок мяса, суп и койку на пару часов, – ответила Рин и стала ждать заказ, уткнувшись лицом в сложенные руки.

Чай отдавал землей с плесенью, и Рин уже хотела поинтересоваться, из какого сорта пыли его заваривали, когда на стул справа хлопнулся рыжий вихрастый паренек лет двадцати с длинным узким лицом, усыпанным веснушками, и бесцеремонно устался на нее ничего не выражающим взглядом. Рин неприязненно покосилась на него и нахмурилась. Тут же на стул слева сел, положив ногу на ногу, другой. По одежде в нем можно было узнать торговца: зеленый плащ с гербом торговой гильдии поверх любой одежды носили только они. Крупный мужчина с пышными аккуратно подстриженными усами и бородкой, орлиным носом и живыми карими глазами. От него исходил странный, чуть острый аромат, который приятно пощипывал в носу, словно она вдыхала дорогой южный парфюм. Рин мельком взглянула на него и снова занялась чаем, надеясь, что никто не будет с ней заговаривать. Но ее надежды не оправдались.

– Хороший чай? – спросил усатый.

– Отрава, – ответила Рин, игнорируя возмущенный взгляд трактирщика. – Но сойдет.

– Э-э, вы одна здесь? – поинтересовался усатый, провожая взглядом мясо, которое ей принесла официантка.

– Вам какое дело? – ответила Рин вопросом на вопрос.

– А-а-а... Хм... Я к вам с таким вопросом... Я не отниму много времени.

Рин не ответила, только набрала полный рот тушеного мяса с картошкой, чуть не обжегши язык.

– Я сразу заметил в вас солдата.

Видимо, молчание Рин было слишком выразительным, потому что мужчина тут же пояснил свои слова:

– Ваша походка. Воин сразу узнается по походке... – улыбнулся он ей, помахивая рукой.

– Ага. А еще по пристегнутому к ноге револьверу и рукояти клинка в сапоге, – ухмыльнулась Рин, поворачиваясь к нему.

Из-под капюшона были видны лишь ее изогнутые в усмешке розовые губы и острый подбородок.

– Ну да, ну да, – зачастил торговец, с опаской глядя на ее сиреневую кожу. – Дело в том, что я продаю оружие. Не так давно один мастер оружейного дела подарил мне вот такую интересную вещь.

С этими словами он кивнул рыжему, тот достал из рюкзака маленькую деревянную коробочку и открыл. В ней лежал револьвер и пять патронов рядом.

– Ну и чего вы от меня хотите?

– Я хотел бы, чтобы вы оценили это оружие профессиональным взглядом, так сказать, и дали мне ответ на вопрос, насколько оно ценно. Оружейник так долго распинался, что это новинка, что это будет, так сказать, самое продаваемое оружие, только покажи его людям... Я хотел бы знать мнение того, кто будет, так сказать, пользоваться им, – он хитро улыбнулся.

– А-а, ясно. Пока не использую, мнения вам не услышать. Расскажите подробнее.

Рин пристально следила за выражением лица усатого, было видно, что он с трудом подбирает слова, каждый раз вопросительно глядя на своего помощника.

– Мастер говорил, что здесь в патронах используется... бездымный порох, а сама конструкция револьвера такова, что прорыва пороховых газов больше не будет. А еще можно забыть о шомполах, долгой зарядке, застревающих гильзах... Это прорыв!

Рин снова осмотрела револьвер. Красивый, форма у него совсем не такая, как у ее револьвера. Ствол короче, рукоять ближе к стволу, курок выглядит надежнее. Страшно захотелось взять его в руки. Но как им пользоваться?

– Он утверждает, что такого еще не было, но мы-то с вами знаем, что мастеров много, и не все они друг о друге знают, и, может быть, где-то это уже давно производится. Не хотелось бы, так сказать, прогадать на сделке. Сами понимаете, мне сравнить такую диковинку не с чем, – сказал он, достал револьвер из коробки и протянул ей.

– Правда что ли? – удивилась она, принимая оружие, и как бы невзначай поинтересовалась: – А кто мастер-то?

– Бенедикт Дезире, если это имя вам о чем-то говорит.

Рин взглянула в глаза торговцу и отметила, что тот очень сильно нервничает. Он боялся ее, и Рин чуяла это, как животное чует человеческий страх. Узнал, что она айрг, и испугался? Хотя его можно понять. Вооруженный айрг, сидящий в трактире, – это, конечно, редкость, какую встретишь в жизни раз или два.

– Мастер Дезире ерунды не скажет. Если он говорит, что это будет лучшее оружие, значит, так оно и есть, – ответила Рин, взвешивая револьвер и отмечая про себя, как удобно он лежит в руке. – Мастер Дезире, он же Пороховой Папа, в моих кругах очень известен. Странно, что вы, торговец оружием, о нем не знаете, – прищурилась она и добавила: – Вы не торговец оружием.

– Э-э... – усатый явно растерялся. – Я, так сказать, не совсем торговец оружием...

– Ага. Не совсем опыт, не совсем торговец оружием, а может быть, и совсем не торговец? – нехорошо улыбнулась Рин, чуть отодвигая тарелку в сторону и откидываясь на стуле, чтобы в поле зрения были и торгаш, и его рыжий помощник. – У вас есть минута, чтобы сообщить, кто вы и что вам надо. И учтите, что это очень много.

– Э-э... – занервничал торговец. – Я торговец! Правда, не торговец оружием... Я продаю специи. Этот револьвер мастер Дезире подарил мне в качестве благодарности за то, что я привез ему редкие пряности с юга. Но мне такое оружие ни к чему, в городах оно, так сказать, вызывает вопросы гвардейцев, поэтому я хочу его продать. Пожалуйста, не сердитесь на меня, госпожа!

Чуткие уши айрга не уловили в его речах лжи, и Рин плюнула в сердцах: что за идиот! Нагло врать, продавать такую ценность! Звезды светлые, некоторые люди отличаются идиотизмом.

– А от меня-то чего надо? – хмуро спросила она. – Не вздумайте врать, я сразу пойму.

– Хотел узнать, за сколько его можно продать, – пожал плечами торговец.

Рин задумалась. С одной стороны, у нее уже есть револьвер, но получить новенький дезире... Этот простофиля сам не знает, что ему досталось. Дезире только недавно начал

выпускать револьверы, они еще не слишком известны. Однако даже не испытывая револьвер в действии, Рин могла с уверенностью сказать, что это оружие на сегодняшний день было, бесспорно, лучшим среди всех подобных. Во имя богов, как Бенедикту удалось такое создать?! Нет, его точно нужно брать, нельзя оставлять в руках у этого растяпы. Рин прикинула свои средства. Даже если здесь она потратится, до пункта назначения ей вполне хватит, если не шиковать, а там ее ждет плата.

– Три тысячи ремов, – заявила девушка, разглядывая клеймо на рукояти: оскаленный медвежий профиль.

– Это задаром! Шесть тысяч!

– То есть мало того, что вы врите на каждом шагу, вы еще и торгуетесь за вещь, в которой ничего не понимаете? – Рин склонила голову влево и с прищуром посмотрела на торговца. – Как бы ни была хороша работа мастера Дезире, больше четырех тысяч за револьвер никто не даст.

– Четыре тысячи, – торговец пошел на попятный.

– Ай умница! – обрадовалась Рин. – И коробку патронов.

– У меня нет к нему патронов, – возмутился усатый.

– Я преотличнейше знаю, что есть, – кивнула Рин, не сводя с него глаз. – Пороховой Папа никогда не отдаст свое оружие, не снабдив патронами. Будьте щедрее, господин хороший, и люди к вам потянутся.

Тяжело вздохнув, торговец кивнул помощнику, и тот достал из рюкзака коробочку с патронами. Рин, в свою очередь, отсчитала деньги. Сделка закончилась, и торговец удалился вместе с помощником за свой стол. Девушка подумала, что день начался хорошо.

Только пока трепалась, суп остыл. Гадство!

Рин расплатилась за еду и койку и поднялась на второй этаж, в малюсенькую комнатку, где едва помещалась узкая кровать и маленькая тумбочка. Спать на жесткой койке не хотелось, поэтому она вручила десять ремов мальчишке-коридорному, который проводил ее в комнату, и тот принес откуда-то тяжелое ватное одеяло, пропахшее табаком.

– Любой ценой разбуди меня в шесть утра, – сказала она мальчишке, закрывая за собой дверь.

Рин не была человеком, она была айргом. Внешне Рин отличалась от людей лишь теплым сиреневым цветом кожи и неестественно яркими глазами изумрудного цвета. Но сейчас ее глаза были потухшими, лицо напоминало цветом прокисшую овсянку, а манера передвижения – зомби.

Рин была айргом, а все айрги любили хорошо поспать. Даже годы службы в армии не изменили ее привычек: после ухода в увольнение организм немедленно забыл режим с ранними подъемами, и никто не мог разбудить Рин раньше десяти утра. Впрочем, начальство довольно быстро сообразило, что проще дать ей выспаться и получить полностью готового, сильного и здорового бойца, чем разбудить вместе с петухами и пытаться чего-нибудь добиться от полена, которое Рин являла собой по утрам.

Как и всякий айрг, Рин могла проснуться от ощущения опасности, поэтому она не сильно переживала о том, где ей спать. Сон – это очень важно, считала Рин, и вытренировала в себе способность засыпать в любой обстановке: в тряской кибитке, на лошади, на земле, на дереве, в снегу. Но этой ночью крепко уснуть не удалось. Во-первых, от одеяла несло табаком, а от него страшно слезились глаза и хотелось чихать. Во-вторых, во дворе визгливо лаяла собака. В-третьих, за стенкой кто-то трахался, производя слишком много шума. В-четвертых, ей нужно было скоро вставать.

В шесть утра, сшибая все углы и не обращая внимания на заинтересованные взгляды, Рин спустилась в зал, позавтракала куском козьего сыра с хлебом и вытащила свое сонное тело

на улицу. Было еще темно, в воздухе витал аромат свежей смолы и хвои – это где-то за углом рубили дрова. На заборе надрывался петух, а в сарае хрюкали свиньи и причитала женщина, звякая ведрами.

Она потянулась, сладко, с хрустом в челюсти зевнула, вдохнув полной грудью морозный воздух, и отправилась дальше.

Спустя два часа широкий тракт, где без труда могли ехать в ряд четыре торговых повозки, вывел ее ближе к берегам Арны. Эта полноводная река брала начало на севере Драконьих гор и широкими лентами растекалась через весь континент, обнимая его руками-притоками с юга и с севера, словно мать – дитя.

Через некоторое время Рин подошла к развилке и свернулась с картой. Тракт шел в Синтар, довольно большой город, служивший чем-то вроде речного порта и центра торговли во владениях, принадлежащих императору. Ей туда было не нужно. Она хотела пройти как можно дальше от постов гвардейцев императора, которые располагались у входа в Синтар и выхода из него. А вот проселочная дорога, которая вела к самым берегам Арны через россыпь рыбацких поселков, вполне подходила.

Светало: на востоке занималась розовая заря, окрашивая верхушки хвойных лесов на горизонте в красный цвет. На белой глади замерзшей Арны черными кляксами выделялись рыбаки. Рин уже прошла одинокие черно-серые домишки на отшибе от поселка и сейчас приблизилась к центру: люди стали попадаться чаще, дома стояли плотнее. Девушка снова натянула капюшон на глаза.

Большинство домов были бревенчатыми, древесина снаружи – серой и волглой, местами пораженной плесенью. Красить дома здесь было бесполезно из-за погодных условий, поэтому владельцы лишь смолили внутренний брус да щедро просыпали его махоркой от древесных вредителей. Рыбаки чуть свет уходили на реку, возвращались обедать и снова уходили до ночи, поэтому требования к своему жилищу предъявляли совсем невысокие.

Рин старалась выбирать улицы, где не было людей. В ее одежде она здесь весьма приметна, а слухи в деревнях распространяются быстрее, чем зараза в госпитале. Девушка взглянула на наручные часы: половина девятого. Патруль должен начать обходы в девять утра, и до этого кровь из носа нужно миновать Синтар и выйти к Мертвым топям. Значит, времени у нее осталось не так много. Интуиция шепнула ей бежать, и она побежала, уже не заботясь о том, что кто-то мог ее увидеть. Рин как раз пробежала мимо такелажной лавки, которая стояла последней в ряду низких домиков, когда путь ей внезапно преградил седенький дедуля, похожий на сморщенный гриб. Рин невольно остановилась, и он сцапал ее за рукав.

– Постой, девонька, помоги дедушке, – прокряхтел старик, стучая об снег палкой, на которую опирался. – Дочка заболела, тяжелая совсем, маленький есть просит, а одному мне не сладить с двумя!

– Ох, не вовремя ты, дедуля, спешу я! – поморщилась Рин, нервно глядя на часы: без пяти девять.

– Не оставляй старика погибать, совсем некому помочь... – огорчился тот.

– Дедуль, прости! Нет времени!

– Нешто от собак бежишь? – он как-то странно покосился за ее плечо, а потом хитро усмехнулся и поманил ее.

– Пойдем, девонька, я тебя укрою. Понял я тебя: ты от гвардейцев скрыться хочешь.

Рин остолбенела:

– Чего?!

– Пойдем! Пойдем, да поскорее! Патруль пройдет, тебя не сыщет. Ты уже уйти не успеешь, вон уже они идут, – он махнул рукой куда-то за ее спину.

Рин обернулась и увидела в самом конце деревни группу солдат, возглавляемую командиром в алой кирасе. Они шли нога в ногу, их топот отдавался в ее ушах тянущей болью.

Зубы у Рин заныли, кулаки зачесались. Пот прошиб ее от макушки до пяток, и липкий страх скрутился узлом где-то внизу живота. Только теперь она поняла, что вперед ее гнал звук их марша, который она слышала еще раньше, но не распознала. Дед потянул ее в сторону своей бревенчатой хибары.

– Дед! – рыкнула она, вглядываясь в его мутные серые глаза. – Только без фокусов.

– Не волнуйся, девонька, у меня сын такой, как ты, – улыбнулся он, и его лицо стало похоже на печеное яблоко.

– Был когда-то... – добавил старик, и усмешка его потухла, а в глазах словно появилось и тут же пропало темное пламя.

Она вошла в хибару вслед за дедом. Обстановка была бедняцкая: две комнаты с низкими потолками, единственное неширокое окно занавешено пожелтевшим от времени тюлем. В черной от сажи и копоти печурке бился огонь, на котором грелся котелок. От него шел запах рыбного бульона. В углу комнаты стояла детская кроватка с резными решетками, в ней тихо плакал малыш. В другой комнате стояла еще одна кровать, на которой лежала укрытая двумя тяжелыми одеялами очень бледная женщина.

– Чем она болеет? – спросила Рин, приглядываясь к женщине.

– Зимняя немочь... Всю осень ходила в легком платье, работала – себя не жалела, ела плохо.

Рин скрипнула зубами и прикинула возможные варианты болезней.

– Ладно. Поищу, чем могу помочь. А пока... подвал у тебя есть?

– Погреб-то? Есть погреб, да зачем тебе в него? Они в дома не заходят, так, мимо пройдут да уйдут.

– Пошли в погреб. Дочери скажи, что ты пошел за лекарем. Быстро и тихо.

Дедушка прошел в дальнюю часть коридора, отодвинул ногой домотканый половинок, открыв люк в полу. Через минуту, поддерживая деда за руку, Рин спустилась в сырой темный погреб, где воняло прелой картошкой, вяленой рыбой и плесенью. Неверный свет единственной сальной свечи выхватил из темноты полки с бочонками, связку рыболовных снастей и висящий на стене охотничий самострел.

Рин присела прямо на пол, облокотившись на полку.

– Дед, ты говорил, что сын у тебя был такой, как я. Что ты имел в виду?

– Был сынок-то, да... – огорчился старик и стал бесцельно двигать крынки, в которых, наверное, хранились припасы. – Тоже прятался от этих собак-гвардейцев.

– Расскажи мне про него больше.

– Немного я рассказать могу. Сбежал из дому уж давно. Когда уходил, сказал лишь, что должен прекратить это безумие императора. Потом приходил-уходил, когда вздумается. Так, бывало, придет, посидит со мной, а наутро след простыл, и год цельный нету! Только теперь я не знаю даже, жив ли он. В последний приезд он сказал, мол, нашел тех, кто собирается свергнуть императора, да кристалл уничтожить. Я все думал еще, не о том ли кристалле он говорил, что выкопали тогда под Золотым Когтем? Наверное, о нем...

– Дед, как зовут твоего сына?

– А тебе почто? Илар.

– Илар? – удивилась Рин, просветлев лицом. – Он такой высокий, рыжий, глаза карие? Старик кивнул, Рин улыбнулась и сняла капюшон.

– Девонька! – ахнул старик, глядя на нее с крайним изумлением. – Так ты из этих...

– Ну да, да, я аирг. Скажи, я описала твоего сына? – она встала и взяла деда за руку. Он все еще потрясенно смотрел на нее и только кивнул в ответ.

– Я знаю твоего Илара. Не волнуйся, он жив и с хорошими людьми.

– Девонька... – хрипло выдохнул старик, и его глаза заслезились.

– Ты раньше жил в поселке под горой Золотой Коготь, верно? И когда кристалл выкопали, Илар был там, именно он побежал докладывать о находке, да?

Старик снова кивнул, верно, язык его не слушался.

– Дед, вероятно, через месяц я встречу твоего сына. Я обязательно передам ему, чтобы он навестил тебя.

– Ох! Ох! – запричитал он, сминая ее ладошку и глядя благодарно.

Вдруг Рин напряглась всем телом: чуткие уши уловили звуки шагов совсем рядом. Гвардейцы шли мимо дома. Она закрыла старику рот и напряженно вгляделась в потолок. Наверху заплакал ребенок. Марш остановился. Закрипел снег под сапогами, когда кто-то подошел к дому. Он открыл входную дверь и зашел. Рин задержала дыхание и нащупала револьвер; ощущение нагретой ее теплом тяжелой рукоятки в ладони немного успокоило. Вошедший сделал пару шагов внутрь, окликнул больную, но, получив только тяжкий вздох вместо ответа, развернулся и вышел, хлопнув дверью. Слышно было, как гвардеец уходит, а следом снова раздается мерный марш. Только когда он совсем стих, Рин выдохнула и освободила старика. С ее помощью они вылезли из погреба, и девушка принялась осматривать больную женщину. Она была очень слаба, едва-едва в сознании. На бледном грязном лице выступили пунцовые горячечные пятна, ее душил сильный кашель.

Рин порылась в своем рюкзаке, выудила несколько склянок с согревающими настойками, целебные травы и принялась варить лекарство. Спустя полчаса все было готово, и она отпаивала полуобморочную женщину из деревянной ложки ухой, заставляя ее после каждого глотка пить горькое лекарство. Дочь старика и впрямь была похожа на Илара: такая же рыжая, плотная и с добрыми карими глазами. Рин взбила подушку и уложила ее обратно, сказав отцу, что скоро все будет хорошо, нужно только каждый час поить ее этим отваром и обязательно кормить.

Ребенок хныкал потому, что описался и замерз в мокрых одеялах. Рин перепеленала его и как раз собиралась покормить, когда дверь комнаты распахнулась, громко хлопнув о стену. Вошел шатающийся мужик в сером грязном кафтане. От него со страшной силой разило спиртным и рыбой. Старик встал посреди комнаты напротив него, опершись на свою палку обеими руками, а Рин тут же натянула капюшон на лицо и встала в темный угол, за шкаф, чтобы ее не было видно. Малыш в ее руках притих, сладко посапывая.

– Папаша! Сегодня клева нет, я останусь дома. А где Милка?

– Вил! Утро еще, а ты опять пьяный?! Ах ты, бестолочь, никакого сладу с тобой нет! Жена больная, ребенок голодный, а он пьет!

Тон старика был больше жалким, чем грозным.

– Заткнись! – нахмурился мужик. – У тебя слова нет. Я тут вас всех кормлю! Милка где, спрашиваю?

– Где тебя носило всю ночь, пьянь ты такая?! Болеет Милка!

– А ну зови сюда свою девку! Пусть ходит к Нату, возьмет у него еще браги!

– Слегла Милка! Никуда она не пойдет!

– Ах ты мне перечить вздумал?! – взревел Вил, пьяно пошатнулся и замахнулся на деда.

Рин, не выпуская ребенка, скользнула к Вилу и ударила ногой в центр груди, отчего тот свалился на пол. Она тут же наступила ему каблуком на кадык и чуть придавила, чтобы не дергался. Затем осторожно передала дитя деду и демонстративно достала нож из-за голенища сапога, все еще придавливая горло мужчины. Тот обалдело тарасился на нее и что-то невнятно хрипел. Из уголка его рта потекла струйка крови, видимо, от удара об пол он прикусил губу или язык. Рин медленно наклонилась к нему ближе.

– Никогда не смей поднимать руку на старших, ясно тебе? – тихо и спокойно сказала она, поигрывая оружием.

Вил кивнул, не сводя с нее ошарашенного взгляда, Рин убрала ногу с его горла, и отошла, оттеснив плечом старика с младенцем. Видимо, Вил от страха в секунду протрезвел, потому

что тут же подобрался с пола и собрался сбежать на улицу, но это в планы Рин не входило: она рванула его за шкурку и снова уложила на лопатки.

– А ну стоять! Куда собрался?

– Да ты кто такая?! – он попытался вырваться и встать.

– Лежать и бояться, я сказала! – рявкнула она.

В следующий миг острый нож свистнул в опасной близости от уха Вила и воткнулся в дощатый пол. Вил кивнул, со страхом глядя на нее. Рин присела рядом с ним, надавив ему коленом на живот, выдернула нож и приставила к горлу потенциальной жертвы.

– Я друг семьи, – прошипела она почти ласково. – Слушай-ка меня, ты, пьянь подзаборная! Будешь сидеть с больной женой и каждый час поить ее лекарством. Будешь ухаживать за сыном и беречь его, как зеницу ока. Ты не скажешь ни единого грубого слова деду. Кивай-кивай, мне нравится, как ты это делаешь.

Вил в ответ отчаянно закивал, да так, что Рин подивилась, как у него голова не отваливается. Впрочем, когда некоторым людям приставляют нож к горлу, они становятся такими послушными!

– Запомни, Вил, я не шучу, мое слово крепче камня. Только попробуй воспользоваться моим уходом и что-то сотворить с женой, ребенком или дедом. Только попробуй еще хоть каплю спиртного в рот взять! Я приду еще раз, и если я узнаю – а я узнаю! – что ты с ними плохо обращался, я отрежу тебе пальцы один за другим, – она провела лезвием ножа по всей его руке и до самого горла. – А потом выпотрошу, как рыбу! – острие ножа уперлось в его живот. – И скормлю волкам по кусочкам, понял ты?

Вил шумно сглотнул и заскулил. Рин пнула его в бок, чтобы поднялся, и тот сразу же вскочил и отшатнулся от направленного на него лезвия клинка.

– Быстро к жене, – рыкнула она и, проводив его взглядом, обратилась к старику, который стоял ни жив ни мертв.

– Дедуль, ты как?

– Ох... Девочка, что ж ты творишь! Напугала старика... – охнул он и тяжело опустился на шаткий табурет, прижимая к себе внука.

– Ну... уж прости, некоторых людей только так можно вразумить, – она присела на корточки и посмотрела ему в глаза снизу вверх. – Я могу что-то еще сделать для тебя? Как тебя зовут-то?

– Берни. Ох, дочка, нет, ничего не нужно больше. Я и так просил слишком много.

– Я найду Илара и заставлю этого засранца появиться дома, – сказала она, еще не вполне представляя, как выполнит обещание.

Рин порылась в рюкзаке, выдернула со дна кошелек и несколько тысяч ремов из него.

– Вот. Держи. Это немного, но большего дать не могу, впереди дорога долгая. Я передам Илару, что у него есть племянник. А сейчас, прости, дед, мне нужно идти. Очень спешу.

Она поднялась и, хлопнув его по плечу, зашла в комнату, где сидел сжавшийся от страха перед ней Вил, и где лежала все еще слабая дочка старика. Рин подошла к Вилу ближе и подцепила кончиком ножа его подбородок, заставив поднять лицо.

– В глаза мне смотри, – потребовала она, – и повторяй за мной: я никогда не обижу старика.

– Я не... не обижу старика.

– Я не трону жену и буду заботиться о ней.

Он послушно повторил, заикаясь.

– Ребенок – мое сокровище, и я выращу его достойным человеком.

Вил замешкался, бросив взгляд в сторону деда с ребенком, но ледяная сталь, больно кольнувшая горло, действовала очень убедительно. Он шумно сглотнул, проследив глазами за бликами на кромке лезвия, и повторил сказанное.

– Узнаю, что нарушил обещание – распотрошу, как рыбу. Ясно?

Вил быстро закивал. Девушка удовлетворенно хмыкнула и направилась к выходу.

– Прощай, дед. Скорее всего, мы больше не увидимся. Будь здоров!

И Рин выскочила на морозный воздух, глубоко вдыхая его чистый ледяной запах. После разговора с этой пьянью ей хотелось дышать как можно глубже сладким холодным ароматом и вымыться самым едким мылом. Рин, осторожно оглядываясь по сторонам, быстро зашагала прочь от деревни, надеясь, что никто больше ее не остановит.

Значит, нашлась пропавшая родня Илара... Вот как! Оказывается, они просто переехали, поэтому он и не смог найти их на прежнем месте.

– Только не забудь ему сказать... – пробормотала Рин. Обернулась посмотреть на черный домик деда, чтобы запомнить место, и увидела встающее над лесом солнце. В золотых лучах ей на миг почудилось солнечное и улыбающееся лицо Илара.

– Да, шенок, зря ты из дома сбежал, – протянула она, вспоминая смешного товарища: долговязый и нескладный парень с вечной смешинкой в карих, как у собаки, глазах. Она и щенком-то его называла именно поэтому. – В твой дом пришел вор, а тебя нет... Доведет этот Вил до могилы твоего папашу... Доведет. Не успеешь ты.

Рин прибавила шагу, в мыслях крутились последние разговоры с Иларом.

Интересно, почему она сейчас вспомнила его так отчетливо, словно они расстались вчера, а не полгода назад? Ведь даже никогда не общались близко, с чего вдруг такая тоска по нему? И почему мысли о нем в прошедшем времени? От злости на себя Рин пнула снежный ком и больно ушибла ногу: ком оказался куском льда, прикрытым снегом.

– А-ах-а! У-у... – Нагнулась потереть ушиб. Взгляд упал в сторону Арны. У самого берега, под низким навесом, крытым досками и сеном, сидел рыбак и смолил лодку. На секунду ей показалось, что там сидит Арман – так похож на него был тот рыбак. Такая же большая фигура, словно у медведя и косматые черные волосы.

– День тоски по близким объявляю открытым! – горько усмехнулась Рин. – Для полноты картины осталось найти кого-то похожего на Зару.

Еще шагов сто она прошла в тишине, строя увлекательные планы, в которых фигурировали Зара, Арман и три бутылки маклирки. Арман был для Рин одним из «островков спокойствия». Самый надежный во всем мире человек, ради которого Рин прошла бы даже через пламя А-Керта [1]. Еще была Зариня, сестра Армана. Верная подруга, способная выслушать и – что немаловажно – понять.

– Скучаешь, Рин Кисеки! – обратилась она сама к себе, ухмыляясь. – Строишь из себя невесту что, вся такая ледяная королева, а ткни поглубже – и все! Уже не ледяная королева, а мамин пирожок с олениной.

И сама себя оборвала:

– Да заткнись ты! Почему сразу с олениной-то? – помолчала немножко и вздохнула тяжело: – Эх, сейчас бы маминых пирожков с олениной!.. Да и вообще, повидать бы ее... Что ж я за жопа такая? Ну ладно, приехать не могу, но письмо-то послать никто не запрещал! Как приеду к этому герцогу, сразу напишу ей!

Рин уже представляла, как в красках распишет весь последний год жизни. Да, письмо выйдет немаленькое...

Рин писала маме раз в год, чтобы сообщить, что все еще жива, что движется к цели, что однажды вернется. Обратного адреса Рин не оставляла, поэтому не получала ответов и не знала, как обстоят дела дома. Она все еще называла Истван домом, хотя и не имела на это права: путь туда был закрыт, ее изгнали. И хорошо: меньше соблазна вернуться. Признаться по совести, Рин думала о том, чтобы перевезти маму в Кимри и поселить в своей квартире, но всякий раз эта мысль ломалась об один железный аргумент Зарини: «Ты редко бываешь

дома, ты не сможешь о ней позаботиться, а ей будет плохо и неудобно жить среди людей одной. Она – не ты, люди не примут ее, а она не примет их». Рин огрызалась, говорила, что сможет, но через некоторое время соглашалась с подругой. Да и не сживется она с мамой... Не с ее нынешним характером.

Уже столько лет в груди был только ледяной ком, и сколько бы Рин ни старалась, не получалось вести себя с родными и близкими людьми тепло. Да, она общалась с ними со всей теплотой, на какую была способна, но никогда не говорила, что они для нее на самом деле значат. По какой-то неизведанной и непонятной даже для нее самой причине ей было тяжело признаваться в симпатии к ним, говорить теплые и ласковые слова, хотя – звезды свидетели! – уж кто-кто, а они этих слов заслуживали. Некоторые упрекали, что она относится к чужим людям гораздо добрее, чем к родным. В ответ на это Рин только вздыхала и продолжала надеяться, что родные сами, без ее слов, поймут, как много значат для нее. Да и разве могла она вести себя иначе? В конце концов, ее звали Рин Кисеки, что с ее родного языка айриго можно было перевести как «неприветливое чудо».

Пожалуй, только в письмах к маме Рин могла проявить нежность. Потому что не нужно было сталкиваться с реакцией. И потому, что мама – это мама. Воплощение понятия «дом», который Рин потеряла после трагедии в родном Истване, и который в тайне всегда хотела вернуть.

Можно вернуть дом, но как вернуть тех, кто погиб, защищая его? Как вернуть разрушенную семью? И как унять чувство вины? Рин не сомневалась, что виновата в их гибели, что если бы была рядом, то кошмара можно было бы избежать. Но мужчины настояли, что она должна помочь бежать матери и соседским детям, чьих родителей унесла чума, и отправили ее прочь с поля боя. Как Рин злилась на отца! Уж лучше бы отправил Юки, ее бестолкового и нетренированного брата, чем Рин. Подумать только – отправить восвояси профессионального солдата, пятнадцать лет служившего в войсках особого назначения и закаленного сотнями боев! Но спорить с ним было некогда – огонь пожирал дома быстро, а гвардейцы императора наступали еще быстрее, не позволяя опомниться жителям Иствана. Люди знали, что айригов можно одолеть, только если застичь врасплох. Готовый к бою и разгневанный айриг – страшный противник. Поэтому гвардейцы императора пришли среди ночи, окружили Истван в кольцо и подожгли окружающий лес. Огонь мгновенно перекинулся на дома. Когда безоружные айриги выбежали из горящих жилищ, гвардейцы напали. Они не щадили никого, зная, что им нечего терять, кроме жизни. Мало того, у них был приказ погибнуть, унеся с собой так много айригов, как это возможно.

Чем кончилась та страшная ночь, Рин предпочитала не вспоминать. Но и забывать не хотела. А даже если бы захотела, то не смогла – традиция кровной мести требовала отомстить за семью. Едва успокоив маму, Рин отправилась выяснять, кто поможет ей убить императора, приказавшего спалить Истван живьем. Она надеялась, что с ней пойдут и другие айриги, ведь не одна она пострадала в этой бойне, но все молчали. Рин просила помощи, требовала вспомнить о долге, о чести, взывала к завету Старейших айригов следовать традициям, но тщетно. Старейшина лишь указал ей, что она не имеет никакого права говорить о чести и долге, и уж тем более – вспоминать о традициях. Рин обозвала его трусливым шакалом, а он в ответ объявил ее изгнанницей. Сжав зубы, Рин простилась с матерью и ушла из Иствана навсегда. Она знала, где искать помощь, хотя и не была уверена, что может просить о таком.

Дождь тогда лил, словно небо с морем местами поменялись. Продрогшая до костей, измотанная долгой дорогой, державшаяся лишь на кипевшей внутри злости Рин, пришла в дом Армана и потребовала объяснений, что такого произошло, пока она была не у дел. Оказалось, в стране все летит под гору. Началась война с Маринеем и солдаты вражеской армии наносят удары по южным городам. Император отрекся от сына, а императрица и принцесса ушли в монастырь. И что в его поведении, вероятно, виноват некий кристалл, который откопали

несколькими годами ранее под Золотым Когтем. А еще Арман рассказал, что его и Заринею, а также всю старую команду уволили из департамента безопасности Соринтии и объявили вне закона за помощь Рин. Одна сволочь постаралась, и власти объявили их в розыск. Рин тогда просидела на диване Армана часа два ни жива ни мертва. Рассказанное просто не укладывалось в голову. Факты не связывались один с другим ни под каким углом, и только когда он повторно разжевал, что к чему, она с трудом смогла в это поверить.

Окончательно сомнения развеялись, когда они вместе нашли Илара и мальчишка рассказал все, что видел в тот день, когда откопали и увезли в замок кристалл. Кругом были одни вопросы и ни единого ответа. Чуть позднее, в сентябре того же года, Арман, пользуясь собственными связями, оставшимися после службы, смог создать что-то вроде тайного общества, которое пыталось раздобыть сведения о кристалле. Общество не имело никакого названия, вступить в него было невозможно. Новых людей вербовали сам Арман и высшее руководство. Если человек был нужен, его находили, людей с улицы никогда не брали: печальный опыт одного из руководителей департамента безопасности кое-чему научил тех, кто расхлебывал последствия приобретения этого опыта. Арман как бывший глава особого отдела совместно с герцогом Танварри, который являлся фактическим главой их общества, долго корпел над схемой работы, и в итоге был разработан план по свержению императора. Рин сначала отказывалась иметь дело со всеми, кто так или иначе относился к властям, и совершенно не понимала, зачем снова нужно разворачивать бурную деятельность, если она в одиночку все могла решить одним метким выстрелом в голову императора. Но Арман убедил Рин, что действовать наобум нельзя; никто не мог сказать, чем закончится история для всего мира, если императора попросту убить. К тому же, лишит государство законного правителя означало ввергнуть Соринтию в междоусобную войну в дополнение к войне с Маринеем, а от этого не выиграл бы никто. Тогда Рин пришлось усмирить свою ненависть к императору и сосредоточиться на кристалле, от которого, по утверждению Армана, исходили все беды.

Достать информацию о кристалле было невозможно без внедрения шпиона в замок. Пришлось потратить несколько лет, чтобы найти Карен, женщину с абсолютной устойчивостью к магии разума. Еще три года – чтобы выдать ее замуж за влиятельного герцога Атриди, приближенного к императору, и единственного, кто остался вхож в замок. Рин, обладательницу некоторых нетривиальных способностей, Арман уговорил стать особым курьером. Она доставляла особо важные письма герцогам, а также добывала сведения из таких источников, из каких никто другой не смог бы.

Рин страшно раздражало, что объемы работы были грандиозными, а темпы – невероятно медленными, но сделать с этим ничего не могла. То есть, могла, конечно, но ее вариант решения проблемы никого не устраивал. Арман шутил, что помрет раньше, чем они дойдут до конца списка в «плане освобождения». Рин страшно обижалась на него за эти шутки, не хотела допускать даже мысли, что останется один на один со своей бедой. Но однажды, глядя на седину в висках и дрожащие пальцы друга, с ужасом поняла, что ей придется провожать Армана в последний путь, и, возможно, скоро. Шестьдесят лет – это только начало жизни для айрга, но для человека – немалый срок.

За всю свою немаленькую жизнь Рин была на кладбище лишь дважды. Первый раз, когда пришла на могилу к первому, кто погиб от ее руки, и это была, скорее, вынужденная необходимость. Второй раз она пришла на могилы отца, брата и любимого. Спустя почти пятнадцать лет после их смерти, наслушавшись советов от Заринеи и других людей, она заставила себя встретиться с этим. Нарыдалась до мушек перед глазами и тошноты, но никакого облегчения, никакой обещанной светлой печали это не принесло, она лишь сильнее возненавидела того, по чьей вине ей пришлось расстаться с родными. Поняв, что советы, подходящие для людей, совершенно не подходят ей, она перестала делиться своими душевными переживаниями с кем бы то ни было. Заринея говорила, что это вредно для психики, Рин, памятуя, к чему

привел прошлый совет, посылая ее подальше. Но иногда все же думала: что если Зара права, и нужно рассказывать о своей боли как можно чаще?

Солнце клонилось к западу и заходило за перистые облака, окрашивая их в розовый, алый и сиреневый цвета. Вскоре на потемневшем небесном полотне проступили первые звезды. Температура стала падать, и Рин пришлось замотать лицо шарфом, чтобы мороз не щипал щеки. Она уже подходила к самой узкой части тракта, которая пролегла между Мертвыми топями и Лунным лесом. Рин прошла одиноко стоящее у дороги каменное здание пункта снегоуборочной службы и подумала, что как раз где-то неподалеку должна быть деревня Тухлянка, в которой она рассчитывала остановиться после целого дня пути. По примерным подсчетам, Рин преодолела за день около сорока миль, от усталости у нее подкашивались ноги, и она уже серьезно подумывала обратиться к Братьям-мурианам и какую-то часть пути до Паруджи проделать верхом. Девушка понимала, что впереди еще невероятно долгая дорога и лучше побережь силы и сэкономить время. Ее ждали совсем дикие места, где не встретится ни одного поселка или постоянного двора целую неделю или больше. Но ей не хотелось дергать Братьев по таким пустякам, после того как она эксплуатировала их все лето. В конце концов, она решила бросить монетку. Монетка два раза упала профилем королевы Дзиттарии вверх, что означало воспользоваться помощью. Рин тяжело вздохнула и прибавила шагу.

Деревня выросла словно из ниоткуда. Дорога круто завернула за густой лес, и Рин обнаружила открытые ворота окружной стены деревни. Помимо стены, деревню с трех сторон обступал высокий смешанный лес. Со временем он наверняка вобрал бы это поселение в себя и сделал своей частью, если бы не тракт. Рин снова натянула капюшон на глаза и осторожно двинулась вглубь, отыскивая взглядом здание, напоминающее трактир. Наконец таковое нашлось: каменный дом, выглядевший чересчур богато для такого маленького поселка, стоял в самом центре деревни. Хотя в нем было всего два этажа, стены его были высокими, а широкие скаты черепичной крыши нависали над всей улицей. Из-за этого складывалось впечатление, что крытые гонтом низенькие жилые домики вокруг подбивались к трактиру, словно птенцы под материнские крылья.

Часы на руке показывали всего шесть вечера, но в зале было пусто. Две девушки сидели за столиком, лениво переговариваясь, за стойкой никого не было. Рин подошла сразу к девушкам и спросила, где хозяин и может ли кто-то сдать ей комнату до ночи. Блондинка с внушительным бюстом, недоверчиво посматривая на гостью, объявила цену в триста ремов, но Рин сторговалась до полутора сотен. Затем она быстро съела свой ужин, посмаковав лишь булочки с клюквенным повидлом, и попросила другую девчонку показать ей комнату. Несмотря на захоlustье, в трактире были хорошие комнаты: очень уютные и довольно просторные. У стены справа стоял небольшой платяной шкаф, под окном напротив входа – застеленная кровать, к ней примыкал письменный стол. Рин особенно обрадовалась маленькому очагу и раковине, которых обычно не бывало в таких заведениях. На огне уже грелся котел с водой, и Рин предвкушала возможность помыться. Почти болезненная чистоплотность, привитая ей родителями в детстве, часто становилась объектом насмешек и подтруниваний со стороны менее гигиеничных сослуживцев и солью на ране в долгом пути. Рин тщательно почистила зубы (сначала порошком, потом ниткой), затем, с упорством, достойным лучшего применения, растерла тело мочалкой, пока кожа не приобрела явный красный оттенок.

– Как же я устала, – выдохнула она, усаживаясь на кресло и расчесывая длинные мокрые волосы гребешком. Нередко она думала отстричь эту мотню, потому что в долгих походах их мытье всегда становилось проблемой. Но каждый раз, беря в руки ножницы, засматривалась на игру бликов на иссиня-черных локонах и говорила себе «не сегодня». Рин не очень-то хотелось лишиться единственного, что осталось у нее от красоты айргов. К тому же, в длинных волосах удобно было прятать стилет, заправленный ядом. Эта красивая заколка нередко ста-

новила смертоносным оружием и спасала жизнь своей хозяйке. Без стилета Рин чувствовала себя неудобно, словно бы незащищенной и слабой. Хотя в последнее время она все реже пользовалась таким оружием. Редкие теперь проблемы решались с помощью револьвера Дезире старой модели, пристегнутого к правому бедру.

Рин лежала на кровати, закинув уставшие ноги на стенку, и делала себе массаж всего, до чего могла дотянуться. Но через некоторое время руки устали, сон стал одолевать, Рин плюнула, что волосы до сих пор мокрые и легла спать, закутавшись в одеяло с головой. Несмотря на очаг, в комнате было прохладно, она едва слышно шмыгала носом и зябко ежилась. Даже во сне лицо оставалось напряженным, меж бровей залегли морщины, зубы были сжаты, уголки полных губ опущены. Словно продолжением ресниц темные тени усталости залегли на сиреневых веках. Все это делало ее лицо маленьким и изможденным, словно у человека, который давно и тяжело болеет. Худые пальцы чуть подрагивали, сжимая рукоять клинка под подушкой. Спать ей оставалось около шести часов.

Рин стояла на небольшом пригорке посреди Лунного леса и осматривалась. Цепочка следов на снегу, оставленных ею, вела к деревне, от которой девушка отошла довольно далеко. Вокруг не было ни одного человека, ни единого зверя, деревья, укрытые снежными плащами, были словно в саванах, безмолвные, недвижимые. Рин вскинула голову, и волшебным огнем сверкнули в свете лампы изумрудные глаза. Она сделала два глубоких вдоха и затем во всю мощь взвыла волчьим голосом. Протяжный низкий зов разрезал ночную тишь и прокатился по лесу, отдаваясь эхом.

Спустя мгновение раздался ответный вой трех волков. Один, высокий, перекликался с другим, пониже, а третий вторил первым двум, подлаивая. Рин взвыла еще раз, и ответом был ей радостный вой в унисон.

Братья были совсем рядом, они бежали к ней и были рады ее слышать. Девушка-аирг села прямо на снег и стала ждать. Спустя несколько минут во мгле меж деревьев блеснули вспышками желтые хищные глаза, на полянке выросли фигуры трех огромных волков. Даже стоя Рин была всего на пол-локтя выше них. Хищники сливались цветом с поляной, в бликах огня их снежно-белый мех таинственно мерцал. Рин поднялась, братья-волки увидели ее и словно ухмыльнулись своими клыкастыми пастями. Они бросились к ней, и Рин распахнула объятия, позволяя им уронить ее в мягкий снег и лизать теплыми языками в лицо. Пальцы сразу запутались в теплом белом мехе, губы сами собой расползлись в улыбке, она прижимала к себе ушастые морды, целуя их в широкие лбы и влажные холодные носы.

От радости братья скулили и повизгивали, носились вокруг нее кругами – только снег летел из-под сильных лап. Рин встала на колени, поймала всех троих и сжала в объятиях, позволяя им положить тяжелые морды на ее голову.

– Я скучала! – сказала она и почувствовала, как когтистые лапы обнимают ее. – Мне нужна ваша помощь, ребята. Мне нужно добраться до западного края Лунного леса.

Тот волк, что был посередине, тихо тьякнул и подвыл, словно спрашивал о чем-то.

– На запад, до города. Подвезете?

Волки переглянулись между собой и тьякнули особенно ласково.

Рин отстранилась, порылась в рюкзаке, достала три тряпичных свертка и развернула три освежеванные кроличьи тушки. Девушка отошла в сторону, а волки с голодным урчанием набросились на угощение.

Для постороннего человека братья-волки были похожи как капли воды, но Рин без труда различала их: старший, Бэл, стоял в середине, младшие, Рав и Иф, держались чуть позади него. Бэл был крупнее, выражение его мордочки всегда было серьезнее, чем у младших братьев, и над самым носом шерсть образовывала узор в виде цветка. У Ифа был очень пушистый хвост

и сильные ноги. На лапах у Рава красовались длинные черные когти, острые, как бритва, и их было хорошо видно даже в снегу.

Наконец волки съели все угощение, и Рин снова обратилась к ним тихим лаем. Иф подошел к ее рюкзаку и ткнулся в него носом. Она продела лапы волка через лямки рюкзака и затянула пояс на его груди. Рюкзак пришелся ему почти впору, Рин лишь немного добавила лямкам длины. Девушка сняла тяжелый полушубок, чтобы облегчить собственный вес, и накинула его на Рава, плотно подвязав ремнями. Бэл ткнулся мокрым носом ей в руку, и она ласково потрепала его по холке, а затем села сверху, поджав ноги, и ухватилась за густую шерсть на загривке. Волки пустились вскачь через густой лес.

Они сделали короткую остановку у родника через пару часов пути. Рин сразу отогнала братьев от ледяного ручья и отдала им всю воду из бурдюка. Затем наполнила его родниковой водой и спрятала под одежду, чтобы хоть немного согреть к концу их пути и напоить волков на прощание. Бросила рюкзак под дерево и села сверху, а они улеглись рядом, согревая ее с трех сторон. Девушка достала гребень и тщательно прочесала шерсть на белых загривках, при этом волки довольно урчали и фыркали. Наконец Бэл встал, встряхнулся и твякнул, приглашая ее продолжить путь. Рин рассчитывала к утру добраться до пригорода Паруджи, в деревню Берро, так что им оставалось путешествовать еще часа четыре, не больше.

Волки несли ее сквозь лес быстро и почти бесшумно. Временами она видела, как между деревьев проскальзывают силуэты обитателей леса, и надеялась, что они не наткнутся ни на кого опасного. Один раз на пути им попала стайка горнидов. Четыре взрослых горнида мирно ужинали косулей. Взглянув на пробегающих мимо братьев-волков, горниды повернулись к ним, закрыли массивными спинами свою добычу и пронзительно заверещали. Они скалили кривые кабаньи клыки, морщили толстые свиные рыла, в свете луны были отчетливо видны их налитые кровью глаза. Несмотря на внешне неповоротливое большое мохнатое тело на мощных когтистых лапах, двигались они с грацией кошек. Хватило одного взгляда и короткого рыка от Рава, чтобы горниды оставили добычу и с визгом прыгнули в кусты. Однако Рин появление этих тварей только насторожило, ведь горниды всегда держатся большими стаями и никогда поодиночке. Как рассказывал когда-то отец Рин, если видишь трех, то будь уверена, что совсем рядом еще десяток. А справиться с этими тварями, когда их много, – задача не из легких. Оставалось только верить, что горниды побоятся связываться с айргом и тремя мурианами. А Рав, Бэл и Иф были именно мурианами, а не просто волками, как мог подумать несведущий человек.

Мурианы и горниды стали соперниками в борьбе за господство на континенте относительно недавно. Мурианы жили в Соринтии испокон веков, еще задолго до Раскола, а вид горнидов не был таким древним: лет четыреста назад их создал безумный маг Горн, скрестив кабана и медведя. Горнидовы выродки – так их называли поначалу, а потом закрепилось название «горнид». Неизвестно, какую цель преследовал их создатель, но помесь получилась... странная во всех отношениях. Эти звери были невероятно агрессивными, совершенно не поддавались одомашниванию и побаивались лишь мурианов (и только если соотношение сил было неравным), но никак не человека. Если к мурианам люди относились с уважением и стремились избегать контактов с гордыми представителями рода древних волков, по интеллекту не уступавшим человеку, то с горнидами в Соринтии были связаны неприятные воспоминания. Както давно выдалась очень холодная зима, и количество косуль, основной пищи горнидов, сильно уменьшилось. Огромная стая голодных горнидов, живших в лесах под Паруджей, в поисках пищи заявила в город. Около сотни человек они задрали насмерть, еще десятки – ранили. Довольно быстро бестии распространились по всем лесам Хонклетского континента от крайнего севера до юга и истребили бы всех лесных животных, если бы не столкнулись с мурианами. Древние волки сумели дать отпор расплодившимся хищникам и позволили людям начать

охоту на горнидов. Охотиться было очень сложно: даже самострелы порой не брали толстенную и крепкую шкуру, лишь царапали и очень злили. А так как двигались горниды быстро и никогда не встречались поодиночке, охотник редко возвращался домой живым и еще реже – невредимым. Кто-то пробовал применять зажженные стрелы для охоты, но это почти сразу запретили. И только появление и распространение охотничьих ружей действительно поспособствовало уменьшению популяции горнидов. Но тут возникла новая проблема: шкуры горнидов оказались превосходного качества. Теплый непромокаемый мех, толстая кожа, гораздо прочнее даже медвежьей – все это увеличивало цену и, само собой, привлекало любителей подзаработать. Поэтому герцогам очень скоро пришлось выпустить новый указ, ограничивающий охоту на горнидов. Так, люди и горниды ужились. Однако для путешественников и торговцев эти бестии до сих пор представляли большую угрозу.

Потому и Рин постоянно оглядывалась по сторонам в поисках других обитателей Лунного леса, но больше никого не видела. В тот момент, когда им нужно было пересечь небольшую лесную речушку, мурианы вдруг остановились и стали тревожно тянуть носом воздух.

«*В чем дело?*» – спросила Рин у Бэла.

«*Недобрый запах*».

«*Я не могу пройти*, – добавил Иф, шедший впереди. – *Что-то не пускает меня*».

Рин слезла со спины Бэла и прошла вперед. Ступив ногой на лед, она ощутила прокатившийся по всему телу холод и передернулась. Остановилась, огляделась вокруг. Сделала еще пару шагов. Ничего и никого не было видно, ничто не мешало ей.

«*Я могу*».

Мурианы попытались еще раз, с разбега, но отлетели назад, словно ударились в невидимую стену.

«*Сестра! Там!*» – позвал Бэл, и Рин, проследив за его взглядом, увидела, как из-за кустов выходит здоровенный, как минимум в полтора человеческих роста высотой, конь. Его черная шкура светилась загадочными синими сполохами Силы; они пробегали по длинной, до самой земли, гриве и хвосту.

«*Келпи...*» – сказала Рин, ощущая, как прирастают ее ноги ко льду, и как она теряет способность не то что ходить, а даже связно мыслить. Тело будто парализовало, ни один мускул не приходил в движение, силы словно бы выпили. Говорили, что келпи – чудовищно сильный соперник, с ним просто так не совладать. Рин, конечно, была в окружении мурианов, но лучше бы с ним договориться по-хорошему. Только вот рот не открывается и лучший аргумент в переговорах не успела достать из ножен... Мурианы тоже молчали, словно онемели. Келпи сделал несколько шагов навстречу и остановился, с интересом разглядывая ее.

«*Только не нападай!*» – взмолилась Рин. Келпи медленно подошел еще ближе. Бэл наконец зарычал, и Иф с Равом мгновенно подхватили. Келпи озадаченно остановился, но затем прыгнул, в одно движение оказавшись в двух шагах от Рин. Он выгнул шею, обнажил огромные, острейшие волчьи зубы и зарычал, как тигр. Мурианы смолкли. Келпи удовлетворенно поднял голову и посмотрел прямо на Рин своими волшебными глазами. Они светились мистическим синим светом, в них будто бы рождались и умирали вселенные, и Рин словно проваливалась куда-то в другой мир. Свет резко исчез, глаза стали темными и жутко опасными... Рин опомнилась.

«*Не надо... Я... Я просто шла мимо. Не ешь меня! Позволь пройти!*» – мысленно молила она. Келпи потянулся к ней зубастой мордой, в глубине его горла клокотал рык. Она чувствовала обжигающее дыхание и запах чистой ледяной воды из горной реки, видела белые хищные клыки, которые могли бы разорвать ее в секунду. Келпи сдвинул с нее носом капюшон и сбил шапку. Втянул воздух и выдохнул в ухо, будто обнюхивал, а потом тихо стукнули друг об друга его клыки. Он открыл пасть и прикусил мочку ее уха. Что-то закапало на шею. По коже скользнул горячий, влажный язык. Еще мгновение келпи *дышал* ею, затем отстранился и заглянул

в глаза Рин. Во взгляде чудища она не видела агрессии, только любопытство. Он смотрел на нее еще недолго, а затем мгновенно исчез, как не было. Только синяя вспышка на мгновение блеснула подо льдом. Тело ожило; Рин рухнула на колени, где стояла, ее забила крупная дрожь. Она схватилась за место, куда лизнул ее келпи, отчаянно желая вытереться немедленно, но все уже высохло. На ухе была лишь крошечная, едва ощутимая царапинка. Подбежали мурианы, скуля и подвывая, стали лизать ей лицо, руки, прижиматься, как дети, просящие ласки.

«Все хорошо!» – вдруг заговорил Бэл. – *«Все хорошо, сестра!»*

Рин некоторое время приходила в себя. Когда наконец она смогла собраться с силами, мурианы с готовностью выстроились в ряд. Девушка снова уселась на спину Бэла, и они пустились вскачь.

На сей раз ей повезло.

Нежно-розовая предрассветная дымка, словно ватой, окутывала оставшийся позади Лунный лес и застилала белоснежные поля перед ними. Рин застегнула лямки рюкзака на поясе и потрепала волков по загривкам. Бэл, Иф и Рав посмотрели на нее умными желтыми глазами и по очереди потыкались ей носами в ладонь.

– Обещаю скоро навестить вас, ребята. Вы мне очень помогли, – сказала она и направилась вперед по широкой дороге.

До пригорода Паруджи оставалось около часа быстрой ходьбы.

Глава вторая, в которой Рин выполняет заказ с тяжелыми последствиями

Маленькие наручные часы показывали половину девятого утра. Измотанная долгой ночной гонкой по лесу, основательно продрогшая и голодная Рин была злая и опасная, как стая горнидов.

– Паруджа! Паруджа! – звала она, предвкушая остановку в уютном трактире.

Паруджу называли второй скрипкой в квартете культурных центров Соринтии. Первой скрипкой был Вейнсборо, альтом – утонченный Лилли, а виолончелью – гордый и величественный Кастан. Рин, некогда прожившая в Парудже около двух лет, понятия не имела, где люди умудрялись найти там места культурного отдыха, потому что она таковых так и не отыскала. Впрочем, не то что бы она очень интересовалась культурным отдыхом. Бани, бары и барды были куда интереснее для нее в то время. А с этим – хвала богам! – в Парудже проблем не было. В Парудже все было чудесно, жизнь в этом городе омрачали только землетрясения. Они лишали Рин всякого спокойствия, и она вскоре подала в департамент безопасности прошение о переводе обратно в Кимри.

За всю жизнь Рин меняла место жительства четыре раза. В тридцать три года она сбежала из Иствана в Финесбри. Прожила там полгода и уехала на юг, в Кимри. Там ее талант оценил один серьезный человек из департамента безопасности Соринтии и отправил учиться в Кимрийскую военную академию. По окончании академии Рин продолжила службу в Сорин-Касто, в особом отделе в должности простого агента. После серии удачно закрытых дел ее несколько раз повышали, а потом перевели в Паруджское отделение, где через недолгое время руководство в лице Армана Валиенте и других начальников снова представило ее к повышению. Рин Кисеки стала первым в мире аиргом и женщиной, дослужившейся до звания капитана и должности заместителя главы особого отдела. Ее ждала небывалая карьера: Рин прочили звание генерала, все были уверены, что уж она-то добьется и сможет, как гласил девиз особого отдела, «невозможное сделать возможным»... Но жизнь рассудила иначе. В одночасье Рин рухнула с геройского пьедестала, и то, что казалось ей и всем остальным столь близким, стало недосягаемо, как вершина Сан-Клефф [2]. Арман был уверен, что Рин помешала кому-то из верхов. Зара, с присущим ей фатализмом, списывала все на трагическое стечение обстоятельств. Сама Рин не желала думать, была ли то судьба или козни тайных врагов, она думала только о мести за свою загубленную жизнь. А случившееся затем в Истване лишь добавило уверенности в собственной правоте.

– Баня и бар с бардами, – бормотала Рин свое любимое заклинание, рисуя в голове упительные картины тарелок с горячей едой и ванны с горячей водой, которые она сможет получить в Парудже. Основной задачей было попасть в город незаметно для патруля: Паруджа была богата, и гвардейцы охраняли все пять подъездных дорог. Для этого Рин и направлялась в Берро, откуда рассчитывала добраться до центра Паруджи по тоннелям заброшенных колодезцев, а потом так же выйти за пределы города дальше, к Эрисдрей. Поселок Берро был, по сути, большим рынком и единственным местом, где горожане могли купить все от картошки до строительных материалов. В самой Парудже по какому-то древнему герцогскому указу не было построено ни одного торгового дома, а повозкам запрещалось въезжать в центр города.

Но вот, где-то вдалеке уже проступили очертания большого города, а Берро все еще не было видно.

– Ну где же ты? – спросила Рин. Остановилась, достала и развернула карту. Почесала в затылке, прикинула, где примерно находится и выругалась: подходить к Берро нужно было совсем с другой стороны.

– Плюс полчаса дороги, – резюмировала она. – А потом ползти по колодцам. Опять эти засранные колодцы! Я узнаю, какой козел составляет мои маршруты, и заставлю его самого ползать по подземельям по задницу в грязи!

От холода Рин зевнула так широко, что челюсть заломило, и с силой потерла глаза ледяными варежками. Когда резь прошла и исчезли мушки, она разглядела впереди первые дома деревни Берро.

– Когда мне уже сделают документы?.. Нет, все-таки пора брать Рошейла за его тощую задницу, – рассуждала она вслух сама с собой. – Вот ведь обещал сделать документы, уже год «завтраками» кормит, а действий никаких! И ведь сам знает, что система организации работы агентов просто отвратительная. А оплата? Вообще больной вопрос! Нет, я все понимаю, сложно, но можно же как-то пошевелить мозгами и придумать...

Так, размышляя вслух о нелегком труде агентов и финансово-организационных проблемах, она пришла к первым домикам на отшибе от Берро. Еще отсюда Рин услышала шум толпы, выкрики торговцев и подумала, что в такой толкучке для нее не составит труда затеряться. Для начала требовалось найти лавочку давнего знакомого, торговца пряностями Мирима Хиггса, который знал о ее прибытии и имел ту самую карту колодцев. Лавочка Хиггса, как говорил Рошейл, стояла в третьем ряду от центральной площади деревни, где располагались продовольственные ряды. Рин поднялась на деревянное крыльцо, постучала в дверь шесть раз и вошла. Звякнул дверной колокольчик, и к ней вышел белообрый мальчик лет десяти.

– Здрасьте! Вы к папе?

– Да.

– Он ушел. Хотите, я продам, что вы ищете? Ну, чтобы вы не ждали, пока он вернется.

– Я не за товарами. У меня личное дело.

– А-а... – мальчик смущенно помялся, а потом предложил: – Может, я сбегая за ним? Хотите?

– А тебе можно оставлять лавку?

– Петра посмотрит, – сказал мальчишка и позвал: – Петра! Тут к отцу пришли. Посиди пока, я за папкой сбегая!

Вышла девочка в милом красном платьице и белом передничке, с поварешкой в руках. Хотя ей было всего около пяти лет, вид у нее был самый деловой и серьезный. Мальчишка схватил шапку с крючка, надел курточку и выскочил за порог.

– Вы папина подруга, да? – спросила девочка, усаживаясь на высокий стул за прилавком.

– Можно и так сказать, Петра.

Девочка несколько секунд с интересом смотрела на гостью. Рин заметила, что малышка пытается заглянуть снизу, чтобы разглядеть лучше, и сразу отвернулась. Девочка тихо вздохнула.

– Папа сказал, что я должна хорошо принимать гостей. Вы хотите чаю?

– Не откажусь. Спасибо, ты очень любезна.

Петра соскочила со стула и ушла в соседнюю комнату. Послышалось звяканье ложек и тарелок, шум воды, и через некоторое время она вернулась с подносом, на котором стояла небольшая белая чашка с чаем и розетка с вареньем.

– А где твоя мама? – спросила Рин, принимая угощение.

– Мама сейчас в университете магии. Она волшебница, – сказала девочка, снова усаживаясь на стул. – Папа сказал, она вернется только к празднику Середины зимы и принесет мне в подарок волшебного щеночка.

– А пока ее нет, ты помогаешь папе по хозяйству?

– Да. Мы вместе с Верноном помогаем.

Колокольчик звякнул, и вошел черноволосый мужчина с худым лицом и яркими фиалковыми глазами. Кожа его была красноватого оттенка, что выдавало в нем человека родом

с севера Маринея. Он бросил коричневый овечий кафтан и меховую шапку на крючок на стене и остался в сером вязаном свитере из грубой колючей шерсти и домотканых штанах. За ним шел раскрасневшийся, запыхавшийся сын.

– Здравствуйте! – поприветствовал он Рин, протягивая руку. – Я Мирим. Что вам угодно?

– Здравствуй, Мирим, – Рин приподняла капюшон, и в солнечном свете блеснула ее фиолетовая кожа. Мирим сразу заулыбался и понимающе кивнул. Петра подбежала к отцу и потянула его за руку.

– Папочка, я чай заварила и суп сварила!

– Умница, дочка. Позже пообедаем. Иди поиграй пока, – он вынул из-за пазухи деревянную куклу и протянул расцветшей от такого счастья малышке.

Девочка тут же убежала с подарком в другую комнату, а Мирим обратился к сыну.

– Вернон, иди к сестре. Мне здесь поговорить надо.

– Хорошо, пап, – согласился паренек и пошел за сестрой, на прощание окинув Рин подозрительным взглядом.

Когда мальчик ушел, Мирим обернулся к Рин и сел на стул напротив нее.

– Я тебя только через три дня ждал. Как ты так быстро добралась?

– Срезала через Лунный лес на мурианах. Как представила, что мне еще через все Горящие сосны топать, решила хоть здесь сократить. Лола-то где?

– На работе своей проклятушей. Сколько раз говорил, уволься да детей воспитывай, но она не хочет. Исследования у нее, видите ли. Волосы посинели полностью.

– Да ты что! – восхитилась Рин.

– Голубые, как небо. Ей идет, но выглядит... странно.

– У Заринеи розовые. Ты бы Кормака видел, он вообще зеленый. Арман к нему теперь обращается исключительно «голова-трава». Я когда увидела, до слез хохотала!

– Ну... – поддакнул Мирим. – Хорошо хоть, Петра подросла, не знаю, как бы я сам тут по хозяйству управлялся. Но без матери им плохо.

– Так ведь до университета недалеко.

– Детей туда пускать перестали после одного печального случая, – Мирим вдруг хохотнул. – Ты меня не слушай, это я по жене скучаю. Лола права, конечно. Она нужна там. Университет после Маринея почти опустел. И она умница. Последнюю ее разработку купили за очень веселенькую сумму! Мы на радостях стали присматривать в Кастане дом для детей. Вернону хорошо бы в университет пойти. Петра пока маленькая, но ты же знаешь, как дети растут... Сегодня – пять лет, завтра – двадцать пять.

– Это точно, – улыбнулась Рин. – А что за прибор-то такой?

– Чудо-прибор для подогрева воды. Говорят, скоро в котлах не будем греть. В каких-то городах его уже используют, народ радуется. Неужели не слышала?

– Я газеты мало читаю, знаешь ведь. Но горячая вода без необходимости таскать ее и греть тазами... Роскошь, – Рин блаженно прикрыла глаза и допила чай. – Как бы то ни было, Мирим, я за картой этих поганых колодцев. Времени в обрез, я хотела остановиться на день в Парудже, а ночью уже выйти.

– Ух, мать, ты хватила! Надо оно тебе, деньги в гостиницах просаживать? Оставайся у меня. Выспишься, пообедаешь нормально. Места хватит.

– Мирим, я тебя стесняю... – заупрямилась Рин.

– Брось, ерунда! И вообще, ты уверена, что тебе надо ночью идти? Там сейчас места не очень безопасные... О каких-то странных тварях поговаривают.

– Мне так проще. Днем патруля много, не знаешь, где наткнешься. Лучше провести это время с пользой для тела...

– Так оставайся у меня!

– Мирим, скажу по секрету, – она закинула ему руку на шею и заговорщицки зашептала, – я намеревалась в Парудже вдоволь напариться в бане, просадить в баре некоторую сумму за игру в дроттики и напиться до состояния «прекрасна не в меру».

– У тебя что, мозги замерзли? Отпариться в общественной бане? Надраться в баре? Ты-то? Со своей сиреновой кожей? – ухмыльнулся Мирим и захохотал. Рин пришлось признать несостоятельность своих планов.

– Да, ты унизительно прав.

– Отпариться можешь и у меня в бане, не проблема. И вообще, – встал он в позу, улыбаясь, – не отдам я тебе карту, пока не согласишься.

Рин тяжело вздохнула и кивнула.

– Вот и умница.

Мирим поднялся, и Рин тоже.

– Немного у тебя поклажи, смотрю.

– Что я, ишак, что ли? – усмехнулась девушка.

– Пойдем, я покажу тебе комнату.

Комнатка была крохотной, но очень уютной. Светлая мебель, кружевные занавески на маленьких окошках, на подоконнике в глиняном горшке – забавное растение с розовыми листьями. На полке – несколько книг и деревянная кукла с длинным носом и нарисованными глазами. Рин бросила рюкзак у изголовья небольшой кровати и повернулась к Мириму.

– Во сколько здесь начинается вечернее патрулирование?

– Восемь вечера. Ты хочешь выйти сразу за город?

– Конечно. Эти колодцы... Сколько по ним идти и где примерно выход?

– Около трех часов, думаю...

Мирим достал с полки толстую книжку потрепанного вида и открыл.

– Книжка-шкатулка? – улыбнулась Рин, с интересом разглядывая вещицу. – У меня когда-то такая же была.

Мирим взял из шкатулки пергаментный свиток и развернул довольно большую карту колодезных тоннелей. Рин заглянула через его плечо.

– Вот, смотри. Седьмой выход уходит в горы, в сторону Горящих сосен...

– Не-не-не, мне в Эрисдрей надо.

– Зачем? Рошейл сказал, ты в Танварри идешь.

– Мне там надо кое с кем встретиться.

– Командование?

– Все тебе скажи, – улыбнулась Рин.

– Скрытная какая! Тогда вот, шестой выход, оттуда ближе всего к Эрисдрею. Выведет тебя очень далеко за пределы города, к Козьей реке и дубовой роще. Поднимешься прямо к лесопилке, колодец под стеной стоит. Там всегда кто-то есть, даже ночью, так что будь осторожна, внимательно слушай.

– Ладненько. Разбуди меня в шесть вечера, пожалуйста.

– Ты в баню хотела? Сейчас попрошу Вернона натопить.

– Спасибо.

Когда Рин вышла из бани, вся красная и разомлевшая, дочка Мирима пригласила гостью отобедать. Рин с огромным удовольствием ела суп, сваренный Петрой, не устывая хвалить девочку. Несмотря на малый возраст, малышка потрясающе готовила. Хотя, возможно, Рин это только казалось, потому что она не могла вспомнить, когда в последний раз ела домашнюю еду. Набив живот, она завалилась спать.

Мирим разбудил ее в половину седьмого, оставалось полтора часа до начала патрулирования, пора было выдвигаться в путь. Хозяин дома проводил ее в в подвал, где хранились мешки с продовольствием, старые доски и некоторая мебель. Как в этом беспорядке можно было что-то найти – непонятно. Рин запуталась в каких-то веревках и чуть не полетела носом на пол, но удержалась.

– Прибрался бы тут, – проворчала она.

– Руки не доходят. Знаешь... кажется, что надо все выбросить, а как начинаешь разгребать, сразу обнаруживаются нужные и полезные вещи.

– Слышал притчу о хламе?

– Ту, где торговца в итоге завалило черепками? – рассмеялся Мирим. – Да, есть в этом что-то.

– Избавляйся от хлама раньше, чем он избавится от тебя!

– Да-да, – отмахнулся он и зачем-то стал двигать старый шкаф, заваленный битой посудой.

– Ты чего делаешь?

– А как ты думаешь? – пропыхтел он, упираясь ногами в стенку. Шкаф поддавался неохотно, с тяжелым скрипом. – Открываю вход. Фух! Все.

Проходом оказалась небольшая пробоина в каменной кладке. Рин сунулась туда с фонарем и присмотрелась. Свет разогнал мрак не намного, но этого хватило, чтобы увидеть низкие каменные стены, поросшие плесенью и грибами. Из тоннеля тянуло сыростью и могильным холодом, где-то вдалеке подвывал ветер и бегали крысы.

– Я даю тебе лампу с масленкой...

– У меня уже есть, – поспешила сказать Рин.

– Нечего свое тратить, у тебя впереди дорога долгая. Значит, лампу, фитили, веревку и... где же...

Рин оглянулась и увидела, как Мирим роется в ворохе старых тряпок.

– Вот, – он встал и протянул ей большую коричнево-зеленую тряпку неопределенной формы. Рин взяла ее двумя пальцами, и в ответ на ее немой вопрос Мирим ответил:

– Это плащ.

– Да я не мерзну, спасибо, – она протянула ему обратно.

– Бери-бери, не отказывайся. В одном месте там сильно льет сверху. Плащ из особой ткани и промаслен, в нем тебе вода не страшна. Ты же не хочешь промокнуть и замерзнуть насмерть?

– Тогда спасибо! – Рин аккуратно свернула плащ и затолкала наполовину в свой рюкзак.

– Лампу и все, что останется, бросишь на выходе, я потом заберу.

– Мне нужно чего-то остерегаться?

– Разве что заблудиться. Но я там на стенах номера коридоров рисовал на развилках. Смотри внимательно. Их плохо видно, это для своих.

– Спасибо, Мирим. Надеюсь, скоро увидимся. Передавай привет Лоле! – она протянула руку, и он ответил крепким рукопожатием. Рин протиснулась в узкую щель и обвела взглядом тоннель. В животе закрутило, рот наполнился слюной, она отступила обратно и прижалась к стене.

– Давай-ка я лампу зажгу! – предложил Мирим, оглядывая лицо Рин, ставшее серым.

– Угу.

– Может, тебя проводить? Как ты пойдешь одна, если у тебя приступ опять?

Она помотала головой и отмахнулась, мол, ничего страшного. Помахала на прощание и, сжав зубы, двинулась вперед. Тут же наступила в темноте на что-то влажно чавкнувшее.

– Твою ж мать!

Хохот Мирима придал ей сил справиться с клаустрофобией. Рин прочистила горло и запела песню из народной сказки о храбром лисенке, который отправился в кругосветное путешествие. Вроде бы отлегло.

Вскоре Рин пришлось заткнуться. Кроме нее никого здесь не было, но ей все время мерещились какие-то звуки. Но это был лишь эхо стука ее каблуков, гулко разносившееся по подземным коридорам, да ветер, посвистывавший у потолка и за поворотами. От желтого света лампы на стенах вырастали длинные тени. Рин зябко передергивалась и шмыгала носом: холод здесь был пробирающий до костей, сырой. Вдалеке она услышала шум воды и поняла, что приближается к тому самому месту, где с потолка льет. Девушка уныло посмотрела на свою обувь и понадеялась, что лужи будут не очень глубокие. Завернувшись в плащ, она зашла за очередной поворот тоннеля и обнаружила странную картину. Узкий коридор по левую руку превращался в огромный каменный зал, в центре которого чуть поблескивало нечто аспидно-черное...

– Подземное озеро? Удивительно... – пробормотала Рин, оглядывая коричневые каменные стены, по которым широким потоком стекала уходящая к озеру вода. Из щелей в потолке капало, но не сильно, а вот на полу воды было по щиколотку, и, не замочив ног, можно было пробраться только по выступавшим гладким и наверняка скользким камушкам.

– В следующий раз я пойду вместе с Рошейлом и заставлю его ложиться в лужу всякий раз, как мне нужно будет ее перейти, – заворчала Рин, осторожно наступая на первый ближайший камень.

– Я хочу денег вдвое больше. Хочу и все. И никто не запретит мне хотеть, – заныла она, морщась от холодных капелек, брызнувших в лицо.

Когда Рин наконец прошла этот мокрый участок, то основательно промерзла и все же промочила ноги, поскользнувшись пару раз, а потому была страшно зла. Рин на чем свет стоял костерила таких и разэтаких умников, которые заставляют ее ползать по разным подземельям, и обещала им все тридцать три удовольствия с применением различных предметов, большинство из которых были тяжелыми и тупыми, хотя присутствовала и парочка острых.

Удивительно, но холодная вода помогла Рин справиться с клаустрофобией, а от звука собственного голоса ей стало легче на душе. Рин снова замурлыкала под нос любимую песенку. Повернув в очередной раз, она резко остановилась. Путь ей преграждала толстенная решетка, из разряда тех, что устанавливаются в замковых воротах. А у стеночки...

– Это прелестно, – резюмировала она, разглядывая человеческий скелет. Судя по виду, он лежал здесь долгие годы. – Мириму что, удовольствие доставляет смотреть на тебя, бедолажка?

Она осмотрела решетку и подергала, на стене увидела намалеванный желтой краской рисунок ключа. Под рисунком было узкое отверстие, куда, очевидно, вставляли ключ.

– Но у меня нет никакого ключа, Мирим ни о чем таком не говорил! – возмутилась Рин и попыталась рассмотреть, что внутри отверстия. Ничего не увидев, нахмурилась и достала из рюкзака карту. – Так, костлявый, давай подумаем. Может, я не туда зашла?

Рин присела рядом со скелетом и всмотрелась в карту. Да нет, все в порядке. Вот подземное озеро отмечено, вот здесь надо было свернуть... А здесь и должен был быть проход. Но по факту есть только решетка. Рин встала и осмотрела ее еще раз, освещая лампой каждый темный угол.

– Может, у тебя где-то ключ спрятан? – прищурилась она, глядя на скелет. Тот загадочно молчал. Рин пошевелила скелет так и эдак, обшарила его одежду, но ничего не нашла. Обшарила все стены, но они были идеально гладкими, никаких признаков, что где-то можно что-то зацепить и повернуть. И тут Рин услышала стук каблуков, будто кто-то быстро бежал к ней. Она спряталась в закуток и выхватила засапожный нож. Через некоторое время из-за поворота вылетел человек в плаще, Рин мгновенно взяла его в захват и приставила лезвие к горлу.

– Рин! Рин! Это я! – заголосил Мирим. Рин всмотрелась в его лицо и в сердцах сплюнула. – Ну ты чего?!

– Я чего? Это ты – чего?! Чего меня пугаешь? Позвать не судьба?

– Я забыл сказать про решетку.

Рин ответила выразительным взглядом.

– Ну прости! Здесь надо вот так сделать, – он подошел к скелету, выдрал у него мизинец из сустава, а затем воткнул в отверстие. Немножко пошевелил, и сработал какой-то механизм. Дверь стала подниматься с глухим скрежетом.

– Знаешь, как я себя сейчас чувствую? – спросила Рин, разглядывая уходящие в потолок зубцы решетки. – Как персонаж из какой-то сказки.

– Почему? – удивился Мирим.

– Подземелье. Скелеты. Ключ из пальца скелета.

– Ну, нормальный ключ я потерял, пришлось приспособить этого господина. Ему-то все равно уже не пригодится. А что такого удивительного в решетке? Нормальная практика монастырей, – пожал он плечами. – Здесь же пару веков назад огромный монастырь был, это все каналы сточных вод.

– То есть, я уже часа три иду по канализации?

– Ну, можно и так сказать, – замялся Мирим.

– Ты очень привязан к Рошейлу? – спросила Рин, глядя тем особым взглядом, какой возникает у людей, когда они планируют что-то трудное. – Я хочу натянуть на него черный мешок, повесить на дерево вниз головой и кидать ему в задницу дротики! Но боюсь, что он этого не переживет, поэтому спрашиваю, ты будешь сильно скучать?

Мирим рассмеялся.

– Иди уже!

Рин молча развернулась и вошла в открывшийся проход.

– Передай привет Рошейлу! – попросил Мирим и закрыл за ней решетку. Рин что-то неопределенно хмыкнула в ответ.

Спустя час она, приподняв над головой лампу, разглядывала уходящие вверх стенки колодца и узкую железную лестницу, по которой можно было подняться наверх. Рин взглянула на часы – те показывали четверть десятого – и прислушалась, стараясь понять, что происходит наверху. Доносился мужской голос и мерный посвист инструмента по дереву: кто-то обстругивал доски. Рин бросила рюкзак на пол и села на него, привалившись к стене. Закрывает глаза, несколько раз глубоко вздохнула и стала нараспев читать фразу, помогавшую ей погрузиться в транс.

Через сизую дымку, словно с высоты, она увидела серый дом с большим дровяным сараем-пристройкой с левой стороны. В маленьких окошках горел свет лампы, в доме были двое мужчин, она не видела их, но четко ощущала присутствие. Как и сказал Мирим, колодец находился сразу за домом, и у нее были все шансы выйти незамеченной. Рин вышла из транса и пару минут сидела, фокусируя взгляд и промаргиваясь. Опираясь о стену, она встала, оставила на земле лампу и оставшиеся фитили, крепко уцепилась за лестницу, проверила ее на прочность и покарабкалась вверх.

Ледяной ветер ударил в лицо, едва только распахнулись створки крышки колодца. С полминуты она хватала его ртом, словно рыба, не в силах надышаться свежестью после этой промозглой, плесневелой сырости подземелья. Рин выбросила на снег рюкзак, подтянулась, села на край колодца, тяжело дыша и осматриваясь. Прямо перед ней между огромными вековыми дубами шла широкая дорога, которая должна была вывести ее к Эрисдрею. Девушка спрыгнула с колодца, шмыгнув носом, подхватила рюкзак и направилась прочь от лесопилки, пока никто ее не обнаружил.

– Сорок тысяч прибавки и слышать ничего не хочу! – заявила Рин, хлопая ладонью по столу. Она сидела на низкой лавочке, упиравшись коленками в край стола, и спорила с человеком в темно-синем мундире с золотыми пуговицами и эполетами. Он был высок и худощав, но широк в плечах и относился к тому типу людей, которые лет в тридцать словно замерзают и больше не меняются до глубокой старости. Сейчас его длинное и худое лицо с широкими скулами и орлиным носом, над которым чайками разлетались кустистые брови, было перекошено от с трудом сдерживаемого гнева. Левая щека дергалась, а темно-карий правый глаз он прищурил. Взгляд его был из разряда испепеляющих на месте.

– Я сказала, Эдвард, что мне нужно больше денег! Цены в мире сильно выросли, – давила Рин, не обращая внимания на нервный тик полковника Рошейла, в чьем доме она сейчас находилась.

Рин пришла в Эрисдрей в семь вечера двадцать восьмого ноября, задолго до начала обхода. Ей нужно было пройти в город, чтобы найти полковника и получить дальнейшие указания, но каким-то невероятным, одним богам ведомым образом она повстречала Эдварда Рошейла в трактире неподалеку от города, куда зашла выпить чего-нибудь горячего. Для агентов сообщества Эрисдрей был относительно безопасным местом. Так как Рошейл пользовался огромным влиянием даже среди императорской гвардии, ни у одного инспектора или стражника и мысли не возникло задать вопрос, кто эта девушка рядом с полковником, зачем она направляется в город и почему сидит на лошади вместе с ним. Проезжая мимо стационарного гвардейского поста на въезде в город, Эдвард лишь кивнул инспектору, и тот махнул рукой в ответ, даже не приглядываясь к Рин.

– Рин, я же сказал, что не располагаю полномочиями повышать награды агентам! Это находится исключительно в ведении тайного советника! С него и требуй!

– Я могу просто поставить его перед фактом! Эдвард, извини, но накопело. Я каждый раз рискую из-за того, что у меня до сих пор нет документов. Ты меня «завтраками» кормишь уже год, если не больше, а результата я не вижу! Я понимаю, что у меня сложный статус, но ты же не какой-нибудь мелкий агент, ты, демоны тебя возьми, заместитель начальника департамента безопасности! Уже придумал бы что-нибудь! О чем вы там с советником думаете? Ждете, пока меня без документов патруль за задницу схватит и перевешает нас всех к горнидам? – разорвалась Рин, краснея от возмущения и бурно жестикулируя.

– Закончила? – холодно поинтересовался Рошейл. – Я же сказал тебе, что работаю над этим. Месяц назад сказал. Ты мне плешь проела вот здесь! – он для убедительности ткнул себя в затылок и показал небольшую лысину.

Рин скрипнула зубами и уперла руки в боки.

– Я уже год слышу это! А результат где? Когда?

– Рин, а ну прекрати! Дрянная девчонка, сколько лет с тобой бодаюсь, никакой дисциплины!

– Это кто тут дрянная девчонка? – возмутилась Рин, не зная, на что больше обидеться: на «девчонку» или на «дрянную». – Да я тебя старше на двадцать лет, ты, сморчок!

Они свирепо уставились друг на друга, не моргая, гневно сопя и набычившись. Наконец Рин выиграла эту игру в гляделки: Эдвард отвел глаза и фыркнул.

– Ладно, не хотел говорить, но кое-что я все же сделал. Тебе осталось недолго терпеть, вскоре твоя жизнь существенно улучшится. Только дойди до герцога Танварри, его светлость очень ждет тебя. Туда же должен вскоре подойти Арман. К сожалению, для него я ничего подобного сделать не смогу... Сама понимаешь, их стычки с гвардейцами происходят слишком часто. Кревилль мне рыбьей костью поперек горла встал со своей бурной деятельностью. Настаивает на увеличении количества постов, представляешь? Он стал опаснее. Думаю, придется его ликвидировать.

Рошейл замолчал и сделал вид, что его очень интересует пятно на столе.

– Рин... На всякий случай, если придется... Я могу на тебя в этом рассчитывать?
Ее передернуло от одной мысли о подобной работе, и поэтому она молчала, словно язык проглотила.

– Рин, ты же понимаешь, ты лучшая.

– Ты меня переоцениваешь.

– Ничего подобного, я знаю, на что ты способна. Слушай, я знаю, ты давно не бралась за такие дела... Но больше мне это поручить некому. Арману к нему не подобраться, Мейсу тоже. Ты одна у нас в тени. Ты одна способна убрать его, не оставляя следов.

– Зачем грязь разводить? Подстрой ему несчастный случай! Что ты как маленький? Знаешь ведь, что опять все спишут на Армана! Хочешь ему еще один подвиг в досье записать?

– Ты же знаешь, режим сменится, Армана отмоют. На нем уже столько всего висит, что еще одно дело даже не заметят.

– Эдвард, а если не отмоют? Ты об этом никогда не думал? А я вот думала, и не раз. История знала случаи, когда героев выбрасывали на помойку. Я тому – яркий пример.

– Рин, все будет по-другому. И наше начальство не конченные твари! Ты не знаешь его светлость Танварри, он действительно хороший человек!

– Ты вчера родился? Эд, будь он хоть трижды хорошим человеком, власть любого испортит. За его спиной стоит еще десяток людей, и за них ручаться не может никто! Это ты, Эд, официальный и весь в белом. Это я могу исчезнуть на десяток-другой лет, чтобы переждать, пока все помрут своей смертью. А вот Арман, Зара, Мейс и остальные... Они так не могут. А ведь все из-за меня случилось! Не полезли бы они тогда в пекло, не стали бы меня спасать – не были бы сейчас в опале!

– Ага. Тогда им пришлось бы охотиться на тебя. Может, обойдемся без теорий «что бы было, если бы»? Рин, я тебе говорю, все будет хорошо. Доверься чутью старого вояки.

– Мое чутье говорит мне обратное, а оно поточнее твоего будет. Эд, мы слишком долго ждали, чтобы потом нас разменяли, как мелочь. Ты понимаешь, что произойдет, если кто-то наверху нарушит обещание? Даю клятву айрга, что умирать они будут долго и мучительно.

– Давай в обратную сторону. Вот тебе мое слово: нарушат договор, я тебе помогу макнуть их мордами в дерьмо. Рин, ты пойми... Гюнтер Кревилль подозревает меня. Но у него нет доказательств, а я слишком большая шишка, чтобы он мог просто так пригласить меня в допросную. Оснований нет. Поэтому он делает все, чтобы Арман попался на контакте со мной. Он хочет не просто поймать его, он хочет выяснить, кто руководит Арманом, кто над ним, а также взять меня с поличным.

– Инстинкт самосохранения отказал? Он не боится, что однажды узнает?

– Судя по всему, он уже пообщался с его величеством на определенную тему.

– Что?.. Да ты... – Рин уткнулась лицом в ладони. – Эд... Ты чем вообще думаешь?

– Рин, а о чем я тебе тут толкую? Убрать его надо, пока я не погорел! Но Кревилль осторожный стал. Нигде один не ходит, моется в общественных банях, дома охрана у него на каждом шагу.

– Шикарно. Просто идеальные условия работы! И что ты хочешь, чтобы я сделала, если у него охрана везде?

– Посол Мариней приехал в Эрисдрей, остановился в резиденции Доунбриджа. Завтра будет бал. Кревилль приезжает, чтобы сопровождать посла дальше в Сорин-Касто, так что завтра мы с ним будем вместе...

– Эд! – ахнула Рин. – Я думала, ты на перспективу планируешь, а ты, оказывается, уже все решил! Я должна ехать немедленно! У меня времени нет!

– Рин, если откажешь мне категорически, найму кого-то другого. Но имей в виду, что никого лучше тебя я не найду. И потом мне самому придется марать руки и убирать того, кто уберет Кревилля, чтобы, как ты выразилась, остаться в белом.

– Да чтоб тебя... – Рин замолчала и отвела взгляд. – Эдвард, как ты был задницей, так и остался. Моими руками отмываешься.

– Рин, не в службу, а в дружбу.

– Два дня задержки... И работа, которую я ненавижу. Потрясающая дружеская услуга.

– Я только на тебя рассчитывать могу. Больше никто так не сможет.

– Эдвард, предупреждаю в последний раз: скандал будет страшный. Как к этому отнесется тайный советник? У Кревилля – связи, и я не сомневаюсь, что есть свои люди в департаменте. Это как наступить в муравейник.

– Рин, положи вилку, хорошо? – попросил Рошейл. Рин недоуменно покосилась на него и отложила вилку в сторону. – Убрать Кревилля завтра – не совсем моя идея. Это приказ.

Рин озадаченно поморгала, а потом до нее дошло.

– Начинается... – протянула она, закрывая лицо рукой. – Так и знала. Стоило оказаться в поле зрения этого махинатора, как началось. Знаешь, как это называется? Чужими руками жар загребать. Подлость и свинство.

– Такая вот у нас подлая работа.

Она уставилась на него, лицо ее окаменело.

– Поосторожнее в выражениях.

– Не принимай близко к сердцу.

– Денег выбьешь мне, Эд. Как хочешь, так и выбивай. Иначе я с места не сдвинусь.

– Я так понимаю, ты согласна?

Рин только кивнула, все еще глядя на него исподлобья.

– Всеми богами заклинаю, не втяните только меня опять в историю, как тогда Гальярдо втянул. И не повторяй его ошибку, почаще проверяй стадо на паршивость.

Эдвард кивнул, серьезно глядя на нее.

– Ты все время об этом твердишь. Кто-то хоть раз дал повод усомниться в надежности?

– Ты много знаешь о том, что сейчас происходит в рядах нашего высшего командования? – ответила она вопросом на вопрос.

– Говорил же, я не располагаю никакой информацией о них.

– Вот такие свинские приказы смахивают на работу диверсанта! На приеме в честь посла я убью того, кто должен этого посла охранять. Я уберегу не простого гвардейца, а очень важного человека, обладающего властью. Ты можешь только надеяться, что не будет отзыва посла! И потом может полететь с плеч голова Гальярдо, потому что он не уследил за террористами и допустил такую оплошность, как смерть главы службы охраны императора. А заодно и герцога Кимри мы ставим под удар! Чем он заслужил такую медвежью услугу?

– Нам дают приказы – мы их выполняем. Нечего совать нос не в свое дело. Дела аристократии – закрытый сундучок.

– И больше всех закрыт тайный советник, да? Этот кукловод...

– Твой начальник, – перебил он. – Он знает, что делает, доверяй ему.

– Слушай, когда-то я слишком много доверяла его руководству! Для меня все плохо кончилось.

– Кто виноват, что Риккардо Гальярдо был туповат? – пожал плечами Рошейл. – Их должность переходила от отца к сыну, а вот мозги, к сожалению, они не наследовали! Мартин был гениален, а на Риккардо боги отдохнули. Но Альберто вроде пошел в деда.

– Я просто хочу, чтобы все соблюдали осторожность, Эд! Аппетиты начальства все возрастают, и проблемы увеличиваются в равной степени.

– Я знаю. Арман постоянно предупреждает меня о том же.

Рошейл встал и прошелся по комнате, остановился у столика с чайником и стаканами и стал возиться с чаем. Рин устало уронила голову на сложенные руки.

– И когда все это кончится? – риторически спросила она.

– Скорее, чем ты думаешь, – ответил Рошейл, ставя перед ней стакан с мутным чаем. – На самом деле мы довольно близки к перевороту. Недовольство растет. На юге царит разбой, крестьяне нищенствуют, и беженцы из Маринея бегут. А северо-запад получает щедрые подарки, всюду строят города и цветет, как роза в императорском саду. Храмы еще... безумство! Я почитаю Создателей, но... Кастан, Паруджа, Северный Кларон, Остин и остальные... Все! Все взялись строить. И ладно бы церквушку, так ведь громадные соборы! Ну куда их столько? Особенно сейчас! Пока храмовники пируют, кошелек крестьянина моль ест. Идеи Вейлора утянут нас пес знает куда. Я уже молчу об армии и Маринее. Ну кем, кем надо быть, чтобы закрыть глаза на массовые казни наших солдат? Как можно было почти завоевать страну и отступить в самый ответственный момент? Еще чуть-чуть, и Мариней бы сдался! Но нет, он решил разрешить дело нейтралитетом с репарациями, миролюбивый наш. Где он был, когда наших расстреливали? Почему в это время его псы гонялись за призраками, насиловали, грабили и убивали мирное население, а не шли на фронт латать дыры в рядах регулярной армии? Как ему в голову пришло набрать этих мародеров?

– Эд, слезь с любимого конька, – проговорила Рин.

Каждый раз Рошейл заводился на эту тему с пол-оборота. Казни военнопленных в Маринее были большим местом полковника: его племянника расстреляли, хотя он даже не был солдатом.

– Гхм... Ты спросила, я отвечаю.

– Вопрос не требовал такого развернутого ответа.

– Некоторые герцоги уже открыто выражают недовольство режимом Вейлора, но, как по мне, не слишком активно. С таким правителем, конечно, не больно-то повыступаешь, но старые хрычи вроде герцога Вейнсборо и герцогини Зальцири словно намеренно проигрывают ему! Если б в Дворянском собрании не было молодых герцогов, пес знает, что бы было с нами. Они все пробивные, умные. Знают, чего хотят, и не позволяют этому... гхм... творить произвол. И кстати, ты направляешься к одному из них, Анхельму Римеру. В письме к его светлости я описал тебя только в общих чертах, в подробности не вдавался, хотя он спрашивал.

– Обо мне? – вяло удивилась Рин.

Рассуждения Эдварда порядком ее утомили, она слишком устала, чтобы проявить к этому больший интерес и задуматься глубже.

– О тебе, да. Понятия не имею, чем это продиктовано. Его расспросы были осторожными и больше походили на прощупывание почвы. Спрашивал, кто такая, откуда, мог ли он тебя раньше видеть.

– И что ты сказал?

– Сказал, что видеть он тебя нигде не мог, так как ты работала в другом конце страны. Сказал, что ты аирг.

– На кой? – все так же вяло спросила Рин, помешивая ложечкой в стакане.

– Слушай, ну не мог же я не объяснить, кто к нему придет! Я просто сказал, что всю информацию о тебе дал его превосходительству Римеру, и на этом вопросы кончились. А может быть, просто замотался, потому и перестал спрашивать. Он у нас человек занятой.

– Ладно, меня это все не очень волнует. Что мне делать, когда я ему письмо доставлю? Сразу назад возвращаться? – от мысли об этом ее затошнило.

– Ой, только не делай такое лицо, прошу! – сморщился Эдвард. – Указания получишь на месте. Главное – дождись Армана, он придет в Кандарин вместе со всей группой.

– Ты не хочешь мне говорить или просто не знаешь, чем я займусь потом? – уперлась Рин.

– Не хочу говорить. И не скажу. И не пытай меня. И вообще, давай пей чай и ложись спать. И чтоб до завтрашнего дня я тебя не видел.

– Раскомандовался... – проворчала Рин, одним глотком допивая сладкие остатки на дне стакана и закусывая яблочным пирожком.

– Как подчиненный ты невыносима, – прокомментировал Эдвард.

– Я знаю, спасибо, – ответила девушка и отправила в рот последний кусочек, – потому и стала начальником.

– Потрудись вести себя с герцогом нормально, а?

В ответ Рин неопределенно пожала плечами и поднялась из-за низенького стола. Рошейл проводил ее в комнату на втором этаже своего дома и, пожелав ей спокойной ночи, удалился. Рин хватило только на то, чтобы переодеться и почистить зубы, а затем она без сил рухнула на кровать.

Рин открыла глаза. Некоторое время вспоминала, где находится. На деревянной стене теплого коричневого цвета замер солнечный зайчик – блик от зеркала, стоящего на тумбочке рядом с кроватью. Она повернула голову и уставилась в занавешенное веселым желтым тюлем окно. Погода была ясная, кружились редкие большие снежинки, солнечный свет путался в желтых занавесках. Девушка потянулась, сладко зевнула, не открывая рта, и села, протирая глаза ото сна. Взгляд ее упал на записку на тумбочке. Рин дотянулась до нее и прочитала:

«Я уехал на собрание в городской совет, буду к двум. Будить не стал. Как проснешься – спускайся обедать, Магда тебя накормит. Вечером будет дело, подготовься.

Эд».

Рин встрепенулась и глянула на руку – часы показывали двенадцать. Почесала в затылке, зябко потерла одной ногой о другую и побрела в соседнюю комнату умываться перед завтраком.

Рин без интереса слушала трескотню хозяйки о ценах на продукты и размышляла о своем дальнейшем пути. Сегодня был четвертый день с того момента, как она вышла из Сорин-Касто, и путешествовать ей оставалось еще около трех с половиной недель. Если, конечно, ничего не случится.

– И вот я ему говорю, вы только посмотрите! Эта пшеница заплесневела, а вы ее продаете! Куда это годится! Заплесневелая пшеница, представляете?! – возмущалась женщина, потрясая ножом и куриной ножкой.

Рин рассеянно кивнула и с нетерпением покосилась на часы: половина второго. Где же Эдварда носит?

– Да, это ужасно. Плесень на пшенице. Не могу представить ничего хуже, – отозвалась она, и жена полковника как-то странно на нее взглянула.

– В смысле, это действительно плохо, – поправилась Рин, понимая, что чуть-чуть переиграла. – О чем он только думал? Отравиться же можно! Скажите, а Эдвард точно не оставлял для меня никаких указаний?

Женщина отвернулась и стала дальше разделять курицу.

– Нет, он сказал, что вы должны его дожидаться, он сам все скажет. Так вот, пшеница-то еще ладно, три дня тому мне вместо оленины хотели козлятину продать! Думали, я не отличу! Что за люди! Куда катится этот город?

Рин закатила глаза и приготовилась слушать очередную историю о нечестных торговцах, но в этот момент раздался требовательный стук в дверь, и хозяйка, вытирая руки рушником, побежала открывать.

– Иду-иду, не стучи так! Здравствуй! Твоя гостья тебя уж заждалась.

Рин, услышав это, приободрилась. В кухню зашел Эдвард и бросил перед ней на стол пачку денег.

– Сейчас ты должна обрадоваться и сказать: «Спасибо, Эд».

Рин широко улыбнулась, протянула руку полковнику и с чувством пожала его ладонь.

– Вот спасибо, Эд!

– Его превосходительство мне голову открутит за самоуправство.

– Ничего, не обеднеет. Не переживай, – ответила она, перекладывая денежки к себе в кошелек. – Маршрут мой сделал?

– Да, пойдём-ка в гостиную...

Рин уселась в кресло перед камином и присмотрелась к карте Соринтии, которую разложил на столике Эдвард.

– Смотри, – сказал он и стал водить карандашом по карте. – Не так давно через Горящие сосны проложили относительно спокойную дорогу и построили шесть пунктов приюта вот здесь, – он отметил места на карте крестиками. – В четыре из них ты не попадешь, так как они служат для расквартировки гвардейцев. Но вот эти два охраняет обычная дружина из местных. Хотя им приказано проверять документы у каждого, пара сотен ремов легко решит вопрос. Твоя головная боль – это Красный лес. Когда ты там была в последний раз?

Рин задумчиво пожевала губы.

– Лет десять назад, когда в Истван ездила.

– Ты целых десять лет дома не была? – изумился Эдвард.

– Я там не самый желанный гость. Что с Красным лесом? Я там летом была, никаких проблем, не считая смертельной жары, огромных муравьев и ядовитых змей.

– Оборотни, вот что! Они уже вышли из Бонмардского леса и всю гуляют в Красном. А еще говорят, что в реках там развелись какие-то твари... Не вздумай купаться, если жизнь дорога.

– Зимой купаться. Совсем за дуру меня держишь, – покачала головой Рин и вздохнула. – Ну, оборотни, твари в реках. Поняла. Не так уж все и страшно. И с теми, и с другими я могу справиться. Что насчет дороги? Ты ничего не отметил здесь. Неужели так и не проложили нормальный тракт?

– Вот сейчас расскажу. Все тропы, которые прокладываются, на следующий день исчезают, как будто и не было, а на их месте вырастает густой лес.

– Да ладно!

– Прохладно, – ухмыльнулся Эдвард, а потом спохватился. – Все-таки плохо на нас Арман влияет, эти его фразочки цепляются намертво. Гм... Так вот, о Красном лесу. Хотели понять, как это происходит, расставляли часовых на ночь. Все засыпают на дороге, а просыпаются посреди леса. А некоторых и вовсе утром не находят.

– По звездам и компасу ориентируюсь, – нашла Рин. – Волшебные леса меня не пугают. Больше меня заботит, как там пробираться, если дороги нет? По пояс в сугробах?

– Вот не знаю, придумаешь сама. Снегоступы возьмешь. Дальше слушай! В полчасе пути от Красного леса, недалеко от Девори, есть поселок лесорубов. Там живет Рей Гонт, моя старая подруга, агент в отставке. Остановишься у нее. Она даст тебе письмо с указаниями от герцога и объяснит маршрут, который он разработал.

Рин вдруг вспомнила.

– Эд, погоди-погоди, а кто составлял мои маршруты до Эрисдрей и раньше? Хочется узнать.

– Логисты, – уклончиво ответил Эдвард, с опаской глядя на нее.

– А кто эти логисты?

– Контролирует и дает указания его светлость герцог Кимри.

– Эд... Ты мне голову-то не морочь. Это ведь ты, да?

– Ну я, я! Что ты хочешь от меня? – раздраженно всплеснул руками полковник, не выдержав пытливого взгляда нечеловеческих изумрудных глаз.

– В следующий раз я тебя самого заставлю по заброшенным колодцам и катакомбам ползать! – мстительно заявила она.

– Я выверяю твои маршруты и отбираю наиболее короткие и безопасные пути!

– Ты сам этими твоими путями ходил? Я вечно по уши в грязи, снегу, воде, крысах и прочем дерьме! Знаешь ведь, что у меня боязнь закрытых пространств! Ну сколько можно издеваться над курьером, а?

– Надо было устраиваться на другую работу тогда.

– Надо было сразу воткнуть тебе пару дровиков в твою тощую задницу! – огрызнулась она. – Ладно уж, логист-неудачник. Последний раз я ползу по подземельям. Потом, если не будет документов, пеняй на себя...

Эдвард скривился, видно было, как он хочет высказать Рин все, что думает о ее поведении, но удержался.

– Характер у тебя...

– Не я такая, жизнь такая, – выгнула бровь девушка.

Рошейл скептически хмыкнул и стал собирать карты.

– Я тебе пару слов о герцоге скажу, изволь послушать, а то ты вчера меня уже не воспринимала, похоже. Его светлость молод, умен и красив. Мало того, очень богат. Сейчас является основным претендентом на трон. От него легко потерять голову, и он является объектом охоты всех дам и девушек, претендующих на самое отдаленное знакомство с ним. Но он не интересуется никем.

– Ну и зачем мне это бесценное знание? – растерялась Рин, не понимая, к чему Эдвард клонит.

– Я тебя предупреждаю. Его светлость – очень впечатляющая персона, легко вызывает доверие и симпатию. У тебя может появиться множество очень могущественных врагов, если ваши отношения выйдут за определенные рамки.

Рин не знала даже, как отреагировать на эти слова. Да что он себе позволяет?

– Да что ты... – задохнулась она от возмущения, изо всех сил борясь с желанием треснуть ему и вцепляясь в подлокотники кресла. – Да чтобы я! Да когда такое было? И вообще, с чего вдруг?! То есть... Даже если и да, то за каким мне это...

Она поняла, что путается в предложениях и пару секунд помолчала, собираясь с мыслями.

– Эдвард! Либо ты мне чего-то не договариваешь, либо одно из двух. Я еду просто письмо передать, так?

Рошейл ответил, мрачно глядя на нее:

– Вот тебе карты, вот расписание патрулей в лесах и Девори. Я тебе все сказал, что хотел, и предупредил обо всем, о чем можно. Я о тебе, как отец родной пекусь, а ты меня все время в чем-то обвиняешь! Нет чтоб спасибо сказать! – Эдвард встал в позу сахарницы, сверкая глазами из-под кустистых бровей.

– Спасибо, папочка! – злобно выплонула Рин, выхватила у него карты и стала заталкивать их в свой рюкзак. От хорошего настроения не осталось и следа, в душе горело лишь раздражение и возмущение: как можно было так о ней подумать? Видимо, Эдвард это почувствовал, так как в следующий момент он положил тяжелую сухую руку на ее плечо и пристально посмотрел в глаза.

– Рин, прошу, береги себя. И не потому, что ты одна у нас такая, а потому, что ты моя давняя подруга. При том что ты старше, я все же отношусь к тебе, как к дочери. И я не хочу, чтобы у тебя возникли неприятности любого характера только потому, что я смолчал и не предупредил.

От ласкового тона Рошейла раздражение Рин стихло.

– Ладно. Я постараюсь. Прости, что вспылела.

В ответ Эдвард улыбнулся, и его длинное строгое лицо стало действительно добрым.

– К дому кто-то подошел, – сообщила Рин, прислушиваясь. – Топчется на пороге.

– А, это, должно быть, мой помощник, костюм принес на вечер. Я сейчас...

Эдвард ушел. Рин откинулась на спинку кресла, закрыв лицо руками. В голове была одна мысль: она согласилась на безумие, которое потом еще аукнется им всем.

Полковник вернулся и сел в кресло рядом с Рин.

– Так. Ориентировки я тебе дал. Давай теперь поговорим о деле.

– Меня не покидает мысль, что я согласилась на какое-то безумство.

– Хочешь отказаться?

– Я слов назад я не беру. Сказала «сделаю», значит, сделаю. Ты говорил, что будет бал. Как я должна его убрать, если вокруг толпа? И еще, пока я не забыла: ты помнишь, что в город мы въехали вместе? Я не предъявляла документы.

– Насчет этого не волнуйся. Инспектора завтра хватит сердечный приступ.

– Ну что за детский сад, а? Сегодня умирает глава службы охраны императора, а завтра – инспектор. Ну белыми ж нитками!

– Не твоя забота. Инспектор давно и серьезно болен сердцем, его смерть никого не удивит, сомневаюсь даже, что родственники будут настаивать на вскрытии. Кревилль! Это будет похоже на дело Петера Шаксбера [3]. Помнишь?

– Седьмое марта, семьдесят второй год, Канбери, прием у посла в Роддерсдейле. Шаксбер ввел нервно-паралитический яд был послу прямо в сердце с помощью длинной иглы. Смерть наступила за секунду, – отрапортовала Рин.

– Как будто и не уходила со службы.

– Я же поймала убийцу, помнишь? – нервно улыбнулась она. – Первое серьезное дело. После него было так здорово! Я не пошла – побежала по карьерной лестнице. У меня та иголка в кабинете на почетной полочке стояла. Интересно, где она сейчас?..

– Ладно, закончили с воспоминаниями, а то, вижу, тебя развозит. Сейчас я покажу тебе зал, где будет проходить бал. Иглу, конечно, такую не достать сейчас, но нам и не нужно особо тонкой работы. Нам нужен результат. Поднимайся, пойдем.

Рин вздохнула и бросила взгляд на часы: три. И во что она ввязывается?

При составлении любых планов следует учитывать следующее: в реальности что-нибудь обязательно пойдет не так. Вместо того, чтобы стоять в комнате за портьерой, Рин пряталась от охраны в узенькой нише на самом краешке балкона и мерзла. А Гюнтер Кревилль находился на первом этаже роскошного особняка вместе с женой и дочерью. По углам комнаты – четыре гвардейца. И еще нужно учитывать охрану самого Гюнтера из четырех человек. После окончания танца Рошейл и Кревилль должны подняться в курительную. Рин вжалась в нишу и прислушалась. Звуки вальса смолкли, раздались аплодисменты, затем зацокали по лестнице каблуки женских туфель.

«– Как поживаете, господин Кревилль? – Как вы поживаете? – Госпожа Кревилль, какой приятный сюрприз! – Вы желаете пойти с нами в курительную, господин Джашек? – Не откажусь! – Пойдемте! Скорее, пока не объявили третий танец. Моя дочь обещала вам вальс, господин Джашек, думаю, вы расстроитесь, если она уступит другому...» – доносились голоса снизу.

«Ну ладно еще этот Джашек. Но куда ты тащишь беременную жену? – мысленно взвела Рин. – Впрочем, плевать. Сам виноват. Холодно-то как! Давайте, идите сюда быстрее, у вас тут такой хороший табак лежит! В темпе, в темпе!»

Рин услышала, как в кабинет зашли люди. Заскрипели ножки стульев, зачиркали спички, понесло табачным дымом. Ей захотелось чихнуть, и она стала тереть нос.

– А что, Эдвард, ты говорил, у тебя дело ко мне есть?

– Есть, есть, но не при всех же. Личного характера.

– Что, за Шона своего похлопотать хочешь? Неужто решил пристроить мальчишку ко мне в гвардию? Хилый он у тебя. Жрет, что хомяк, а силы нету. Такому только на посылках бегать. Кха-кхе...

– Остынь, не за него. Шона я в военную академию пошлю. Нечего ему пятки стирать в патруле.

– А так он будет штаны протирать на академической лавке. Зря, зря, платят-то у нас достойно! Давай его к нам. Уж похлопочу, посидит годика с два в младших, а там до инспектора повышу. Кхе-кхе...

– Отстань, говорю! Дался тебе Шон!

– Кхе-кхе... Да что ж это! – Гюнтер тяжело закашлялся.

– Тебе, Эд, почитай, уже шестой десяток, – это вмешалась жена Кревилля. – Скоро пенсия, а дальше что? Останешься один со своей Магдой в твоей халупе, а Шон приглядит себе девчонку на Кимрийских улицах да укатит. На старости лет и стакан воды будет некому подать. Давай, не отказывайся! Я же знаю, он тебе как сын. Да и Магда всегда так хотела ребеночка, что ж ты у нее единственную радость отбираешь?

– Вот теперь мы приблизились к теме разговора, – сказал Рошейл.

– Хм-м?

– Говорю же, не при всех. С глазу на глаз хочу обсудить. Господин Джашек, Элеонор, позвольте нам потолковать?

– Ну, мы уже докурили, да и танец скоро объявят. Страсть как хочу посмотреть, как моя Ли́ка будет танцевать вальс! Пойдемте, господин Джашек, пойдемте!

«Да уж, идите, Джашек. Зрелище будет пренеприятное!»

Хлопнула дверь, жена Кревилля и Джашек вышли. Рин продолжала ждать.

– Так о чем ты... кха-кха... хотел?

– Есть ли у тебя доктор на примете хороший? Тот, что по женским делам? Магда у меня... беременная.

– О-хо-хо! Кха-кхе-кхе... Да что ж за табак такой жгучий? Ха-ха! Ай да Эдвард! Да у тебя, оказывается, еще есть порох! Только, постой-ка... кхе-кхе... Магда-то выдержит?

– Вот я и спрашиваю хорошего доктора.

– Ну, есть у меня один на примете. Элку-то мою он, считай, с того света вытянул. Чуть не померла, когда Лику рожала. Постой, дай припомню... Это был девяносто первый год...

«Да, – подумала Рин, пританцовывая от холода, – просчитался Рошейл, явно маловата оказалась доза для такого кабана. Давай уже, Эдвард, договори и иди отсюда скорее, его же прихватит сейчас. Эх, не хотела я грязной работы, да придется...»

– Фамилия его – Гаспарини, вспомнил. Зовут – Альберт. Только я не знаю, живет ли он еще в Парудже. Ты съезди да посмотри. Шона своего пошли. И знаешь что еще? У магов спроси, может, чего подскажут лучше. Кхе-кхе...

– Гюнтер, что с тобой? Ты бледный какой-то.

– Да табак, зараза, крепковат оказался. Намешали чего-то... И где только они его брали? Ты знаешь что? Иди пока в зал, Элеоноре скажи, что я полежу немного.

– Может, доктора позвать?

– Да нет, не надо. Пора бросать курить, – засмеялся Кревилль. – Иди, иди, я посижу тут. Бойцы! Вы все – за дверь! Ты и ты – охранять мою жену.

Дверь хлопнула, люди вышли. Внизу заиграла музыка, гости заплодировали. Рин подобралась. Время приближалось. Послышался плеск воды из графина: Гюнтер налил себе стакан. Скрипнула софа. Рин выскользнула из своего укрытия и осторожно заглянула в комнату. Там никого не осталось, только Кревилль сидел на софе спиной к ней, со стаканом в руке. Он отпил и сразу же зашелся в приступе кашля. Рин вынула стилет из прически, аккуратно отворила балконную дверь и скользнула в комнату.

– Кха-кха... Проклятый табак!

Рин стояла у него за спиной. Грянули звуки вальса, и Рин нанесла удар точно в сердце. Острая сталь встретила неожиданное сопротивление! С необычной для такого грузного чело-

века ловкостью Кревилль развернулся, схватил Рин за локоть и дернул на себя. Она полетела головой вперед через софу, на лету выхватила кинжал, сгруппировалась и приземлилась на обе ноги перед ним.

– Аг-ха! – зловеще ухмыльнулся Кревилль и нацелил пистолет ей в лоб. Его палец дернулся к предохранителю, но в эту же секунду блеснуло лезвие кинжала. Пистолет выпал из его руки, на пол закапала кровь. Еще один молниеносный взмах, – и из толстого горла потекли красные струйки. Он схватился руками за шею. Рин вскочила, замахнулась и изо всех сил вогнала кинжал в его грудь, а стилет в глаз. Кровь брызнула на нее. Кревилль не издал даже писка, лишь хрипло задохнулся и беспомощно взмахнул руками. Рин провернула стилет в глазнице, вогнала чуть глубже и достала. Кревилль повалился на спину, затем сполз на пол и затих. Она огляделась, взяла со стола бутылку бренди и коробок со спичками. В темной комнате вспыхнул огонь и озарил светом труп на полу и лужу крови под ним. Рин зубами вырвала пробку из бутылки бренди, плеснула на диван, на Кревилля и бросила горящие спички. Пламя взвилось, обдав ее жаром, языки огня стали пожирать обивку дивана, одежду на теле. Мерзко запахло паленым. Рин слотнула, вдохнула, выдохнула и вернулась на балкон. Даже не задумываясь, что делает, прыгнула со второго этажа в снег и некоторое время осматривалась вокруг. Людей на улице рядом с помещьем не было. Рин натянула капюшон и пошла к тому месту, где Эдвард сказал ей ждать Шона. Помощник Рошейла должен был проводить ее назад в дом.

Рин молча ждала, не обращая внимания на холод и поднимающуюся метель. Скрип снега под чьими-то сапогами вывел ее из оцепенения. Фонарь выхватил из мрака фигурку невысокого полного паренька. Рин рассматривала его издали и решала, подойти или дождаться, пока он сам ее найдет. Шон оказался мальчишкой лет семнадцати с шевелюрой мышастого цвета. Он растерянно крутил головой по сторонам и косился на нее. Наконец он нерешительно направился к ней.

– Простите... Э-э... Который час? – выдавил он, со страхом оглядывая ее.

– Парень, с таким характером в военной академии тебе делать нечего, – выдала она вместо «здрасьте». – У меня все лицо в крови, а ты мне «который час». Топай.

Рин бросила последний взгляд в сторону особняка, из окон которого вылетали снопы искр и языки пламени, и услышала истерический женский вопль и крики о пожаре. В этот момент бывшему агенту национальной безопасности стало жаль беременную супругу Кревилля.

Рин сидела на кровати и оттирала стилет. Лезвие было уже идеально чистым, но она просто не могла остановиться. Лево́й рукой полировала оружие, зажав его коленками, а правой писала в записной книжке. Рука дрожала, поэтому все буквы были разными по высоте, расстояния между словами – больше, чем обычно. Рин пребывала в небывалом смятении. Она снова и снова прокручивала в голове момент, когда стилет встретил неожиданную преграду. Кревилль не боялся отослать стражу, потому что был довольно надежно защищен. Он успел бы выстрелить, будь на месте ее кто-то другой. Реакция Рин, превосходящая по скорости даже кошачью, сегодня спасла ее. Ну и, конечно, спасибо ядовитой травке, подмешанной в табак. Она сделала противника слабее.

Дверь комнаты открылась, на пороге появился Рошейл. Полковник хмуро взглянул на Рин и сказал:

– Ты зачем пожар устроила?

– Давай сэкономлю твое время? Иди нахрен!

– Счита́й, что я уже вернулся. Что произошло?

– Недостаток информации произошел.

Недоумение на его лице было слишком явным.

– На нем жилет оказался, мой стилет соскользнул, – объяснила Рин. – Пришлось повозиться, было много крови. А потом я решила замести немножко следы...

– И подожгла дом, в котором был я, посол Маринея и еще десятки ни в чем не повинных людей!

Рин промолчала.

– Он тебя узнал?

– А что, разве он тебе не сказал?

– Хватит язвить! На вопрос ответь!

– Эдвард, у него беременная жена! У нее же выкидыш будет! На моей совести теперь не одна жизнь, а две!

– Угомонись! Я не знал, что она беременная! Я обычный человек, это только ты такие вещи чувствуешь!

– А тебе ума хватило привести ее туда, да?! Знаешь ведь, как я к этому отношусь!

Рошейл молча уставился в окно.

– Рин, если он тебя узнал, то успел передать по цепи остальным.

– Там было слишком темно. И у меня лицо было закрыто. Я завтра уеду рано утром, – тихо сказала она. Рошейл кивнул.

– Как проснешься, пойдешь с Шоном за всем необходимым в дороге, потом я тебя провожу из города. И оставь в покое стилет, до ручки сотрешь.

Она не ответила. Рошейл вышел. Рин убрала стилет, рухнула на кровать и некоторое время остервенело таранилась в потолок. В голове словно били в огромный колокол. Рин собиралась прикрыть глаза только на секундочку, но провалилась в сон. Снилось ей что-то очень неприятное, так что утром она проснулась с больной головой и в омерзительном настроении.

Глава третья, в которой Рин встречает странных существ и сражается со страхом

Рин брела по заснеженной дороге, уходящей в горы. За ней семенил легко навьюченный горный пони чубарой масти. Шерсть у него была длинная и густая, грива – лохматая, до самых колен. Звали это милое создание Хвостик, потому что у него с рождения была привычка везде ходить за хозяином. Рин сначала скептически отнеслась к идее тащить с собой пони в лес, полный хищников, но количество плюсов существенно перевесило минусы.

На пони можно ехать через снег, он мало нагружен, так что для него не составит проблемы везти Рин. Пони везет запас продовольствия, поэтому ей не придется охотиться. Пони везет палатку, в которой можно спать ночью. Пони везет спальный мешок. Пони везет ее собственный рюкзак.

– Ничего, что я тебя так использую? – тихонько спросила Рин, поглаживая Хвостика по теплому серому носу. Пони всхрапнул, довольный, что его спросили, мотнул головой и весело задрал пышный хвост. – Вот и славно.

Рин, насвистывая веселую песенку, поднималась в горы по довольно крутой тропе. Эрисдрей остался далеко позади. Перед ней возвышались крутые скалы, покрытые черным лесом, за которые уходило солнце, окрашивающее перистые облака в багряный цвет. Белоснежные зубы гор сверкали в лучах заходящего солнца, и складывалось впечатление, что вершину каждой из них украшает большой бриллиант. Рин шмыгнула носом и сунула руки в карманы. Хвостик ласково боднул ее в плечо, и она улыбнулась. Настроение потихоньку исправлялось.

К концу третьего дня пути через горы погода начала портиться: небо стало свинцово-серым и низким, завывли ветра, усилился мороз. Днем было относительно спокойно, но ночью, когда Рин забиралась в низенькую палатку, заводя в нее с собой и Хвостика, у нее складывалось впечатление, что снаружи свирепствует ураган, который в любой момент может унести их прочь. Только Хвостик был полон почти человеческого оптимизма: едва Рин закинула, погружаясь в невеселые мысли, как пони начинал играть. То бегал кругами с задраным хвостом, то разгонял тоскливую тишину трубным ржанием.

Тракт был довольно оживленным: по пути ей встречались торговые повозки, снегоуборочные пункты, группы местной дружины, которые гнали волов, запряженных специальными приспособлениями для укатывания снега на дороге.

На пятый день Рин проснулась с тяжелым сердцем. Чувство приближающейся опасности не покидало ее полдня, пока наконец чуткие уши не уловили мерный марш десятков пар ног. Гвардейцы приближались, и Рин бегом бросилась прочь с дороги, заматаив за собой и пони следы, и затаилась в ближайшем леске. Провожая взглядом пятнадцать человек в алых кирасах, она подумала, что патруль пошел явно не по тому расписанию, которое дал Рошейл. Почему? Нужно быть осторожнее.

К первому безопасному пункту приюта Рин подошла вечером пятого декабря. Это было трехэтажное каменное здание внушительного вида: надежные стены, массивная крыша, которой никакой ветер и снег не страшны, окна закрыты ставнями, а на входе – огромные двери из железного дерева, больше похожие на ворота замка. Слева от приюта была еще одна одноэтажная каменная пристройка, из которой доносились лошадиные храп и ржание. К тому же с трех сторон здание защищали высокие отвесные скалы, под которыми располагались несколько хозяйственных построек: свинарник, коровник и курятник.

У входа в приют стоял богатырского вида мужчина в алых одеждах с вышитой надписью «Дружина». Он топтался на месте, притопывая ногами и закрыв рукавом нос. Рин набросила капюшон и подошла к нему.

– Чего желаешь, барышня? Остановиться? – спросил он низким голосом.

– Да, ищу ночлег.

– А документы у тебя есть? – прищурился он, подозрительно покосившись на ее сиреневый подбородок.

– Откуда документы у аирга? – вздохнула Рин и откинула капюшон, стараясь выглядеть как можно жалче и милее. – Но я могу заплатить.

– А проблем-то от тебя не будет?

– Я просто обычная путешественница, хочу погреться у огня и помыться, – мило улыбнулась она. Мужчина помолчал-помолчал, с некоторой опаской глядя на нее, и чуть заметно кивнул. Рин сунула в подставленную руку несколько купюр, и он быстро спрятал их в нагрудный карман.

– Пони своего поставь сама, конюха у нас нет.

Рин кивнула и пошла в конюшню, умный Хвостик проследовал за ней. Пришлось потратить какое-то время на то, чтобы почистить и тщательно прочесать пони, укрыть его попоной и задать корм. Довольный и счастливый Хвостик ласково потыкался ей мордой в ладонь и боднул в плечо, мол, все будет хорошо. Рин погладила его, обняла и ушла.

В зале народа было немного. Пятеро торговцев в традиционных зеленых плащах склонились над тарелками. У камина грелась парочка. Около бара крутился рыжий парень с гитарой, видимо странствующий музыкант. Он громко упрашивал хозяина налить еще пива, но, судя по всему, ему было уже достаточно.

Рин набросила капюшон и подошла к барной стойке. Крепкого вида мужчина с большой лысиной и полными розовыми щеками перевел на нее взгляд и молча стал разглядывать.

– Хозяин, есть комната на ночь?

– Конечно. Четыреста ремов – хорошая, с камином и умывальной, триста – похуже, без умывальной, двести – дешевая, только койка.

Рин ответила, не задумываясь:

– Хорошую, с камином и умывальной. И еще плачу за ужин и завтрак. И у меня пони.

– С пони на пятьдесят больше. Всего шесть сотен. Оплата вперед.

Рин достала кошелек, отсчитала нужную сумму и уселась в свободное кресло у большого камина в ожидании ужина. Кормили очень вкусно: после пяти дней, проведенных на сухих пайках, ароматная грибная похлебка показалась ей даром богов, а сливовый компот – медовым нектаром.

– Эй, де-шка-красавица! – к ней за стол плюхнулся тот самый пьяный музыкант. Рин мельком взглянула на него и продолжила есть.

– А ты одна тут, да-а? – он достал из кармана трубку и попытался ее набить, рассыпав по столу табак. От едкого запаха Рин тут же чихнула и вежливо попросила:

– Уйди, пожалуйста. Я ем, не видишь?

– Будь здорова! Ну-у, ты одна совсем, я подумал, скучно тебе, – взгляд его странных желтых глаз был по-пьяному стеклянный. – А чего ты такая невеселая?

«Потому что я пять дней нормально не ела, а тут меня отвлекают от этого чудесного занятия», – недовольно подумала Рин, отодвигаясь в сторону.

– Нормально у меня все. Просто голодная. Слушай, уйди, пожалуйста, а?

– А хочешь, я тебе спою? – не унимался тот. – Меня Гевин зовут! А тебя?

– Тебе какая разница? Уйди.

– Ну скажи! Я про тебя песню спою! – Гевин широко улыбнулся, и его улыбка почему-то показалась Рин странно знакомой и очень приятной, поэтому она смилостивилась и даже чуть улыбнулась в ответ. Пусть его.

– Ладно. Я Наира.

Музыкант уронил на стол трубку и тут же взялся за гитару. Хотя пьян он был в дуду, играл все же отменно. А когда запел, то Рин отставила тарелку и уставилась на него с улыбкой. Невысокий, звонкий и чистый голос был ей очень приятен, как и сама песня – лиричная, теплая, с красивыми словами.

Когда он умолк, в зале раздались жидкие аплодисменты, и певец восторженно вскрикнул.

– Очень красиво, – улыбнулась Рин.

Гевин поклонился и снова взялся за трубку.

– Ты красивая, – сказал он, глядя на нее из-под полуопущенных ресниц.

Рин проигнорировала реплику, внутренне напряглась.

– Красивые губы, нежные, – добавил музыкант, и Рин тут же украдкой облизнула их. – Чувственные и манящие. Можно взглянуть в глаза?

– Плохая идея, – натянуто улыбнулась она, снова уткнулась в тарелку и проморгала тот момент, когда он резко потянулся к ней и откинул капюшон. Едва он увидел сиреневую кожу и большие изумрудные глаза, в растерянности смотрящие на него, как замер с открытым ртом.

Рин резко набросила капюшон обратно и чуть не бегом бросилась в свою комнату на втором этаже. Сердце ее бешено стучало, в ушах билась кровь, щеки заливала краска. С досадой отметив свою странно бурную реакцию, девушка тяжело привалилась к запертой двери и прислушалась: в зале было тихо. Ладно, может, пронесет на этот раз? Может, не узнали? Рин подождала немного. Скинула с себя тяжелый овчинный полушубок, оставшись в легкой внутренней курточке. Сняла и ее, осталась в спецовке на ремнях, со множеством кармашков, в которых были метательные ножи и ядовитые дротики. Разожгла камин, помыла руки и разглядела себя в зеркале.

– Нда-а, – резюмировала она, глядя на синяки под глазами. Разгладила пальцами морщинки на лбу, но это не помогло. – Какая-то ты, товарищ Кисеки, помятая и основательно за...

Она не успела сказать, какая еще, потому что раздались тяжелые шаги на лестнице, и в дверь постучали. Рин схватилась за револьвер и достала из ножен клинок с длинным и тяжелым лезвием, изогнутым, как крыло у сокола. Она назвала его «Соколиная песня», потому что при его взмахе раздавался тонкий протяжный свист, похожий на соколиный крик.

– Наира? – Она узнала голос барда. – Это я, открой!

– Чего тебе? – недружелюбно ответила она.

– Пусти, я ничего тебе не сделаю!

«Ох уж эти самоуверенные идиоты!..» – подумала Рин и отворила дверь. При виде нее Гевин остолбенел. Он медленно ощупывал взглядом все дротики и ножи, висящие на спецовке, Соколиную песню и револьвер в руках, засапожный нож... Лицо его вытягивалось от изумления, глаза больше не были стеклянными и вообще он словно протрезвел. Рин оперлась плечом на дверной косяк.

– Внимаю.

– Тут такое дело... – начал он, силясь отвести взгляд от лезвия Соколиной песни, которое блестело в опасной близости от его носа. – Ты айрг, да?

– Ну. И?

– Ты так убежала... Я тебя испугал, наверно... Но ты не думай дурного! Я тебя не боюсь.

– А надо бы, Гевин, – жестко сказала она. Музыкант растерянно взглянул на нее и улыбнулся. Рин подумала, что, возможно, поспешила с выводами о его трезвости.

– Ну как можно такую красавицу бояться? Наира... Красивое имя! У тебя такие глаза... Я влюбился, Наира!

Он зачем-то протянул к ней руку и бухнулся на колени.

– Будь со мной! Хотя бы сегодня! Завтра ты уйдешь, но сегодня будь моей!

Рин склонила голову набок, прищурилась и приняла единственно верное решение. Она сгребла музыканта за шкуру и спустила вниз по лестнице, наградив на прощание пинком.

Весь следующий день ее настроение не мог поднять даже Хвостик. Как бы весело ни скакал пони, Рин не могла выдавить из себя улыбку. По малопонятной причине она проплакала целый вечер, со слезами легла спать и в слезах проснулась. В глазах снова стояла та сцена. Снова в ушах звучал *его* голос. Снова бились в обветшалые ворота памяти тяжелые воспоминания. Снова подкатывались к горлу те слова, что она так и не смогла сказать *ему*. Не успела.

А больные, злые вьюги, разразившиеся ночью, лишь усилили печаль. Волком хотелось выть от тоски, пронзившей всю ее сущность! И сколько лет прошло – пора бы уйти грусти! Но нет: догоняет, хватается за плечо, заставляет обернуться и посмотреть в пустые глаза.

Рин зачеркнула в карманном календаре тринадцатое декабря и задумчиво закусила кончик карандаша. Маленькая масляная лампа освещала палатку теплым желтым светом, от которого бушующая снаружи вьюга казалась не столь ужасной. Рин лежала, уложив голову на теплое брюхо Хвостика, и листала записную книжку с заметками о путешествии. Она повернула голову и посмотрела, как дрожат темные реснички на закрытых глазах пони.

– И что бы я без тебя тут делала, пятнистый ты мой? – спросила она вполголоса, и Хвостик дернулся от этого внезапного звука и на секунду приоткрыл глаза. Рин погладила его по теплому серому носу, потушила лампу и некоторое время лежала с открытыми глазами, размышляя. С того дня, как она покинула Эрисдрей, прошло уже две недели. Послезавтра они спустятся с гор и войдут в Красный лес, так что и ей, и пони понадобятся силы, чтобы преодолеть этот последний рубеж на пути к Девори. И этих сил они будут набираться во втором приюте, где смогут остановиться. Рин изо всех сил понадеялась, что больше никаких бардов не встретит. Нет, даже не так. Она просто ни с кем не будет разговаривать. И точка!

Рин закрыла глаза, глубоко вздохнула и провалилась в глубокий сон без сновидений.

Когда утром сонная девушка высунула нос из палатки, небо было чистым, в синеве блестело солнце, от горы к горе перекидывались радужные мосты. Рин еще долго лежала бы, продирая глаза и уговаривая себя подняться, если бы не Хвостик. Пони поднял голову и стал беспокойно крутить ею по сторонам, разворачивая большие уши и так и сяк. Рин тоже насторожилась и прислушалась. Приближалось что-то большое... Опасное. Земля под ними мелко задрожала, стенки палатки затряслись. Хвостик заржал, вскочил на дыбы, подняв палатку головой, и девушка едва успела дернуть его вниз и вытолкать наружу. Рин быстро похватила вещи, кое-как затолкала их в седельные сумки и выскочила вслед за пони. Они стояли посреди снежной равнины, залитой ярким желто-белым светом. Рин подслеповато жмурилась от сияния снега и крутила головой по сторонам. Ее взгляд скользил по равнине, по близстоящим горам и наконец остановился на одной скале, где что-то было не так... Словно что-то серое крутилось в вышине, у самого пика, нарушая девственную белизну оскаленных зубов гор. Чувство беспокойства в ее груди перешло в животный страх и парализовало ноги. Рин могла только смотреть, как снежные языки слизывают одно за другим массивные деревья, и с благоговейным ужасом вслушивалась в низкий рычащий шепот смертельных снегов. Лавина убийственной силы ползла прямо к ним.

Хвостик протяжно заржал, и, наверное, этот звук вывел Рин из состояния шока и заставил немедленно хватать все, что осталось валяться в палатке и вокруг. Саму палатку Рин собрать уже не успевала... Вдруг Хвостик лег в снег.

– Что ты делаешь? – задохнулась Рин и потянула его вверх. – Вставай! Бежим!

Хвостик мотнул головой, и Рин поняла, что он пытается ей сказать: «Садись на меня». Девушка вскочила на его спину, и пони пустился вскачь так быстро, как хватало силы, а ей оставалось лишь крепко держаться за его гриву.

В лицо посыпались мелкие колючие снежинки, стало очень холодно. Рин обернулась и увидела, что огромные снежные лапы уже совсем близко, сминают небольшой сосновый лесок. Белые облака вздымались, застилая небо и солнце, сметая все на своем пути.

– Поднажми, милый! – взмолилась она. Пони прижал уши к голове и припустил изо всех сил. Снежная пыль взлетала клубами, шипя, слышался где-то позади треск ломаемых деревьев, и это было так страшно, что Рин позабыла все слова, горячая волна паники засвистела в ушах. Если лавина похоронит их здесь...

Она заставила себя обернуться и взглянуть в глаза белому ужасу. На секунду ей почудились очертания лица в снежных взрывах. Свет солнца закрыло, лавина уже настигла их.

– Не-ет! – закричала она, взмахивая руками в защитном жесте.

Снежные лапы словно ударились в невидимое стекло. Рин оторопело смотрела, как бушует за этим внезапным барьером стихия, как злится львица-лалина, не сумевшая сцапать добычу. Она смогла только втянуть носом морозный воздух и прерывисто выдохнуть. Хвостик перешел на шаг, а затем вовсе остановился. Рин почти что скатилась с его спины и села в сугроб. Сил у нее не осталось, она лишь иступленно таращилась перед собой, но холод постепенно приводил в чувство. Лавина улеглась и затихла, и спустя какое-то время Рин осознала, что снежную волну словно стеклом отрезало от них: она так и застыла взметнувшимся вертикально вверх сугробом.

– Что это было, а?

Пони не ответил, лишь ткнул ее мордой и щекотно задышал в ухо.

– Да-да... Ты рад, что мы живы. Я тоже очень рада, – кивнула она, поглаживая пони по морде и оглядывая сугробы высотой выше нее самой. Подошла ближе и разглядела наконец, что остановило лавину: ледяная стена. Сомнений не было – это работа очень сильного мага. Рин покрутила головой в поисках спасителя, но никого не обнаружила.

– Спасибо тебе, – с чувством произнесла она, – кто бы ты ни был.

Рин еще раз оглядела сугроб, пробила небольшую дырку во льду и пару раз копнула снег.

– Изумительно. Блеск!

В порыве бессильной злости пнула ледяную стену.

– Хрен я откопаю большой и толстый, а не палатку!

Хвостик шумно всхрапнул и потрянул гривой. Ласково ткнулся в щеку, будто бы утешая.

– Это была наша с тобой защита от холода... И какая-никакая гарантия, что я переживу этот поход. Твою ж мать... Ладно, поехали дальше.

Пони сердито фыркнул и помотал головой.

– Что такое?

Хвостик выгнул шею и потянул зубами ту сумку, в которой лежала еда. Рин улыбнулась и решила, что он прав: позавтракать нужно, иначе у них не будет сил даже добраться до приюта. Да и вещи нужно перепаковать.

Второй приют находился в небольшом «кармашке» ущелья, под низко нависавшими скалами. Солнце почти не проникало сюда, поэтому было темновато, зато совершенно безопасно. Ни ветра, ни лавины не смогли бы повредить его. Также это место служило опознавательным знаком для путников: отсюда дорога в горах разветвлялась, и одна шла на юг, к Зальцири, а другая – в Девори. Равнодушный охранник сразу же открыл Рин дверь, даже не спросив документы. Рин передала пони в заботливые руки конюха и пошла искать хозяина заведения. Она очень надеялась, что сможет купить у него новую палатку, но тот в ответ на ее вопрос лишь развел руками и сочувственно вздохнул. Раздосадованная Рин быстро поужинала в общем зале и,

решив не ждать, когда к ней пристанет очередной пьяный бард из местных, направилась в свою комнату. Поднимаясь по лестнице, она обнаружила, что за ней увязался весьма приятный господин с густыми усами, который весь вечер описывал круги вокруг ее стола. Решив, что такая компания ей точно не помешает, Рин впустила его в комнату, угостила вяленным мясом и усе-лась за стол, чтобы проверить дальнейший маршрут и записать в дневник события минувших дней. Усатый господин, прикончив угощение, возжелал ее внимания и более тесного общения.

– Хорошо тебе живется, котя, – вздохнула она, почесывая за ушком пушистого рыжего кота с нахальными зелеными глазами, который оккупировал её колени, – шерсть, как у рыси. Наверняка снега не боишься.

Котяра самодовольно замурлыкал, чуть впиваясь коготками ей в ногу. Когда Рин легла спать, он улегся поверх одеяла ей в ноги и свернулся клубком. Несмотря на пережитое, в ту ночь сны были легкими и приятными: снился дом и мама, какой она видела ее в детстве.

Высокие и мощные горные ели в одночасье сменились кедровым стлаником рыже-вато-зеленого цвета. Почвы в предгорьях Горящих сосен были бедными, летом даже трава с трудом пробивалась сквозь щебенчатые породы. С гор спускались, растекаясь небольшими озерами, ледяные реки, по которым летом шла нереститься радужная форель – излюбленное лакомство красных медведей, коренных обитателей Красного леса.

Снег морозно хрустел под сапогами и копытами. Хвостик весело качал головой в такт песенке, которую напевала Рин, и прядал ушами. Девушка и пони спускались неширокой гор-ной тропой к озеру Лей, от которого начинался подлинный Красный лес, раскинувшийся так далеко, как только хватало глаз. Дорога под горами разветвлялась. Одна, огибая Красный лес, вела на север, в очень далекий город Финесбри, другая – на юг, к Арне и серебряным рудникам на границе герцогств Танварри и Зальцири.

Проходя по берегу озера, Рин заметила полынью. Она решила, что это удачный случай набрать воды, и подошла ближе. Но когда взглянула на темную воду, то вздрогнула, увидев очертания лошадиной морды, подсвеченной синим. Тело снова стало неметь, и Рин поспешила с большим почтением поклониться келпи. В этот же миг он пропал.

Красный лес вставал перед горами ровной стеной, словно бы кто-то, собирая гигантскую картину-головоломку, по недомыслию приставил кусочек с лесом к неподходящему кусочку равнин с кедровым стлаником.

Взглянув на посеребренные инеем стволы, Рин испытала странное давящее чувство, как будто ее голову кто-то сжимал со всех сторон. Она не видела ни единой тропы, где могла бы спокойно войти, не утонув в сугробе, ни единого просвета меж величественных деревьев. И нарастало, заполняя ее изнутри, чувство тревоги, неприязни.

Рин придержала пони, медленно опустилась на колени и поклонилась лесу до самой земли.

– Прошу тебя, хранитель этого леса, пожалуйста, позволь мне пройти! Не возьму лиш-него, только необходимое для жизни. Обещаю.

В ответ лес промолчал, лишь ветерок качнул макушки высоченных деревьев. Чувство беспокойства отступило, на смену ему пришло легкое удивление, а затем теплое молчаливое одобрение. Рин еще раз обвела лес взглядом, снова поклонилась и поблагодарила, а когда под-нялась, увидела неширокую тропку с примятым снегом. Ступая на нее, девушка отметила, что на ней не было ни единого человеческого следа, проложить ее было некому. Ширины тропинки хватало ровно настолько, чтобы она и пони могли пройти бок о бок. Еще раз поблагодарив лесного духа, Рин двинулась вперед.

– Ну, Хвостик, я надеюсь, у нас не будет особых проблем, – сказала она, и пони ответил ей добродушным фырканьем.

Луна уже пошла на убыль, поэтому звезды ночью были видны отчетливо, и Рин ориентировалась по ним. Но путешествие по лесу при отсутствии палатки – так себе занятие. К счастью, погоды стояли ясные, безветренные, морозы спадали. Стоянки стали долгими; едва только закатывалось солнце, девушка разбивала лагерь, не забывая разжечь костер. В поисках одного приходилось сходить с тропы и уходить вглубь леса, что было довольно опасно. Чтобы не заплутать, Рин бросала в собственные следы вылущенные птицами и белками кедровые шишки, которые набрала, когда шла через кедровые леса. Там же она кое-как решила и проблему отсутствия палатки. Нарезала кедровых веников и теперь выстилала себе ими снег для ночлега. Спать приходилось достаточно близко к костру, чтобы не замерзнуть, но и не вплотную, чтобы ненароком не спалиться. Сон был кратким и прерывистым – Рин часто просыпалась, чтобы раздуть огонь и подкинуть хвороста.

Ночью шестого дня пути Рин проснулась от странного звука, словно кто-то рядом... ел. Девушка посмотрела сквозь ресницы на пони: Хвостик мирно спал.

Она хотела повернуть голову, но не посмела. Показалось, что рядом кто-то смеется, и липкий страх лизнул ее шею, обдав ледяным дыханием. Чавканье не прекращалось, слышно было, как потрескивает в тишине костер, и как клацают чьи-то зубы. Рин очень осторожно повернула голову, ровно настолько, чтобы увидеть...

Рядом с костром сидел человек. Обнаженный мужчина.

Блики огня играли на его черных как ночь волнистых волосах. Они были довольно длинные, хорошо скрывали лицо, но не закрывали клыки – по-звериному острые, белые, впивавшиеся в окровавленную тушу кого-то, кто сейчас не поддавался опознанию. Только ошметки потрохов и кровавые капли летели в стороны.

Рин мгновенно нашарила за пазухой револьвер, вытащила и направила на незнакомца. Гость не прервал своего занятия. От внезапного, несвойственного ей страха затошнило, и пришлось несколько раз глубоко вдохнуть, чтобы взять себя в руки.

– Кто ты?! – Услышала свой голос словно со стороны. Показался писклявым и жалким.

Гость не ответил, лишь хихикнул.

Автор иллюстрации – Валерий Яковлев (Barofar)

Рин успела только сесть, а затем обнаружила, что тело немеет. Палец на курке дрожал, всю руку сводило, оружие вдруг стало неподъемно тяжелым. С трудом она подавила беспомощный вскрик и вложила остатки своей храбрости в то, чтобы удержать револьвер. Чавканье прекратилось. Незнакомец встал, потянулся и откинул волосы с лица. Рин хорошо его рассмотрела. Тонкий прямой нос, высокий лоб, скрытый под густой лохматой челкой, резкие линии высоких скул и мягко скругленный подбородок. Его полные, четко очерченные губы и щеки были испачканы в крови. От света огня он чуть жмурил раскосые глаза, в которых не было видно белков... Мужчина поднял руку и медленно облизал кровь с пальцев. Затем посмотрел прямо на нее, и в этот миг все ее тело словно сотряс электрический разряд. Страх пропал, и пришло нечто вроде... доверия? Она опустила оружие и некоторое время смотрела в его большие волшебные глаза-омуты.

Он улыбнулся, подмигнул ей и ушел во тьму леса.

До самого рассвета Рин просидела, чуть покачиваясь и сжимая револьвер окоченевшими руками, и только с восходом ее сморил краткий сон.

Рин обвела карандашом двадцать третье декабря на календаре и задумчиво почесала за ухом. По ее подсчетам, сегодня был последний день путешествия по Красному лесу и последняя ночевка. Часы показывали восемь утра, солнце уже начало вставать, но еще не успело преодолеть горы. Часам к одиннадцати она выйдет к поселку лесорубов и встретит Рей. А затем наконец-то доберется до бани... Конец мучениям! Девушка почесала нос, голову, потеряла ладонью лицо и с головой спряталась в теплый спальник: вылезать совсем не хотелось.

Но тут стал подниматься Хвостик, и Рин пришлось выползти из своего кокона.

«Пожрать бы сейчас от души, а не вот это вот все!» – с тоской подумала она, оглядев фронт работ. Но еды не было, и Рин нехотя стала сворачивать свои пожитки и заталкивать в седельные сумки.

Красный лес остался позади. Рин недоумевала: почему Рошейл так стращал ее этим местом? За все время путешествия по нему она ни в чем не испытывала недостатка (ну, если не считать палатки), не блуждала, дорога была ровной, ей ни разу не повстречались медведи, горниды или оборотни. Хотя с последним можно было поспорить: кто был тот загадочный мужчина, который ел горнида прямо перед ее палаткой? Оборотни так не выглядят, да и не стал бы оборотень так себя вести, он бы закусил ею. Пони тоже не тронул, лошади его явно не интересовали. Кто же он?

Рин помотала головой, словно выбрасывая из нее эти мысли. Не тронул – и на том спасибо.

Дом Рей Гонт она отыскала без труда: выкрашенные красной краской бревенчатые стены трехэтажного здания были видны издалека. Хотя у двери висел колокольчик, девушка постучала так, как ее научил Рошейл: быстро четыре раза и три с долгими паузами. Открыла синеволосая женщина лет сорока. Она окинула взглядом гостью и пони, секунду помолчала, а затем радушно улыбнулась.

– Привет! Ты, должно быть, Рин? Заходи! – она обернулась и крикнула кому-то: – Мэти, выйди во двор, поставь лошадь! Ты заходи, заходи!

Рин зашла в дом и скинула капюшон.

– Вы Рей Гонт? – спросила она, стаскивая перчатки и протягивая руку.

– Рей Урсус. Я вышла замуж, – она гордо расправила плечи и весело подмигнула ей, отвечая на рукопожатие. – И давай на ты. Ты, наверное, страшно устала? Долго путешествовала?

– Почти месяц, – ответила Рин, оглядываясь по сторонам и отмечая яркие и веселые краски, наполнявшие комнату. Оранжевый диван, желтые занавески, голубой стол, зеленый камин. Сразу было понятно, что хозяйка дома – человек весьма оригинальный. Рей подтолкнула ее к камину, попутно сдергивая с нее полушубок, и усадила в глубокое мягкое кресло.

– Ох, бедняжка! Нелегко тебе пришлось. Дорога без происшествий, надеюсь?

– Один раз чуть не попала под лавину, потеряла под снегом палатку, а так... все спокойно, – улыбнулась Рин, решив умолчать о странном мужчине в лесу.

– Лавина в горах! – всплеснула руками Рей. – Ай-яй-яй! Да ты в рубашке родилась! Как же ты пережила путь в таком холоде без палатки? Ну, ничего, теперь ты в безопасности, будешь отдыхать на мягких постелях и париться в моей бане. Ты как раз к обеду подросла. Грета! Накрой хорошо на стол, у нас гости, и скажи Мэтью, чтобы приготовил третью комнату! И баню натопил пожарче, да воды пусть не жалеет! А потом пусть позаботится о пони.

– Слушаюсь, матушка! – из соседней комнаты выглянула молоденькая девушка в косынке и домашнем платье.

– Моя невестка, – пояснила Рей, кивая на девушку.

– Приятно познакомиться, госпожа, – невестка присела и поклонилась, Рин кивнула в ответ.

– Ну, рассказывай. Что там наш старый пес? – Рей присела в кресло рядом и указала пальцем на камин. Сухие поленья лизнули языки невесть откуда взявшегося пламени.

– Ты маг огня? – спросила Рин, и Рей заливисто расхохоталась. Казалось, ее энергия лилась через край. Каждое слово сопровождалось бурной жестикуляцией и выразительной мимикой.

– Балуюсь. От былой силы мало осталось... Старею, что ли? С рождением сыновей пришлось оставить старую работу да заняться домом, – она довольно ухмыльнулась и махнула

рукой на стену, где висели портреты членов семьи. – Замуж вышла второй раз. Но ты расскажи, как там все? Я здесь живу на отшибе, уже давненько не виделась с Рошейлом, с Арманом.

– Рошейл хорошо. Всех вокруг воспитывает и дисциплинирует, сморчок старый. Бодр, весел, похудел только сильно. Высох.

– Как? Магда готовит, как бешеная, как он похудеть-то смог?

– Ну, возраст берет свое, видимо.

– А дети? Детей его видела?

– Нет, так и не обзавелся, – махнула Рин рукой, улыбаясь.

– Старый он пес! Бедняжка Магда. Хоть бы приемыша взял! Бабе уж скоро полтинник будет, а она все без дитятки, – огорчилась Рей, и по ее волосам прошла рыжая молния. – Ну, сами разберутся. Что он тебе сказал сделать?

– Мне нужно оставить у тебя пони, и он сказал, что есть указания от герцога.

– Да-да, верно. Странно, что больше ничего... Я надеялась на что-нибудь интересенькое! Совсем забыл меня старый пес... Аха-ха! Не слушай меня! Сейчас ты выспишься, а отсюда выйдешь ночью, часам к трем уже будешь у входа в катакомбы Девори. Днем туда нельзя, вход находится в довольно людном месте. Там совсем рядом лесопилка и новая водонапорная башня, постоянно кто-то ходит.

– Да я уже привыкла... – немного огорченно ответила Рин, морщась при мысли о том, что опять придется ползать по подземельям.

– Ух какая молодец! Ты уж прости, проводить до конца не смогу, меня в эти подземелья калачом не заманишь. Ты вот что скажи... Предупредил ли тебя Рошейл насчет герцога?

Рин напряглась. Сговорились они, что ли?

– Он обстоятельно побеседовал со мной о нем, – уклончиво ответила она.

– А, значит, ты знаешь, – расслабилась волшебница. Рин с облегчением вздохнула. Второй разговор на эту тему, да еще с женщиной, которую она в первый раз видит... Это уж слишком.

– Послушай, как так сложилось, что я тебя не видела раньше? – спросила Рин.

– Очень просто. Я мало участвую в делах – только по личной просьбе Рошейла и Армана. Работу в департаменте я бросила, влюбилась до смерти, забыла обо всем и подала в отставку! – засмеялась Рей, и в ее серых глазах заплясали искорки веселья. – По этому региону работал другой агент, тебя сюда не посылали. Теперь он сдал свои дела и отправился на твое место, а герцог решил вызвать сюда тебя. Ну, мне немного известно, сама понимаешь. А вот и Грета. Готово?

– Готово, матушка.

– Пойдем-ка, Рин, сейчас я угощу тебя стряпней своей любимой невестки. Она у нас чудо как хорошо готовит!

Рей, тонкая и сухая, как веточка, легко вскочила с кресла и пошла в другую комнату, где была столовая.

Ее дом был большим, по меркам такого маленького поселка, и самым зажиточным. Рей объяснила это тем, что ей удалось сделать неплохое состояние на продаже различной волшебной помощи.

– К тому же, муж у меня – лесоруб, а им платят хорошо, – посмеивалась она. – Спасибо за это герцогу, он у нас просто умница.

– Я гляжу, многие им довольны, – откликнулась Рин. – В горном приюте торговцы хвалили его.

– Это верно! – подтвердила Рей, подкладывая ей еще тушеного мяса. – Его любят. Ха! Я его видела один раз, приезжал тут. Еще бы такого не любить! Красавчик такой, что девушки теряют голову. А какой умница! Год назад я была по делам в Кандарине, город растет

не по дням, а по часам! Столько нового появилось! И заметь, все своими руками, почти без помощи волшебников.

– Правда?

– Кошунственную вещь скажу, но все же отсутствие волшебства заставляет людей думать своими мозгами и пользоваться тем, что дает природа.

– Наверное... – робко ответила Рин, вспомнив, как неведомая сила остановила убийственную лавину в горах. – Послушай, Рей, ты ведь была боевым магом, верно?

– Да. И той еще оторвой! Стоило мне как следует разозлиться – и вокруг все полыхало! А что? – с любопытством посмотрела на нее Рей хитрыми серыми глазами.

– Ты слышала, что в Красном лесу водятся оборотни?

– И не раз, – между ее бровями сразу залегли глубокие морщинки. – Пару недель назад пропал Джеки, сын друга моего мужа. Парень пошел рубить лес и не вернулся. Нашли его одежду, порванную звериными когтями, а мальчика и след простыл. Ни одной зацепочки.

– А ты не слышала случайно историй про мужчину со странными глазами? Черными такими, без белков, – Рин даже не пыталась скрыть свой интерес и пристально смотрела на Рей. Та пожала плечами и ответила:

– Нет, ничего подобного. А ты что же, встречала?

Рин глубоко вздохнула и пересказала ей историю с ночным гостем.

– А ты уверена, что тебе это не приснилось? – скептически ухмыльнулась волшебница.

– Ни кости на земле, ни шкура горнида мне явно не приснились, – занервничала Рин, краем сознания отмечая, что опять разговаривает с акцентом родного языка.

– В Краснолесье кого только нет... – хмыкнула Рей, придвигая к ней кувшин со сливовым компотом. – Оборотни, мурианы, феи, келпи. Тебе лучше знать, ты же аирг, у вас эти знания сохраняются лучше, чем у нас, людей.

Рин не ответила, только еще больше задумалась.

– Лучше расскажи, что там в мире делается? – заинтересовалась Рей, облакачиваясь на стол. – Так давно не была в родной Парудже! Страсть как хочется навестить университет!

Слушая собственный рассказ, Рин постепенно приходила к мысли, что на самом деле ей и сказать толком нечего, потому что в деле с загадкой императора они не продвинулись ни на шаг. Все их заботы были какими-то около-политическими. Здесь спровоцировать конфликт, там выследить, тут пустить правильный слух, убрать ненужных людей... Но почти ничего, прямо относящегося к делу с кристаллом.

– А принц что? Принца-то нашли?

– Это не наше дело, нам говорят даже не пытаться соваться в тайны аристократии, мол, понадобитесь – спросим.

– Ах как жалко, – надула губки Рей и накрутила на палец синий локон. – Хочешь добавки?

– Нет, спасибо, я уже наелась. Очень вкусно! – похвалила Рин.

– Невестка у меня умница! – гордо сказала Рей. – Ну да ладно. Ты, поди, с ног валишься. Мэти!

В столовую зашел долговязый паренек лет тринадцати с шевелюрой, похожей на копну сена. Он бесцеремонно устался на Рин, и та чуть улыбнулась ему.

– Комната готова? – спросила Рэй.

– Да, мам.

– Баню натопил? Пони почистил-покормил?

– Да, мам. А вы...

– Руки помыл?

– Да, мам, – с неудовольствием процедил Мэтью. – А вы аирг, да?

Рин кивнула.

– А это правда, что аирги умеют колдовать? Покажете?

- Мэтью! – грозно рыкнула Рей. – А ну, не приставай к госте! Тебе меня мало?
– Ничего страшного, – улыбнулась Рин. – Наше волшебство другое, Мэтью, показать не смогу.
– Мэт, иди посуду помой. И причешишь! Что за воронье гнездо на голове?
– Ну мам!
– Живо! – хлопнула Рей по столу, и мальчишка с недовольным видом пошел в сторону кухни.
– С мальчишками только так и можно, – посетовала она, ухмыляясь. – Ну, пойдем, твоя комната готова, и ты, должно быть, смертельно устала от моей болтовни.

После по-настоящему горячей бани, где Рин целых два часа нещадно отскабливала от себя грязь и пот, она свалилась в мягкую и теплую перину и уснула бы, но решила, что сначала все же стоит расчесать волосы и заплести косу. Да и ногти тоже пора было привести в порядок. Рин так увлеклась наведением марафета, что совсем не заметила, как в комнату вошла Рей. Волшебница протянула ей пухлый конверт, закрытый сургучом с оттиском печати герцога, и вздохнула.

– Указания от герцога для тебя.

Рин сломала печать и достала два желтоватых исписанных листа бумаги и пергамент. Почерк его светлости был столь витиеватым, что читать его было очень сложно.

– Понаписал-то! – шепотом возмутилась она, отложила в сторону маникюрный набор и придвинулась ближе к лампе.

«Многоуважаемая госпожа Рин Кисеки!

Адресую сие послание Вам в надежде, что мои рекомендации помогут избежать трудностей в пути. Прежде всего, во время путешествия ко мне Вам следует остерегаться появления на людях и воздержаться от распросов обо мне у незнакомцев, дабы не вызвать лишнего внимания к моей персоне.

Как Вы, вероятно, знаете, в Девори ведут два входа: северный и южный. Оба охраняются стационарными гвардейскими постами. Охрана каждого входа насчитывает 25 человек, включая командование.

По последним данным, которыми я располагаю, обходы патруля совершаются 4 раза в сутки: утром с 9 до 12, днем с 15 до 18, вечером с 21 до 00 и ночью с 3 до 6. Патруль марширует через весь город и вокруг внешней городской стены.

Девори находится в окружении двух ветвей Арны, северной и южной, а с обеих сторон меж реками город защищен непроходимыми лесами, в которых водятся дикие звери.

Принимая во внимание все вышесказанное, Вам следует пройти под Девори через старые храмовые катакомбы, которые выведут Вас далеко за город и северную Арну. Подробную карту Вы найдете в этом же конверте.

Рей Урсус (в девичестве Гонт) снабдит Вас всем необходимым и будет Вашим проводником до места входа в катакомбы.

По выходе за город найдите дорогу на Кандарин, она проходит с юга строго на север, и по ней до первого поворота с указателем «Лонгвил». Когда придете в город, найдите Кашитановую аллею, там располагается мое поместье.

Ваш путь займет один день пешего пути.

Еще многое должен Вам сказать, но придержу мысли до первого свиданья.

С надеждой на скорейшую встречу,

Герцог Танварри,

Анхельм Вольф Танварри Ример».

Рин задумчиво пожевала губы и почесала подбородок. Что значила последняя строчка в письме? О чем таком с ней может разговаривать герцог? Хотя, наверное, это всего лишь

речевой оборот. Девушка развернула пергамент, на котором была нарисована карта храмовых катакомб с пояснениями. Все было предельно ясно, так что она убрала обратно письмо и карту и повернулась к Рей.

– Во сколько нужно выходить?

– Отсюда до Девори час на лошади шагом. Думаю, тебе не захочется напрягать лишний раз ноги перед долгой дорогой? Угадала. Мы выйдем ночью, около двенадцати, чтобы точно не наткнуться на патруль, поэтому у тебя есть уйма времени, чтобы выспаться и отдохнуть. Ну, теперь ты все знаешь, и я могу уйти. Спокойной ночи!

Рин кивнула и стала собирать выложенные вещи, чтобы не тратить на это время потом.

Рей разбудила ее в десять вечера. Они поужинали, затем взяли из стойла оседланную лошадку и Хвостика и выдвинулись в сторону Девори. Погода была не морозная, но ветреная, и начинался снегопад, которого так опасалась Рин. В воздухе над лошадиными головами висели волшебные огоньки, освещавшие неширокую лесную просеку.

Рей в дороге без умолку трещала о том о сем: о детях, о временах службы в департаменте, упоминая имена и фамилии разных людей – как хорошо знакомых Рин, так и тех, о ком она не слышала. Казалось, заткнуть болтливую волшебницу было невозможно, но и не особенно хотелось после долгих недель, проведенных наедине с собой.

Они остановились возле небольшой заброшенной пожарной вышки рядом с просекой. В паре сотен шагов было небольшое строение, в окошках которого горел свет. Издалека Рин слышала звук пилорамы и чьи-то громкие разговоры, и Рей объяснила ей, что это и есть та самая лесопилка, где работает ее муж. Рей спешила и привязала коня, Рин соскочила с Хвостика и долго гладила его по серой умной мордочке.

– Ну, дружочек, прощай, – сказала она, целуя его в бархатный нос. – Больше мы с тобой не увидимся, малыш. Спасибо, что помогал мне и спас.

Хвостик в ответ нежно пофыркал ей в ухо и потянул губами за капюшон. Здррав хвост, он весело побил копытом снег и тоненько заржал.

– Я тоже буду скучать, малыш, – улыбнулась Рин. – Мне пора. Будь умницей!

С помощью волшебства Рей они открыли тяжелую дубовую дверь, которая, казалось, намертво примерзла к камням, и стали спускаться в темные подвальные помещения, откуда тянуло знакомой плесневелой сыростью и грибами. Волшебница все время держала перед ними магические огоньки, освещающая крутую лестницу с подгнившими деревянными ступенями. Спустившись в самый низ, они оказались на малюсенькой площадке, где с трудом могли стоять вдвоем.

– Смотри-ка, – Рин уселась перед деревянными дверями, запертыми большим железным замком. – Проржавел и прогнил. На соплях держится. Странно. Судя по ржавчине, двери закрылись очень давно, только как же тогда карту составляли?

– Ты меня спрашиваешь? – рассмеялась Рей. – Я-то тем более не знаю.

– Странно это... Ну, делать нечего. Эти двери проще выбить. Ну-ка, отойди.

Рин отстранила свою провожатую, вынудив ее подняться на пару ступенек вверх, ударила ногой в замок и отскочила от неожиданности: двери сорвались с прогнивших петель и с грохотом рухнули, открывая проход в темный лабиринт катакомб. Рин достала из рюкзака свою маленькую масляную лампу и похлопала по карманам, ища спички.

– Может быть, подсветить тебе магическим огоньком? – усомнилась волшебница, скептически поглядывая на лампу. – Эта почти ничего не освещает.

– А ты можешь?

– Ха! Ты недооцениваешь Спичку Рей! Это меня так звали, – объяснила она, вытаскивая горелку с фитилем и указывая рукой на лампу. С ее пальцев сорвалось пламя и скрутилось в красивый шарик. Рей закрыла окошко лампы и отдала свое творение Рин.

– Всю жизнь среди магов прожила, сама кое-что умею, но каждый раз удивляюсь, – призналась Рин. – Так красиво выглядит.

– Да, магия затягивает, – согласилась Рей. – Соскочить невозможно. Открываешь в себе дар, и вся жизнь летит кувырком. Ну, не будем задерживаться. Тебе пора. Рин, береги себя!

– Рей, стой! – остановила ее Рин, внезапно вспомнив кое-что. – Скажи, этот агент, который работал до меня здесь, кто он?

– Грей Шинсворт. Я думала, ты знаешь. Стой, дай вспомнить...

Рей задумалась, и ее глаза метнулись к потолку. Рин пристально следила за выражением ее лица: было похоже, что волшебница словно продирается через собственные воспоминания.

– Я не так уж много о нем знаю. Я его видела-то всего раз, когда он с герцогом приезжал да карту передавал. Он работает в департаменте безопасности, то отделение, что в Кандарине. Он молод, ему всего около двадцати пяти. Насколько я знаю, он больше работал информационным агентом, чем курьером. Не как ты. Вроде бы он как раз занимался разработкой маршрутов. Но я совсем не знаю, зачем и когда его перевели на твой участок. А почему ты вдруг спросила?

– Просто хотела знать, кто здесь работал до меня. Я не получала дальнейших указаний о том, чем мне придется заниматься здесь, а на все мои расспросы Рошейл высказался в духе «герцог скажет». Раз такое дело, может быть, меня переведут работать вместо этого Грея в отделение департамента? – спросила она и тут же фыркнула. – Хотя вряд ли. Это из разряда сумасшедших идей. Не представляю, как они провернут это со мной, учитывая, что я разыскиваюсь... Ну, это не мое дело.

– Слушай, не забивай себе пока голову. Какие-то сутки, и ты все узнаешь. Чего догадки строить?

– Ты права. Ладно, Рей, я пошла. Счастливо! Надеюсь, еще увидимся! – Рин пожалла горячую и сухую руку волшебницы и шагнула через порог. Под ботинками тотчас влажно чавкнуло.

– Твою ж мать... Я точно заставлю Рошейла самого ползать по этим катакомбам! – проворчала она, и вслед ей донесся смех Рей.

Стрелка на часах остановилась на отметке в два часа ночи, а Рин дошла лишь до середины катакомб. Карту составлял либо законченный кретин, либо диверсант, имевший целью завести ее туда, откуда она бы не выбралась. Если бы не многолетний опыт блуждания по странным местам, Рин точно заплутала бы в этом лабиринте. Сейчас девушка стояла посреди зала, из которого вели два коридора, а не один, как было указано на карте, и поминала картографа недобрым словом.

– Ну и какого пса плешивого? – беспомощно спросила она, заглядывая попеременно то в один коридор, то в другой. Оба отзывались лишь ехидной тишиной. Через некоторое время она заметила, что из одного коридора дул ветерок, доносивший вонь тухлой рыбы. Рин перешагнула порог другого коридора, чтобы проверить, что там, но почему-то ей сразу же стало жутко. Сердце заколотилось в ребра, голосок в голове шепнул уходить отсюда. Хотя видимых причин для страха за все время путешествия по катакомбам не обнаружилось, Рин доверилась своей интуиции и вернулась в зал.

Пораздумав некоторое время, Рин открыла дверь того коридора, откуда дул ветер. Но стоило ей переступить порог, как каменный пол с глухим «ух-х» ушел у нее из-под ног. Рин успела изо всех сил вцепиться в дверную ручку и повисла на ней, ободрав руку об торчащий гвоздик. Внизу послышался плеск и гулкое бульканье утонувших камней.

– Твою мать! Твою мать! – зарычала девушка. От испуга сердце заколотилось о ребра и сбилось дыхание. Она выбралась из провала и, с неприязнью глядя во мрак, отступила назад. Заметив, что перчатка разодрана в хлам, а по правой ладони стекает кровь, она сняла рюкзак и перебрала свои склянки в поисках настойки для обработки ран. Еще не хватало получить заражение крови!

Рин покрутила головой по сторонам, ища что-то, что послужило бы ей посохом. Вокруг лежал лишь строительный мусор, но, покопавшись в нем, Рин обнаружила довольно тонкую длинную доску. Очистив ее ножом от слизи, она осмотрела свою импровизированную трость со всех сторон и снова направилась к выбранному коридору. Пол дальше не обваливался, но ей все равно было страшновато идти здесь. Рин чувствовала себя маленькой и совершенно беззащитной в этом месте. Низкие каменные своды давили на голову, замкнутое пространство с неизвестностью впереди снова вызвало клаустрофобию и тошноту.

– Ненавижу-у... – простонала она, и эхо ответило ей тоскливым «у-у».

Спустя час пути, войдя в большую галерею, где в стенах были ниши с лежащими в них трухлявыми гробами и просто скелетами в кучах щепы, она услышала что-то похожее на шум воды, шедший откуда-то с потолка. Рин подумала, что, наверное, прошла Арну, и немного расслабилась – значит, до выхода уже недалеко. Если, конечно, карта в очередной раз не врет и ее не ждет впереди неприятный сюрприз. Интересно, какой же умник составлял эту проклятую карту?

Скелеты никогда не пугали девушку, но сейчас, в этой гнетущей обстановке страх пробрал ее до самых костей. Галерея мертвецов все не кончалась, тут и там на полу валялась рухлядь: ржавые мечи, битая посуда, доски, куски камня.

– Какое милое архитектурное решение, – передернулась Рин, глядя на большую тройную арку, буквально облепленную человеческими черепами.

Вдруг она услышала отчетливый стук шагов множества людей. Они шли стройным маршем, каждый шаг отдавался в зале глухо, но отчетливо. Через некоторое время звук стал громче, и Рин поняла, что прямо сейчас над ней марширует патруль личной гвардии императора. Вот только этого ей не хватало для полного комплекта неприятных ощущений! Приступ клаустрофобии захватил ее мгновенно: в ушах засвистело, рот наполнился слюной, глаза сами собой закрылись. Она стекла по стеночке на пол и сжалась в комок. Зажала уши ладонями, крепче зажмурилась и, подтянув колени к груди, закачалась взад-вперед, тяжело дыша. Жуткие звуки, спровоцировавшие приступ, уже стихли, но она так и не смогла заставить себя подняться: силы закончились в момент. Часовая стрелка дернулась и застыла на пяти утра, а изнуренная, замученная и перепуганная Рин сидела на куче мусора и дремала болезненным сном, граничащим с обмороком.

Проснулась она от страшного воя, и какая-то неведомая сила сгребла ее за шкуру, заставив немедленно встать на ноги. Сон как рукой сняло, зато страх вернулся с новой силой. Нечто опасное, жуткое, смертоносное приближалось к ней с огромной скоростью. Рин уже слышала мокрое чавканье четырех лап по земле, и от страха ее затрясло. Девушка бросила рюкзак, отодвинула лампу подальше, достала револьвер и направила его в темноту, готовясь выстрелить сразу же, как только это появится.

Подкатывался новый приступ паники: дыхание стало прерывистым, холодный пот побежал струйкой по позвоночнику, и Рин пришлось несколько раз глубоко вздохнуть, чтобы совладать с собой. Вроде отпустило...

Нечто в темноте взвыло, и в этом вое отразились могильное одиночество, лютая злоба и беспредельная жажда крови. Страшно скрипнули когти по каменной кладке, и в ровном желтом свете лампы из темноты показалась уродливая морда чудовища.

Кошмарная помесь волка и кабана. Маленькие уши, плотно прижатые к голове, чуть заметно шевелились, а большие белые глаза подслеповато щурились. Тварь шевелила мясистым широким рылом, раздувая ноздри-дырки. Вся морда монстра была покрыта шелудивой кожей серого цвета. Из пасти выглядывали огромные клыки, похожие скорее на кабаньи, чем на волчьи.

Рин прицелилась и выстрелила точно в лоб. Пуля срикошетила ото лба твари и ушла в стену, выбив кусок камня. Чудовище помотало башкой и свирепо зарычало. Взгляд белых

глаз остановился на маленькой фигурке девушки, и хищно клацнули страшные черные клыки. Рин выстрелила еще раз в шею. Пуля увязла в плоти, на землю полилась густая черная кровь.

– Твою мать! – заорала Рин, снова выстрелила, но промахнулась. Тварь страшно зарычала и прыгнула на нее, расставив ужасные когтистые лапы. Рин метнулась в сторону и кувыркнулась через руку. Доля секунды – и в шею чудовища вонзились сразу два отравленных дротика. Монстр взревел и стал царапать лапами шею, пытаясь вытащить ядовитое оружие. Рин воспользовалась этим и выстрелила снова, на сей раз в глаз, но промазала: пуля попала в нос. Животное злобно зарычало, с силой оттолкнулось лапами от земли и полетело на нее. Девушка снова прыгнула в сторону, уворачиваясь от смертельно опасных когтей. Еще три дротика вонзились в шею, под ухо. Тварь рухнула на землю, из страшной пасти пошла серая пена. Чудовище поползло к ней, худое тело с большим горбом на спине конвульсивно дергалось, длинные не то лапы, не то руки с пятью пальцами, заканчивавшимися длинными острыми когтями, тянулись к ней.

Рин схватила брошенную лампу, резко повернулась и бросилась бежать прочь. Ее всю лихорадило от пережитого ужаса, она из последних сил давила рвущиеся из горла всхлипы.

Тварь мстительно взвыла, и этот страшный звук, полный жажды крови, эхом отдавался в ее ушах. «Я найду тебя и сожру!» – обещал этот вой.

Вскоре галерея сменилась туннелем с земляными стенами. От любого резкого звука потолок мог обрушиться, глиняное крошево сыпалось даже от звука ее шагов, поэтому она старалась бежать на носочках. Длинный узкий коридор закончился внезапно: Рин резко затормозила, чтобы не улететь в глубокий колодец. Посветив лампой, она разглядела на противоположной колодезной стене железную лестницу, уходящую вверх, бревно без цепи и небо. Из шахты колодца дул сильный ветер, и крупные снежинки летели вниз, кружась и танцуя.

Рин разбежалась и прыгнула. Со всего маху она врезалась в железную лестницу, и воздух из легких будто выбило. Отдышавшись, девушка поползла вверх. Очувтившись на свободе, она свалилась в сугроб, полной грудью вдохнула холодный воздух и закашлялась. Мрак колодца казался страшным, опасным, и Рин поспешила отползти в сторону.

– Рошейл, сука, сам поползай по своим катакомбам! – истерически завопила она, вскакивая на ноги. – Ваша светлость, вашу мать, вы давно проверяли достоверность сведений?! Недоумки безалаберные! Как вы меня бесите!

Слезы злости наворачивались на глаза, и Рин несколько раз пнула ближайшее дерево, чтобы выпустить пар. А затем осмотрелась вокруг. Город остался далеко позади, перед ней белой лентой раскинулась занесенная снегом дорога. Утирая слезы, она направилась к ней и, бросив полный ненависти взгляд на колодец, оставшийся за ее спиной, побрела вперед, утопая в рыхлом снегу по щиколотку.

Все, о чем она сейчас могла думать, – это как ее подставили. Этот Грей, кто бы он ни был, дал ложную карту, и из-за этого она едва не погибла. Паршивая овца в стаде! То, о чем она предупреждала Рошейла. Но самое страшное, что теперь этот гаденыш направляется в ее регион, на ее место...

Может ли быть так, что Грей завоевал доверие Рошейла и тот принял его работу? Но как же тогда быть со словами полковника о том, что герцог настаивал именно на Рин? Может быть, не к Рошейлу, а к его светлости предатель втерся в доверие? Чем еще объяснить то, что командование велело ей сократить дорогу через опасные горы Горящих сосен и Красный лес, ползти по всем этим катакомбам? Тем, что так приказал герцог, сбитый с толку предателем!

Тогда все сходится. Грей не мог знать о Рин, слишком высок уровень ее секретности. Едва ли он предполагал, что именно она заменит его. Скорее всего, он просто хотел вывести из строя особого курьера и на время обездвижить информационную сеть. Любой другой агент погиб бы еще в горах, но герцог знал человека, который справится с таким сложным заданием.

Герцог настаивал на Рин потому, что никто, кроме нее, не смог бы пройти по такому маршруту. Предатель просчитался, когда попробовал сыграть в игру с сильными мира сего и не собрал всю информацию об агентах.

От досады и злости Рин зарычала. Герцог должен немедленно узнать об этом, пока еще не слишком поздно, пока можно перехватить предателя!

Рин увидела недалеко полянку с утоптаным снегом и захотела остановиться на минутку, чтобы хоть чуть-чуть отдохнуть после всего, что случилось. Она сломала несколько еловых ветвей и положила на снег, чтобы не сидеть на холодном. Достала из рюкзака платочек с завернутыми в него сыром и хлебом и мех с водой.

Но едва она вонзила зубы в кусок сыра, по ее спине пробежал холодок и интуиция завопила об опасности. От ледящей волны тревоги Рин выронила еду и прислушалась: тишина была ей ответом.

Девушка собрала бутерброды в рюкзак, села ровно и погрузилась в транс. Рин воспарила над дорогой, над лесом, поднимаясь все выше и выше, до тех пор пока не увидела, что в том месте, где она вышла из катакомб, шел патруль. И с ними та тварь, с которой она дралась в подземельях. Раненый монстр слепо шурился и вел носом по земле, отыскивая Рин по запаху. Гвардейцы бесстрашно маршировали рядом с ним, никто не обращал внимания на странную тварь. Словно они были заодно... Внезапно тварь рванулась к тому колодцу, из которого вышла Рин, и взвыла. Страшные клыки вцепились в каменный бортик, и мощные челюсти раскрыли его в пыль. Поведя носом в сторону, замер, словно охотничья собака, заслышавшая дичь, а затем рванул к дороге. Зверь припал на переднюю лапу, но двигался все равно быстро.

Рин вышла из трансa, подхватила рюкзак, кое-как замела свои следы и бросилась прочь.

Снег прекратился так же внезапно, как и начался. За какие-то минуты небо очистилось, выглянуло солнце. Прояснение погоды никак не радовало Рин: она изо всех сил бежала прочь, надеясь оторваться от преследовавшей ее жуткой твари, но уже слышала недалеко шорох лап по снегу, тяжелое дыхание и хриплый рык. Рин на бегу сняла рюкзак и стала вспоминать, сколько ядовитых дротиков у нее осталось. Хватит ли этого, чтобы убить монстра? Вряд ли... Она остановилась на небольшом пригорке, сняла полушубок и бросила его в сторону вместе с рюкзаком, развернулась и посмотрела на приближающуюся тварь. Полуволок-полукабан бежал на нее, лязгая черными зубами. Из разинутой пасти текла серая, почти черная слюна, белые глаза бешено смотрели на добычу.

Рин выхватила из ножен Соколиную песню. Встала расслабленно, опустила плечи, чуть согнула ноги в коленях. Существо неслось на нее, словно катящийся с горы камень. Оно прыгнуло, клацнули длинные клыки... Рин бросилась под него, рассекая клинком облезлое, остро воняющее гнилью брюхо, и оказалась позади. Тварь отчаянно взвыла и мгновенно развернулась к ней. Рин рубанула по морде, но зверь успел вцепиться зубами в клинок. Девушка изо всех сил пнула его в рыло сапогом, вырвала оружие и рубанула по шее. Свистнула Соколиная песня, рванулась из перерубленных артерий черная, вязкая, словно нефть, кровь. Рин еще раз замахнулась и нанесла последний удар. Страшная, изувеченная и окровавленная голова упала девушке под ноги, конвульсивно клацнули мощные челюсти рядом с сапогами. Тело пошатнулось и рухнуло, очерняя девственно-белый снег мертвой кровью.

Рин втянула воздух сквозь зубы, вставила клинок обратно в ножны и подобрала свои пожитки. Гвардейцы приближались, отдохнуть было некогда. Увязая в рыхлом снегу, она снова побежала вперед.

Погоня продолжалась уже больше трех часов, а оторваться от преследователей Рин никак не могла. Все время чуткие уши слышали топот перешедших на бег гвардейцев императора. Чем дальше она продвигалась, тем глубже становился снег, и тем больше сил приходилось

тратить. Она начала думать о том, чтобы свернуть в лес, который возвышался на пригорке над дорогой.

Ее сердце, казалось, скоро выскочит изо рта, кровь прилила к лицу, и перед глазами замелькали мушки. Рин знала, что долго такого бешеного темпа не выдержит, но и остановиться не могла. Если она и дальше будет так плестись, то ее догонят и схватят, и в этом случае участь ее будет хуже смерти. Гвардейцы не знают пощады и жалости. Тем более к ней.

Вдруг дорога круто завернула влево, и Рин обнаружила подарок небес – множество поваленных деревьев, которые полностью преграждали путь. Слева меж деревьев открывался просвет, и девушка, не раздумывая, покарabalась по занесенным снегом стволам наверх, к лесу.

Она поднялась на пригорок, проваливаясь почти по колено в мокрый, обледеневший снег, и с минуту стояла, не в силах даже вздохнуть полной грудью. Свет полуденного солнца, отраженный от белой глади, ослепил ее на мгновение, да так, что глаза заслезились. Когда Рин проморгалась, то увидела, что перед ней расстилалась снежная равнина, очерченная полосами высоких, но голых березок. Рин захотелось упасть на колени и расплакаться. Она-то думала, что сейчас сможет скрыть следы в лесу, а вышла на пашни! Голая равнина, на которой негде спрятаться, для того, кто отрывается от погони, – верная смерть. Рин без сил рухнула коленями в сугроб и больно ударилась о ледяную кромку обломленного наста. Вполголоса простонав ругательство, пару минут она растирала ушибленные коленки окоченевшими руками и старалась отдышаться. А потом замерла, осененная внезапной догадкой.

– Только бы получилось... – простонала она и выругалась: – Ваша светлость, чтоб вас! Я делаю все это исключительно из любви к искусству! Ну и задам я вам, когда доберусь...

Рин поднялась с колен, пошатываясь, и встала сначала одной ногой, а потом и обеими на сугроб. Ледяная корка наста выдержала и, похоже, не собиралась проваливаться. Сердце захолонуло: есть ли надежда на спасение?

Рин заскользила, будто на коньках, не решаясь перейти на бег. Да и сил на это после долгой гонки у нее просто не было. Но теперь все должно быть хорошо... Скоро она доберется до герцога и выскажет все, что думает о предателях. Девушка понимала, что отошла от плана, данного ей его светлостью, сошла с дороги, которая должна была привести ее прямо к Лонгвилу, но она знала, в какую сторону идти к городу, поэтому не опасалась заблудиться.

В этом городе гвардейцы ее точно не найдут, она сможет спрятаться и отдохнуть, перед тем как прийти в поместье Римера. Судя по тому, что герцог ничего не сказал о постах гвардейцев в Лонгвиле, их там попросту не было. Возможно, маленькому городку хватало обычной стражи и окружной стены? А если это очередная ловушка? Нет, даже думать не хочется о том, что его светлость – предатель. Да быть того не может! Это уже просто паранойя.

Рин подумала о лежащем в ее нагрудном кармане письме от Карен и о скорой встрече с Арманом. Когда она увидится со старым другом, ее проблемы разрешатся. Ну, по крайней мере некоторые.

Ей везло. Наст под ногами проломился всего два раза, прочная ледяная корка выдерживала ее бараний вес, а преследователей не было ни видно, ни слышно. Рин старалась держаться параллельно дороге, но все же на некотором отдалении от нее, и от того места с поваленными деревьями ушла уже очень далеко. Гвардейцы в своей броне наверняка отправились искать обходной путь, так что она опережала их на несколько часов.

«Мне нужно отдохнуть. Я не могу больше бежать», – подумала она, останавливаясь около маленькой группы сосен и без сил валясь на снег. Жутко хотелось прикрыть глаза, но девушка знала, что делать этого нельзя. Замерзнуть до смерти ничуть не хотелось. Дыхание ее постепенно выравнивалось, но ноги и руки начал пробирать холод. Меховой полушубок и теплые шерстяные кофты хорошо держали тепло, но кожаные штаны промокли насквозь

и начали превращаться в кусок льда. Рин усилием воли заставила себя подняться на четвереньки. Затем, раскачиваясь, стала вставать. Получилось это не сразу: ноги гудели, подкашивались и отказывались служить своей хозяйке. Сколько же она пробежала? Небо на западе порозовело, а солнце спряталось за сероватыми тучками, на востоке проступил бледный полумесяц. Часы на руке показывали четыре, значит, до наступления темноты осталось не более часа. Она бежит уже весь день... Звезды, как же долго! Скорее бы добраться до города!

– Вставай, балда, – сказала она сама себе. – У тебя нет времени расслаживаться.

Пошатываясь, Рин встала и некоторое время стояла, держась за сосну. Поначалу ноги тряслись и норовили подломиться, но потом привыкли. Девушка сделала несколько шагов на месте и подумала, что все не так плохо, как ей казалось. Оторвавшись от сосны, она снова заскользила дальше.

Солнце уже опустилось и стало темно, когда Рин наконец-то увидела огни города Лонгвил. Когда она подошла ближе, то услышала издали музыку, гомон толпы и решила, что в городе происходит какое-то празднество. В морозном воздухе отчетливо был слышен аромат свежей выпечки. Едва ее нос учуял вкусный запах, как живот мгновенно заурчал, а отбитые коленки заныли. Все тело резко дало понять, насколько оно устало и как оно уже ненавидит свою безобразную хозяйку. Стараясь не думать о тарелке горячей похлебки и куске мяса, девушка вынула из кармана письмо и прочла адрес:

«Лонгвил, Каштановая аллея, поместье Танварри.

Господину А. Римеру».

Спускаясь с крутого пригорка на дорогу, ведущую в сам город, Рин запнулась о ледышку и кубарем слетела вниз, искупавшись в мокром снегу по самые уши. Лонгвил начинался с крестьянских дворов с двухэтажными домишками, притулившимися под боком у трех- и четырехэтажных каменных зданий, расположенных стройными кольцами вокруг главной площади.

Никакой стражи у города и в помине не было, его даже не окружала стена, что было довольно странным явлением для севера страны. Натянув капюшон, Рин пошла вперед, к центральной площади, чтобы найти хоть одну таверну. Это, конечно, было не самым разумным действием с ее стороны – она выглядела так, что краше в гроб кладут, и привлекала лишнее внимание, – но продолжать путь никаких сил не осталось. К тому же неизвестно, как примет ее герцог, и она хотела еще раз обдумать то, что скажет ему.

Заведение под названием «Оленья рагу» она нашла у входа на площадь. Это было большое серокаменное здание с черепичной рыжей крышей. У входа стояло чучело большого оленя, а на стене висела вывеска с меню. Рин без размышлений зашла внутрь и огляделась. Просторный зал весь был отделан деревом цвета корицы. В левой его части был большой камин, а перед ним – четыре широких дивана, занятые торговцами в традиционных зеленых плащах. В правой части зала находились столики, почти все были заняты празднующими посетителями. Рин заозиралась в поисках свободного места, и к ней на выручку пришла официантка в белом передничке и шапочке с мягкими оленьими рожками. Девушка приветливо улыбнулась и звонким голосом произнесла:

– Добро пожаловать в «Оленья рагу»! Я могу вам чем-то помочь, госпожа?

– Д-да, хочу поужинать. Есть свободный стол?

Официантка кивнула и проводила ее в самый дальний и довольно темный угол зала. Рин осторожно села на деревянный стул, стараясь не морщиться и не стонать от боли и усталости, и, счастливо вздохнув, откинулась на спинку.

– Что желаете заказать, госпожа?

– Тарелку супа, все равно какого. Жареное мясо на ваш выбор, травяной чай с лимоном и что-то сладкое. Булки, варенье, торт... Мне все равно.

– Я вижу, вы замерзли... – сочувственно сказала девушка. – Я принесу вам ножку оленины на вертеле, рагу из оленины и на десерт горячий шоколад.

– Что такое горячий шоколад? – заинтересованно спросила Рин.

– Шоколад растапливают в молоке и варят. Получается горячий шоколад. Очень вкусно, советую. Вы сразу согреетесь.

– А можно тогда сначала шоколад? И чай тоже сразу. А еду после, пожалуйста.

– Как скажете, госпожа.

Рин все никак не могла успокоиться и прийти в себя. Ноги свело от усталости судорогой, колени нещадно саднили, и все тело чувствовало себя, как мячик, побывавший в зубах у очень игривой собаки. Вдобавок ко всему ныли и горели ступни. Она прикрыла глаза и обняла себя руками. Мыслей в голове не было, наступило какое-то странное оцепенение, и Рин не заметила, как уснула. Разбудила ее официантка, и она еще некоторое время не могла понять, что от нее хотят. Запах заваренных трав и вид дымящейся темно-коричневой субстанции в большой кружке привел ее в чувство. Поблагодарив девушку, Рин принялась за ужин. Горячий чай обжег и язык, и губы и горячей волной прокатился в желудок. По телу стало разливаться блаженное тепло, одеревеневшие мышцы стали расслабляться. Рин обняла теплую кружку с шоколадом дрожащими руками и черпнула ложечкой. Шоколад оказался густым, похожим на кисель и очень сладким.

Ушел голод, зато вернулись тревожные мысли. Что она скажет герцогу, когда придет? А вдруг путаница в карте и тварь в катакомбах – всего лишь печальное совпадение? Вдруг Грей Шинсворт вовсе не предатель, а просто бездельник, который не проверяет данные? Нет-нет, она все равно обязана сказать о произошедшем герцогу. Рин знала, как не любит Рошейл докладывать о неудачах, обо всем, что плохо пахнет, и совершенно не одобряла это. Она обязана дать высшему командованию правдивую информацию, даже если Рошейл за это отрежет ее маленькие сиреневые ушки. Она скажет, а дальше пусть сами разбираются.

Девушка вышла из таверны и отправилась на поиски теплой и сухой одежды; являться в таком виде к герцогу было неприемлемо: перчатка порвана, штаны и полушубок мокрые и грязные, вид, как у последней оборванки. К счастью, искать долго ей не пришлось, так как в праздник все лавочки были открыты и ломились от товаров. Стараясь не показывать торговцу лицо, Рин с несколькими одежками под мышкой направилась в примерочную. Из магазина она вышла уже в обновках. Черные шерстяные перчатки с начесом, удобные штаны из мягкой телячьей кожи с подкладкой из козьего пуха, кофта из шерсти горных коз и новый полушубок обошлись ей в семь тысяч ремов, но Рин даже не подумала торговаться с обалдевшим от огромной прибыли хозяином лавочки. Спросив у прохожего, в какой стороне находится Каштановая аллея, она направилась туда в поисках загадочного господина Римера.

Глава четвертая, в которой Рин знакомится с герцогом Римером и читает письмо

Поместье господина Римера находилось на возвышенности в западной части города и протянулось вдоль доброй половины Каштановой аллеи. Слева от дороги, ближе к городу, располагался парк, а справа – само поместье. Рин брела мимо высокой кованой ограды в поисках ворот, рассматривала издали главное здание с множеством пристроек и думала, что оно выглядит слишком роскошно для такого маленького города, как Лонгвил.

Перед парадным подъездом огромного здания из камня песочного цвета располагался круглый фонтан. Высокие колонны держали балкон, нависающий над широкой мраморной лестницей. Стены до второго этажа покрывала темная паутина виноградной лозы. Сады сейчас спали, черные деревья стояли в снежных саванах, но легко было представить, как прекрасно поместье весной и летом. Из дюжины ростовых арочных окон на первом этаже свет горел только в двух, ближайших к широким массивным дверям. Рин поднялась по парадной лестнице и постучала дверным молоточком. Дверь почти сразу же открыл пожилой дворецкий в строгом сером костюме. Рин представилась и назвала цель своего визита, дворецкий пригласил ее войти, принял полушубок и перчатки. Рин прошла в холл и осмотрелась. Зал выглядел роскошно: высокие стены от середины до потолка были обиты красивым светлым материалом с узором в виде лилий, снизу – деревянными панелями, выкрашенными под слоновью кость. Мраморные полы отполированы до блеска. По обеим сторонам зала располагались полукруглые каскадные лестницы из бледно-розового мрамора с резными балюстрадами. Дворецкий провел Рин в глубину холла, где перед большим камином стояли длинный широкий диван с нежно-голубой бархатной обивкой и белыми подлокотниками, два таких же кресла, низкий белый газетный столик с резными ножками и несколько длинных книжных шкафов.

– Присаживайтесь, пожалуйста. Я доложу его светлости о вашем прибытии, – сообщил дворецкий. – Желаете чаю?

– Нет, благодарю. Возможно, позднее.

Рин сидела в кресле ни жива ни мертва и чувствовала, что если сию секунду не встанет, то просто отключится здесь же. Поэтому она поднялась и стала рассматривать корешки книг на полках. Наверху послышался хлопок двери и поспешные шаги дворецкого.

– Его светлость ожидает вас, я провожу.

Поднимаясь по лестнице, Рин на пару секунд блаженно зажмурилась, представляя себе горячую ванну с ароматными травами, которую она во что бы то ни стало требует с господина Римера. После всего, что она пережила ради этого письма, она заслужила хотя бы такую малость – и точка!

Тем временем они дошли до кабинета герцога, и дворецкий пригласил ее:

– Прошу вас, госпожа, проходите.

Рин прошла в открытую дверь, держа письмо наготове. Около большого камина, спиной к ней стоял молодой человек с книгой в руках. Рост герцога произвел на Рин неизгладимое впечатление.

«Вот это да!.. Да в нем же не меньше четырех с половиной локтей! Хотя нет. Поменьше, конечно...»

– Добрый вечер, ваша светлость! – поздоровалась Рин. Герцог обернулся, и, кажется, ее сердце пропустило удар.

На вкус Рин, он был божественно красив. Каждая линия его лица была резкой, тонкой и идеальной. Открытый, не слишком высокий лоб. Тонкая переносица, на небольшом расстоянии от которой разлетались крылья тонких темных бровей. Словно вылепленные из алебаstra

искусным скульптором и тщательно отточенные линии скул и подбородка, даже не тронутого щетиной, образовывали плавные черты. Его волосы навевали воспоминания о лунном свете и белом вине. Лишь взволнованный румянец на фарфоровой коже отличал его от куклы. Когда Рин взглянула в его глаза, ей показалось, что она летит. Рин могла бы сравнить их с пронзительной голубизной неба или с синевой океана. Большие, обрамленные темными длинными ресницами, они сияли, будто топазы. Они были такие добрые, такие живые, такие прекрасные... И он смотрел на нее своими невероятными глазами так, будто увидел кого-то бесконечно любимого, очень дорогого, долгожданного...

Они стояли и молча смотрели друг на друга, а затем словно очнулись.

– Добрый вечер, – поприветствовал ее герцог низким приятным голосом. – Я... очень рад, леди Рин.

Он подошел, поклонился и поцеловал ее руку. Девушка, совершенно не привыкшая к подобному обращению, покраснела до корней волос и жутко смутилась.

«О-о! Я же выгляжу, как живой труп! Надо было хоть одеться в приличное платье, – подумала она и разозлилась сама на себя. – Да откуда эти мысли, задери меня дракон?»

– Я слышан о вас от своих коллег, но до сих пор не имел чести встретиться. Как приятно наконец-то познакомиться с вами! – продолжал его светлость, приветливо улыбаясь нежно-розовыми, четко очерченными губами. – Меня зовут Анхельм Вольф Танварри Ример. Я герцог Танварри.

Рин наконец отмерла, вспомнила о хороших манерах и сказала с мягкой улыбкой:

– Мне тоже очень приятно познакомиться с вами, ваша светлость.

– О, прошу вас, без церемоний. Называйте меня по имени, – улыбнулся он ровной белозубой улыбкой и прошептал: – Вы принесли его?

Рин замешкалась, не вполне понимая, о чем речь, а потом вспомнила, что должна отдать ему письмо.

– Да! Вот, прошу! – Рин достала из кармана письмо, но Анхельм покачал головой и сказал:

– Нет, спрячьте. С письмом мы разберемся завтра.

– Заберите письмо!

– Нет, пусть останется у вас. Я вам доверяю. Предлагаю выпить горячего вина и поужинать! Вы, должно быть, устали с дороги.

– Благодарю, но я не пью вино. Если можно, просто чай. И... я уже успела поужинать в местном трактире, – она немного виновато улыбнулась ему, пряча взгляд.

Ей хотелось еще раз увидеть его глаза, но пережитое ощущение так смутило ее, что Рин не решалась поднять голову. В этой элегантной обстановке она чувствовала себя очень неуютно и потому говорила неуверенно.

– О, может быть, желаете к чаю сладостей? Моя кухарка испекла чудные ватрушки.

При слове «ватрушки» взгляд Рин тут же обратился к герцогу.

– По вашим глазам вижу, что да, – рассмеялся он.

– С удовольствием, – честно ответила она, признаваясь себе, что держать постную мину не было ни сил, ни желания, ни необходимости. – Я бы хотела немного прийти в себя, путь сюда был не из легких. Я с рассвета в пути, за мной была погоня...

Анхельм взволнованно ахнул, порывисто шагнул к ней и подхватил под руки:

– О боги! Вы в порядке? Как же так случилось?

Девушка отстранилась, отвела взгляд в сторону и тихо пояснила:

– Все нормально, не стоит так волноваться. Мне удалось оторваться. Просто бежать по холоду весь день тяжело даже для аирга. Все нормально, – чуть улыбнулась она. Чтобы подтвердить свои слова, Рин набралась решимости и посмотрела на него.

Во взгляде герцога смешались беспокойство, удивление и такая безграничная нежность... И еще один удар сердца мимо. Да что ж это такое?!

– Я надеялся, что все обойдется без происшествий и вы сможете добраться благополучно, так долго выверял план вашего пути через Девори... Я ужасно виноват перед вами! – уголки его рта печально опустились, а на лице отразилось искреннее сожаление. Впрочем, через мгновение оно сменилось уверенной улыбкой. – Но теперь вы здесь. Клянусь честью, я защищу вас от любых угроз.

Мысли Рин спутались, как клубок ниток. Она недоуменно посмотрела на Анхельма, не понимая даже, что он хочет этим сказать. Это так принято у аристократии? Такой оборот речи? Герцог слишком странно себя вел.

– Я буду счастлив, – продолжал он, нежно сжимая ее ладонь, – если вы соблаговолите остаться.

Рин нахмурилась: что-то явно шло не по плану. Смутное чувство тревоги всплеснулось где-то в глубине души. Ей? Остаться? За ней же погоня!

– Это небезопасно, – покачала она головой. – Я лучше пойду в лес.

Анхельм смущенно улыбнулся и торопливо заговорил:

– Я понимаю, предлагать леди остаться в одном доме с мужчиной неприлично, но... Здесь вы в полной безопасности. Позвольте мне! Позвольте позаботиться о вас!

Видимо, Рин слишком долго соображала, потому что он переспросил:

– Вы позволите мне позаботиться о вас? Вы сможете отогреться, принять ванну, выспаться на мягких постелях...

Рин помнила, что собиралась требовать с герцога горячую ванну, но когда он сам предложил такой роскошный подарок, то решимость ее немного поутихла, мысли смешались.

– Ванна – это хорошо, – медленно проговорила она, снова силой удерживая сознание, которое стало ей отказывать. – Но остаться... За мной погоня, ваша светлость. Меня ищут.

– Никто не станет искать вас здесь, леди Рин. Оставайтесь.

Его низкий и плавный голос был подобен горячему шоколаду. Сопротивляться было уже невозможно.

– Я с благодарностью принимаю вашу помощь, – пролепетала она, вспоминая, что положено говорить по этикету.

Анхельм кивнул, с явной неохотой отпустил ее ладошку и, поправляя манжеты рубашки, вышел из кабинета. А Рин уставилась на свою руку, как будто та должна была ей объяснить, что только что произошло.

Да, прав был Рошейл: этот молодой господин производит неизгладимое впечатление. Несмотря на ее сомнительное происхождение, невзирая на то, что видит ее первый раз в жизни, обращается с ней, простым гонцом, солдатом, как с леди. Это... пугает! И подкупает... Странность на странности сидит и ею же погоняет, подумала девушка.

Рин услышала, как герцог зовет дворецкого, распоряжается подать еду, напитки и «приготовить для гостя самую лучшую комнату, горячую ванну и удобную одежду», и поняла, что влипла. Мало того, что ей разрешили остаться – ей предоставят комнату и возможность отмыться после этих треклятых подземелий! Все это выглядело так, словно удача вновь взяла ее за руку. Рин прошла к камину и почти упала в кресло, устало глядя на огонь. Силы покидали ее, в голову не шли никакие мысли, осталось лишь оцепенение и смертельная усталость. Она даже забыла, что хотела поговорить с его светлостью о серьезных вещах. От хлопка двери Рин вздрогнула, очнувшись. Герцог сел в соседнее кресло и вздохнул, робко глядя на нее из-под длинных ресниц. Под взглядом пронзительно-синих глаз она чувствовала себя неудобно.

– Что-то не так? – спросила Рин и удивилась, как охрипла. Не заболеть бы после таких приключений... Анхельм только покачал головой, продолжая смотреть на нее. В его глазах отчетливо был виден тихий восторг, и это настораживало.

– Просто вы так смотрите...

– Простите, если я смутил вас! Я только хотел полюбоваться, – почти прошептал он с мягкой улыбкой.

Девушка смущенно уставилась на огонь, радуясь, что румянец на ее сиреневой коже незаметен в таком освещении. Простые слова, сказанные так искренне, были ей очень приятны. Однако... ей показалось, или герцог был заинтересован чуть больше, чем позволял этикет? Помнится, Рошейл предупреждал о чем-то таком.

– Что это? Вы ранены? – обеспокоенно спросил он, прервав ее размышления. Рин проследила за его взглядом: рана на руке снова открылась и чуть кровоточила. Она скрипнула зубами и наклонилась к рюкзаку, чтобы достать аптечку и перебинтовать руку.

– Это я случайно, – забормотала она, перерывая рюкзак. – Пол в катакомбах... Он рухнул вниз, я успела повиснуть на двери, а там гвозди... Оцарапалась.

Она наконец нашла бинты и склянку с обеззараживающей настойкой и попыталась перевязать себя.

– Ну-ка, дайте мне, – потребовал Анхельм непререкаемым тоном, и Рин подчинилась.

Герцог бережно протер ранки куском бинта и затем аккуратно перебинтовал. Девушка чуть потянула руку на себя, но он не спешил ее отпускать.

– Вы знаете... – тихо сказал Анхельм, задумчиво расправляя бантик на бинтах, – о том, что происходит в мире, я узнаю только из отчетов подчиненных и газет. Я понимаю, они не всегда говорят правду, а мне хотелось бы ее знать. Последнее время я много думал о том, что не делаю ничего существенного, чтобы изменить ситуацию. Да, я постоянно что-то планирую, предпринимаю, но это не приносит желаемого результата. Все мои действия несущественны. И свидетельство тому то, что вы едва не пострадали. Возможно, мое управление перестало быть эффективным потому, что я не знаю, что происходит в реальности, а не на бумагах? – спросил он, не глядя на нее.

– Ваша светлость...

– Анхельм, – мягко поправил он, наконец отпуская ее руку.

– А? Да. То есть... Анхельм, я не могу ответить на этот вопрос. В этой местности я не работала раньше так плотно, как в Кимри. Я не совсем в курсе, как обстоят здесь дела, и со многим мне пришлось знакомиться, так сказать, в пути. Когда я несла письмо, столкнулась с некоторыми очень неприятными вещами, и у меня есть все основания полагать, что... Ох, это прозвучит странно! Есть кое-что, что вы вряд ли прочтаете в любом из отчетов.

– Вы уверены? Я не люблю, когда от меня пытаются что-либо удержать в секрете мои подчиненные, – ответил Анхельм, и его тон был весьма прохладным. – Я предпочитаю быть в курсе дела, даже если приходится сталкиваться с чем-то неприятным.

Рин тяжело вздохнула и помолчала, обдумывая ответ.

– Поймите меня правильно. Я лично заинтересована в успехе дела. Я расскажу, как добралась сюда из Девори и о том, с чем столкнулась в пути.

– Я весь внимание, – сказал Анхельм.

В этот момент в комнату вошла служанка и подала чай, медовые пряники и ватрушки. Рин взяла в руки дымящуюся чашку и ватрушку и начала рассказывать.

– От Рей Гонт я вышла в полночь. По вашим указаниям я воспользовалась колодцем и старыми храмовыми катакомбами, но вот загадка: замок на входе в них ни разу не открывался, он насквозь проржавел, и мне пришлось вышибить дверь. Отсюда первый вопрос: каким образом тогда составили карту? И сразу же второй вопрос: как составили карту, если она неверна? Только мой опыт блуждания по таким местам помог мне выбраться оттуда и не погибнуть в лабиринте. Третий вопрос: хоть кто-то до меня ходил по этим катакомбам раньше? Потому что ближе к утру я столкнулась с совершенно изумительной тварью. У него страшные черные когти, облезлая серая шкура. Похож на помесь кабана с волком. Его кровь черная,

вязкая и воняет. Названия этому монстру я не знаю, убить его в катакомбах у меня не получилось, смогла только ранить. Я истратила почти все свои отравленные дротики, но он не сдох, лишь ослаб. У айргов одни из сильнейших ядов в мире, а оружие я заправляю самым сильным из существующих – Болью невесты. Он парализует мышцы, не позволяет двигаться. Не думаю, что я ошиблась в процессе его приготовления. Так или иначе, тварь не сдохла, но мне удалось убежать от нее. Вы знаете, что представляет собой выход из катакомб? – спросила она, и герцог отрицательно покачал головой.

– Это колодец, не имеющий видимого дна, с одной железной лестницей на той стене, с которой в туннель можно только прыгать. Нет, выбраться возможно при определенной физической подготовке. Но сложно и опасно. И из этого я делаю вывод, что карту катакомб рисовали наобум, по чьим-то неточным рассказам.

Когда я вышла из подземелий, то некоторое время шла спокойно, а потом интуиция буквально завопила о страшной опасности. Я вошла в транс и увидела, что за мной хвост из отряда гвардейцев с этой зверюгой. Я опережала их достаточно сильно и при ровной дороге без труда сбросила бы погоню, но все занесло снегом, и эта тварь догнала меня. Мой нечеловеческий слух помог подготовиться к нападению задолго до того, как тварь добралась до меня, только это помогло мне выжить. Если бы на моем месте оказался человек, он бы был убит. Тварь подохла, когда я отсекала ей голову. И еще: она вела себя так, словно превосходно знакома и с местностью, и с объектами своей охоты. Она не трогала никого из патруля, и мне не показалось, что ее кто-то принуждал искать меня.

На этом проблемы не кончились: за мной бежали гвардейцы, а снег был слишком высокий и рыхлый, чтобы идти дальше по дороге. Я свернула с дороги и вышла на равнину, на пашни. Мне просто повезло, что наст был настолько прочный, что я смогла скользить по нему, как по катку. Поэтому я оторвалась от погони. В Лонгвил я вошла, когда солнце только село. И, возвращаясь к вашему вопросу, скажу еще вот что. Такие приключения, будь они неладны, я переживаю до смешного часто. Засады, имперская стража, дикие звери, волшебные твари с недобрыми намерениями, многочасовые погони, опасные сражения. Это лишь малый список моих несчастий. Ответьте вы мне на вопрос, на который не смогли дать ответа ни Рошейл, ни его светлость Томас Кимри. Я хотела бы знать, где моим приключениям настанет конец-край?

Рин выжидающе посмотрела на герцога.

– Удивительно. Вы удивительная, – сказал тот, подумав немного, и, печально вздохнув, заключил: – В отчетах не было ничего подобного, и это повод потолковать с Рошейлом.

– Рошейл в этом совсем не виноват, – покачала она головой, серьезно глядя на герцога, и продолжила: – Понимаю, мои предположения звучат дико и нелогично, но... Я привыкла доверять своей интуиции, она меня еще ни разу не подводила. Кто-то очень не хотел, чтобы я сюда попала. Подозреваю, что меня пытались подставить. Анхельм, скажите, кто составлял карты и разрабатывал мой маршрут?

– От Сорин-Касто до Эрисдрей – Рошейл, полагаю. От Эрисдрей до Девори – Грей Шинсворт. Я понял, к чему вы клоните...

– Проблемы начались с того момента, как я вышла из Эрисдрей, – перебила она. – В горах была лавина. В Красном лесу я встретилась с одним из его обитателей, и, вероятно, только божественное провидение спасло меня. Потом эти катакомбы... Ой... – она замолчала, потому что в глазах на мгновение помутилось. Комната поплыла перед глазами, камин как будто поехал вправо и посыпался вниз. Пока Рин боролась с этим наваждением, Анхельм откинулся в кресле, положил ногу на ногу и, глядя на языки пламени в камине, сказал:

– Я понял, что вы имеете в виду. Но это невозможно. Это не укладывается в голове.

Камин наконец встал на место, и она проморгалась.

– Не считайте невозможным то, что не укладывается у вас в голове, – тихо бросила Рин и тут же мысленно взвыла от того, какую дерзость она лягнула. – То есть... Я хотела сказать другое. Почему вы считаете невозможным предательство Грея?

Анхельм закашлялся, но ей показалось, что так герцог пытался скрыть смех.

– Прошу простить, я немного простужен, – объяснил он, виновато улыбаясь. – Я начну издали, чтобы восстановить полную картину событий, в том числе и для себя. Утром пятнадцатого ноября я получил газету, в которой была статья о том, что пятого ноября неизвестные пробрались во дворец в Сорин-Касто и вывесили на колокольне красный флаг, который через полдня стал белым. Я знал, это был условленный знак от Карен, что скоро она отправит письмо. Вечером того же дня ко мне приехал Грей Шинсворт с известием, что его переводят работать в Кимри. Глава службы охраны императора, Гюнтер Кревилль... Знаете такого?

Рин кивнула, подумав, что подробности совершенно ни к чему.

– Он распорядился перевести Грея из отделения в Кандарине в отделение в Кимри. Следить с этим я ничего не смог, так же как не смог и выяснить причины перевода.

Грей немедленно передал мне все свои наработки и в качестве последней услуги предоставил маршрут для того агента, который понесет сведения из Сорин-Касто. Он сказал, что нашел самый короткий, но очень опасный путь. Так как сведения мне нужны были срочно, я не стал предлагать направить агента круглым путем через север страны. Но я не знал ни одного человека, способного одолеть такой сложный маршрут в столь краткие сроки.

– И он предложил меня? – предположила Рин.

– Почти. Он сказал, что у Томаса Кимри под рукой есть один человек, способный преодолеть такой путь без особых затруднений. Я спросил имя этого агента, но он ответил лишь, что знает о существовании такого человека, но не знает его имени. Я тоже такого человека не знал, поэтому обратился за помощью к тому, кто знает всю информацию об агентах, – к тайному советнику. Он предложил вашу кандидатуру.

Анхельм замолчал и посмотрел на нее с некоторой осторожной нежностью.

– И что было дальше? – нетерпеливо спросила Рин.

– Меня такой... обмен... вполне устраивал. Времени у нас было мало, поэтому у меня даже мысли не мелькнуло проверить данные. Мы вместе съездили к Рей Гонт, оставили ей письмо для вас, и Грей уехал в Эрисдрей, чтобы передать мои указания для Рошейла. Теперь, после вашего рассказа, я, признаться, озадачен.

– Я не берусь утверждать точно, – заметила девушка, вытягивая ноги к камину и вздыхая. – Факт в том, что Грей Шинсворт дал неверную карту катакомб, из-за чего я могла погибнуть, понимаете?

– Разумеется.

– С ним нужно разобраться как можно скорее. Если он предатель, то его следует немедленно... устранить. Если же он безответственный лопух, который не понимает, как много зависит от рекогносцировки, я с ним церемониться не буду.

– Согласен. Но не волнуйтесь, теперь это не ваша забота.

– Посмотрим, – качнула она головой и решила подытожить. – Так или иначе, письмо я доставила, полковник Рошейл сказал, что мне нужно дождаться Армана, и вы дадите мне следующие указания.

Герцог выглядел озадаченно.

– Так и сказал?

Рин кивнула и нахмурилась.

– Вы не знаете? Разве Рошейл не говорил с вами?

– Никто не говорил мне ничего о том, что я должен дать вам указания. – Он на мгновение задумался. – Хотя, если подумать, то я знаю человека, который располагает информацией. Не волнуйтесь, завтра мы решим этот вопрос.

Он встал с кресла, подошел к окну и прислонился к стеклу. Длинные тени ползли по комнате, блики от огня играли на его волосах. Анхельм явно хотел ей что-то сказать, но не решался.

– Есть ли еще что-то, о чем я могу вам рассказать? – робко спросила Рин, стараясь не слишком открыто пялиться на его совершенный профиль. Он кого-то ей напоминал, но Рин никак не могла понять, кого именно.

Анхельм чуть улыбнулся, не глядя на нее.

– Рин... Вы позволите мне так называть вас?

– Конечно.

– Ваш рассказ сильно обеспокоил меня. Вы ведь уже давно работаете с нами, так?

– Если можно так выразиться, я стояла у истоков.

– Да?.. – он смущенно улыбнулся и задумался ненадолго. – Вы очень удивили меня, я не знал этого, – сказал он наконец. – Но ведь вы знаете, кто я, верно?

Рин медленно кивнула.

– Я мог бы и хотел бы прекратить вашу деятельность в том виде, в каком она существует.

– Что вы имеете в виду? – с подозрением спросила она. В голове сразу же завертелись дурные мысли. Не уволить же он ее решил?

– Я знаю, что уже долгое время вы вне закона и только ваш бесспорный талант при некоторой помощи друзей помогает вам ускользать от слежки. Меня уверяли, что вы... Что все агенты в относительной безопасности, но теперь... Я знаю, что в действительности вам придется выдерживать. По определенным причинам я не могу закрывать на это глаза. Я хотел бы изменить ваше положение и, если это так можно назвать, обезопасить вас.

Он сделал паузу, а затем посмотрел прямо на нее.

– Как вы смотрите на то, чтобы стать моим личным охранником? Хотя ранее я никогда не пользовался услугами охраны, мой статус позволяет подобное.

Вот так поворот событий! Рин задумалась. То, что предлагал герцог, было очень заманчиво и так желанно ей: наконец-то избавиться от мучительных гонок и бродяжничества, обрести некоторое подобие покоя, выйти из этого болота, перестать рисковать жизнью... Она зажмурилась и уткнулась в ладони, надеясь, что долгое молчание не вызовет недовольство герцога. Его предложение было слишком похоже на ответ на ее молитвы. Судьба никогда не давала ей таких подарков. Так просто не бывает! Здесь что-то не так...

– Я не могу... – шумно выдохнула Рин и сбивчиво продолжила. – Вы же не какой-нибудь купец, вы герцог! Это опасно! Ваше окружение проверяет департамент безопасности. Меня раскроют.

Девушка даже обрадовалась, что нашла действительно вескую причину для отказа. Она не соображала сейчас, что герцог может сделать так, чтобы его никто не проверял, поэтому с удовольствием села на этого конька.

– Меня раскроют, наше дело раскроют, вы окажетесь преступником, меня бросят за решетку, вас казнят... Вы не понимаете, я просто магнит для неприятностей. Поверьте, мне лучше держаться подальше от вас. Для нашего общего блага.

Герцог тяжело вздохнул и возвел глаза горé. Рин показалось или он ожидал подобной реакции с ее стороны? Потому что его сожаление выглядело не слишком правдоподобно.

– Я понимаю вашу точку зрения, – мягко ответил его светлость. – Не готов принять, но понимаю. Я уверен, есть способы, нужно их только найти. – Он замолчал и покрутил перстень-печать на среднем пальце правой руки. – Не хочу, чтобы вы принимали такое решение прямо сейчас. В конце концов, для этого нужна свежая голова, а вы сегодня устали.

Рин согласно кивнула, но подумала, что вряд ли изменит свое решение. Даже если она смертельно устала, она всегда отдает себе отчет в своих действиях. Но что делает герцог? Почему он так печется о ней?

– Я хочу, чтобы вы знали одно... – продолжил Анхельм.

Он подошел и взял девушку за руку, вынуждая ее встать. Она смотрела на него снизу вверх, чувствуя себя крошечной. Совсем как рядом с *ним*...

Он держал ее ладонь бережно и осторожно, как будто у него в руках был птенец. От прикосновения теплых пальцев у Рин все затрепетало внутри. Она настороженно всмотрелась в глаза герцога, пытаясь найти наиболее благоприятное объяснение его странному поведению. Взгляд мужчины был туманным, но в то же время совершенно серьезным, без тени улыбки.

– Если у вас будут проблемы, – сказал герцог мягким вкрадчивым голосом, – я помогу вам. Что бы ни случилось, вы всегда можете рассчитывать на мою помощь.

Рин молчала, не зная даже, как отреагировать. Румянец залил щеки, сердце сорвалось в галоп, ее ударило в жар; ей мгновенно стало стыдно за свои глупые мысли. Она подавилась собственными возражениями и заставила себя ответить вежливо, а не как обычно.

– Я... очень признательна вам, Анхельм, – она отвела взгляд, – я надеюсь, что мы с вами сможем сотрудничать.

Анхельм улыбнулся.

– Разумеется, я приложу все мыслимые усилия, чтобы наше дело обернулось успехом, но я говорил лично о вас, Рин. Знайте, что я помогу вам всегда, в любой ситуации. Всем, чем смогу. А сейчас, я думаю, вам нужно отдохнуть. Вы того и гляди свалитесь.

И он поцеловал кончики ее пальцев. Смущенно улыбнулся и стремительно вышел из комнаты.

Рин с тяжелым вздохом запустила пальцы в волосы и проанализировала ситуацию одним емким словом: влипла. Странный герцог! Все странно! Почему он так себя ведет? С чего вдруг такое куртуазное обращение? Кто она ему? Он герцог, претендент на трон, а она кто? Бездомный солдат, айрг, преступница...

В голову Рин на мгновение закралась мысль, что Анхельм по какой-то причине неравнодушен к ней. Она поспешила ее отогнать: да с чего бы?! Мальчишка видит ее впервые в жизни, знает о ней лишь скверные слухи, с какой стати ему проникаться к ней чувствами?

«Но ведь он ведет себя так, словно ты – его принцесса», – убедительно сказал внутренний голос. Рин согласно хмыкнула: это действительно странно, как ни крути.

«А может, я просто напридумывала себе невесть что? – ответила она внутреннему голосу. – Он ведь такой... впечатляющий. А я... Я не то чтобы подарок для мужчин. Да, лицо не лишено приятности, но что с того? При дворе красавиц толпы, покрасивее видали! Экзотическая сиреневая кожа? Вот уж сомнительное достоинство. Нет, наверняка он всегда себя так ведет со всеми женщинами. А мне просто кажется, что что-то не так, потому что я давно не была... Не была я... Очень давно я не была в обществе по-настоящему воспитанных мужчин. Вот».

«Но ведь ты же помнишь, что когда-то и он вел себя с тобой так же, как этот милый мальчишка...» – напомнил голос.

Рин могла бы еще долго заниматься увлекательным самокопанием, но звон разбитого стекла прервал ее. Она поднялась с кресла и вышла на балкон-коридор. Перегнувшись через перила лестницы, она увидела, как в холле служанка собирает осколки, а Анхельм что-то говорит дворецкому и вкладывает тому деньги в руку. Герцог говорил очень тихо и быстро, она смогла разобрать только слова «предупредить», «утром» и «гвардейцев». Рин поспешила вернуться в кабинет. Почему гвардейцы? Кого предупредить утром? От волнения ладони стали влажными. Холодок сомнений пробрал ее и впился в сердце. Рин подошла к окну и обнаружила, что оно плотно заперто, а рамы смерзлись. Она глубоко вздохнула несколько раз и устала вилась на огонь, подавляя начинающийся приступ клаустрофобии.

Если включить мозги и подумать логически, то опасности быть не должно: ее друзья доверяют герцогу, а Армана точно не проведешь. Но, с другой стороны, Арман говорил, что

общался лично с его светлостью больше года назад, а за это время что угодно могло произойти. И потом герцог так лихо сказал, что Грей не ее забота... Подозрительно. И он слишком легко принял на веру ее слова. Может ли это быть тревожным сигналом? Или нет? Как же вести себя? Что же делать? И не играет ли ее изможденный разум с ней злые шутки? В такой нервной обстановке она могла чуточку переоценить масштабы угрозы, да и ее шестое чувство, ее интуиция спала мертвым сном: в словах герцога нигде не было неувязок, разве что некоторая скрытность, но он имеет на то право. В конце концов, ему тоже не все о ней известно.

Как же нестерпимо обидно будет, если он окажется совсем не тем, за кого себя выдает... Но как это проверить?

Герцог вернулся и сообщил, что все готово и он проводит ее. Переступив порог комнаты, Рин увидела самую большую кровать, какую только могло нарисовать ее воображение. Атласное покрывало цвета слоновой кости, резные опоры темного бука, балдахин со шторками, атласные подушечки... Ложе принцессы, а не просто кровать. Рин застыла в предвкушении.

– Я надеюсь, вам нравится ваша комната? – осторожно спросил его светлость.

– Можете быть уверены, я в полном восторге, – шепотом ответила она, оглядывая роскошную обстановку. – Последнее мое место сна выглядело и пахло так же хорошо, как протухшая рыба.

– Несомненно, в этом виноват я, – ответил герцог с печальной улыбкой. – И если я могу хоть как-то загладить свою вину перед вами, то сделаю все, что пожелаете.

Рин не смогла понять, говорит ли он серьезно или это просто принятый оборот речи, поэтому вздохнула и тихо ответила:

– Я не леди, герцог, я солдат. Ваши витиеватые фразы для меня непонятны. Я привыкла к грубой пище, суровому обращению, жесткой постели. Признаться честно, я устала так, что едва стою на ногах и усну сейчас даже на доске с гвоздями.

– Не смею вас больше тревожить, дорогая Рин, располагайтесь, отдыхайте, мои слуги в вашем распоряжении. Если вам что-то понадобится, обязательно скажите.

Он снова поцеловал ей руку.

– Спокойной ночи, моя прекрасная леди! – прошептал он и ушел, закрыв за собой дверь.

Судя по поведению герцога, ее слова о жесткой постели его совсем не впечатлили. И возможно, она все же ошиблась в своих поспешных суждениях. Он действительно не враг. Чуткие к правде и лжи уши и сердце не уловили фальши в его голосе. Может быть, все же можно расслабиться и не строить из себя параноика? Нет уж, лучше остаться параноиком. Мало ли... Враги имеют обыкновение появляться в самый неудобный момент.

Девушка положила рюкзак в кресло и осмотрелась. На восхитительной и такой манящей сейчас кровати была пижама. На маленьком прикроватном столике стояла ночная лампа, рядом лежала толстая книга. На полке над камином красовалась пузатая ваза с сухими осенним букетом. Тяжелые портьеры закрывали окна. Сбросив теплую кофту и штаны, Рин взяла с кровати приготовленную для нее пижаму и прошла во вторую комнату за резной белой дверью.

За дверью оказалась просторная ванная со стенами, обитыми материей песочного цвета, кафельными полами и двумя большими окнами с видом на теплицы и замерзший пруд во внутреннем дворе. У стены стояли в ряд тумбы, на них – зажженные свечи. Здесь же Рин нашла и все банные принадлежности. Пушистые полотенца лежали на табуретке рядом с большой позолоченной ванной, в которой плавали лепестки роз и мешочки с ароматными травами. Было немного прохладно, поэтому от воды шел пар.

– Ладно, я быстро, – пообещала себе Рин, не в силах устоять перед искушением помыться по-человечески. Предвкушая неземное наслаждение, она торопливо разделась и вошла в ванну.

Окунувшись в первый раз, она поняла, что все это время ее трясло от холода. Удобно устроив голову на подушечке, она закрыла глаза и попыталась расслабиться. Свечи, температура воды, ароматные травы и лепестки роз в ней очень способствовали расслаблению, и Рин поняла, что герцог-то знает, как умаслить женщину... Затем перед глазами стали возникать странные картины. Бесконечные снежные горы и лавина почему-то превратились в мордочку пони, а тот – в того жуткого зверя в катакомбах Девори. Не желая думать об этом, Рин даже открыла глаза.

«Надо что-нибудь поприятнее...» – подумала она и перевела взгляд на огонь свечи. Мысли переключились на герцога.

«Только бы он не был предателем... Я его тогда отравлю... – От усталости ее глаза закрылись сами собой. – Только яда нет, надо еще приготовить. Надо еще купить...»

Рин стала думать, где в этом городе покупают ингредиенты для ядов, но ничего толкового в голову не шло. А потом ей почему-то снова стало холодно, и девушка опять вспомнила о снеге и подумала, что она, идиотка такая, забыла взять снегоступы. Со снегоступов мысли перескочили на дом. У нее ведь был когда-то свой дом... И у нее были замечательные снегоступы и теплая постель. И лучший в мире мужчина, которого она так любила. Внезапно вокруг стало так тепло и мягко. И очень приятно...

Что-то пищало под ухом, чирикало и мешало. А еще очень вкусно пахло. Сдобой и цветами. Рин с трудом открыла глаза и некоторое время вспоминала, где она находится. В доме герцога Римера, это понятно. Кажется, вечером она принимала ванну. В ней уснула?.. Как в таком случае она оказалась в постели? Стук в дверь прервал ее размышления.

– Госпожа? Вы уже проснулись? – донесся из-за двери женский голос.

– Д-да, я сейчас встану, – откликнулась она.

– Госпожа, его светлость ожидает вас в обеденной зале.

– Да, я скоро спущусь. Две минуты... Э-э, простите, не могли бы вы зайти?

Служанка зашла в комнату, и Рин наконец-то рассмотрела ее. Это была белокурая девушка лет пятнадцати с милостивым лицом сердечком и пухлыми губками бантиком. Она сминала в руках белый передник на синем платье, и пыталась незаметно стряхнуть челку с пронзительно-серых глаз.

– Вам что-то угодно?

Служанка со страхом и любопытством оглядывала Рин. Наверное, девочка еще не видела аиргов так близко, вот и боится.

– Как вас зовут? – улыбнулась Рин как можно дружелюбнее.

– Милли, госпожа.

– Милли, а где моя одежда? И как вышло, что я в кровати?

– О, мне очень жаль, госпожа, но вы уснули в ванне. Я утром вас звала, но вы не откликнулись, я зашла, а вы там... И мы с ба... – Милли запнулась. – С мадам Пюсси перенесли вас в кровать. Вы так устали, что даже не проснулись.

– Молодцы, – пробормотала Рин. – А то бы я там в моченый изюм превратилась.

Милли с трудом подавила улыбку.

– Ваша одежда в шкафу, вычищена и выглажена. Но господин выбрал для вас несколько платьев. Вам помочь со шнуровкой корсета? – участливо спросила Милли.

От одной мысли о платье Рин передернуло, и она вежливо отказалась. Милли пожала плечами и достала ее одежду. Когда служанка ушла, Рин принялась рыться в рюкзаке. Что же, раз она пережила эту ночь, не значит, что переживет этот день. Нужно было привести в порядок вещи и заново заправить ядом стилет. За этим занятием она провела довольно много времени. Наконец, когда с этим было покончено, она закрутила волосы в пучок и крепко заколола их стилетом. Затем зарядила револьвер, пристегнула кобуру к бедру, потуже затянув ремень.

Соколиную песню брать не стала, ни к чему. Рин посмотрела в зеркало и удостоверилась, что оружие держится крепко, а прическа не распадается. Когда со сборами было покончено, она спустилась.

Обеденный зал представлял собой просторное светлое помещение с высокими потолками, белыми стенами и полом из розового мрамора. В центре зала стоял накрытый белой скатертью длинный стол, а за ним – боком к Рин и спиной к окну – сидел герцог и читал газету. Рин оглядела небольшую супницу, несколько салатниц, закуски и блюда с мясом. Живот мгновенно заурчал.

– Доброе утро, Анхельм! – доброжелательно поздоровалась девушка, проходя в зал.

Герцог обернулся и лучезарно улыбнулся ей. Резво поднялся со своего места и подошел к Рин.

– Добрый день, дорогая Рин! Хорошо ли вы спали? Как себя чувствуете? – его голос был чуть хриплым, а щеки пылали, резко контрастируя с бледной кожей.

– Спала сном мертвеца, спасибо. Чувствую себя намного лучше. Думаю, обед вполне восстановит мои силы до конца.

– Тогда прошу за стол! – Анхельм галантно отодвинул стул, приглашая ее сесть.

Рин увлеченно жевала вкуснейшие горячие гренки с сыром и думала об очень аппетитном на вид мясе, к которому уже приступил герцог. Она едва не подавилась слишком большим куском гренки и надолго приложила к бокалу с водой.

– Рин, куда вы так спешите? – улыбнулся герцог, проследив за ее взглядом. – Мясо от вас не убежит, оно уже зажарено.

– Ох, прошу прощения. Мои манеры... Я просто думаю, что нам лучше поторапливаться с обедом и скорее разобраться с письмом. До сих пор не знаю, какие в нем вести...

Герцог замер, и вилка с мясом повисла в воздухе, не донесенная до рта.

– Хотите сказать, что вы не ознакомились с содержимым? За все это время?

Рин удивленно покачала головой и подумала: «Да что с этим герцогом не так?»

– Вы же видели, что печать цела, – сказала она.

Мясо с вилки шлепнулось обратно в тарелку, чавкнув соусом.

– Я имею в виду, вы же знаете, о чем письмо, так почему...

– Оно адресовано вам, а не мне. Вдруг в письме есть что-то, адресованное лично вам? – объяснила Рин. – Я никогда не вскрою письма, адресованного другому человеку, если только он не мой враг.

Он улыбнулся, кивнул и подцепил упавшее мясо.

Некоторое время они молча ели. Рин проводила долгим взглядом поднос с мясом, который уносила Милли, и подумала, что объедаться в гостях невежливо. В конце концов, это не последний ее день здесь, она еще успеет набить живот. А тем временем Милли вернулась с двумя новыми подносами. На одном высилась горка аппетитных румяных пирожков, а на другом красовались пирожные с кремом и шоколадом. Неисправимая сладстена Рин счастливо вздохнула и потянула ручки к лакомству.

– Вам нравится сладкое? – спросил Анхельм.

Рин улыбнулась.

– Очень. Стыдно признаться, но я могу съесть оба подноса... и еще останется место для третьего. Бабушка говорила, что для сладостей у меня второй желудок вырастает, – засмеялась девушка.

Анхельм с нежностью посмотрел на нее.

– Я не большой любитель сладкого, поэтому свой несомненный талант кондитера мадам Пюсси редко удается продемонстрировать.

– О, она весьма искусна, – ответила Рин, любовно рассматривая корзиночку с кремом.

– Вкусно? – спросил тот с таким видом, будто сам это выпек.

Рин утвердительно кивнула, а про себя подумала, что столько радостей за сутки явно компенсируются в будущем какой-нибудь мерзостью. Ну не может ей так везти.

– Теперь я преданная поклонница мадам Пюсси. Я не помню, ела ли я что-то вкуснее. Кстати, она не делает горячий шоколад?

– Делает. Это единственное, что я люблю из сладкого. Вы хотели бы вместо чая горячего шоколада?

– Нет, благодарю. Нам нужно скорее разобраться с письмом.

Герцог читал, и с каждой строчкой его лицо все больше мрачнело. Нетрудно было догадаться, что информация нерадостная.

– Ну, что там? – спросила Рин, когда он дочитал.

Он поднял на нее тяжелый взгляд и невесело усмехнулся.

– Миссия нашего шпиона провалилась. Хотя, надо сказать, иного мы и не ожидали... К счастью, ее не раскрыли. Никаких полезных сведений о кристалле ей не удалось добыть по той причине, что его больше нет в замке. Кристалл увезли в направлении Драконьих гор.

После этих слов у Рин внутри все похолодело: если кристалл увезут за Драконьи горы, то они никогда не смогут до него добраться. И тогда всем ее целям можно будет сделать ручкой... Забыть навсегда о попытках добраться до императора, отомстить за родню...

– И что теперь делать? – слабым голосом спросила она. Герцог обратил внимание на ее тон и поспешил успокоить.

– Не волнуйтесь так! Это еще не означает, что кристалл теперь вне досягаемости. Нам нужно ждать сведений от Армана, помните?

– Да, конечно... Просто... Нет, вы совершенно правы, я не должна паниковать. Надо успокоиться, – кивнула она и усилием воли постаралась взять себя в руки. – А что еще пишет Карен?

– У императора появился человек, к советам которого он прислушивается. Неизвестно, кому он служит, какие цели преследует, даже имя его неизвестно. Все действия, предпринятые императором в последнее время по совету этого человека, вредны как для народа, так и для повстанцев. Рин, вы слышали об инсurreкции [4] в Вэллесе? Он находится...

– Я знаю, на границе Кимри и Лилли, ближе к югу. Нет, не слышала.

– Я не давал Арману приказа спровоцировать волнения в этих местах, и Томас Кимри не согласовывал со мной ничего подобного.

– Вы же знаете настроения этого региона, они до сих пор требуют независимости.

– Между нами говоря, недалеко они уедут со своей независимостью. Потом обратно под крыло империи запросятся. Но вопрос не в этом. Важно то, что народные волнения уже выходят из-под контроля. Если так и дальше будет продолжаться, я даже не могу сейчас сказать наверняка, каковы будут последствия. Карен пишет, что мятеж был жестоко подавлен, всех участников казнили до того, как признали воюющей стороной. Теперь весь регион Вэллеса находится под жесточайшим контролем Вейлора. А между тем недовольство таким положением дел растет, и это привлекает внимание международных сообществ по правам человека. Одни проблемы...

Он ненадолго замолчал. Рин в это время честно пыталась вспомнить что-нибудь о правах человека, что соблюдалось бы в Соринтии, но на ум ничего не приходило. Разве что рабства нет. И на том спасибо.

– Еще Карен говорит, что теперь Вейлор готовится принять решение о расширении гвардии – и все это по настоянию этого таинственного человека. Понимаете, что это нам сулит?

– Как минимум, усиление охраны больших городов. И, возможно, постепенный ввод войск в меньшие города.

– Проклятье! – герцог стукнул ладонью по столу, и чернильница со звоном подскочила. – Сеть расставляется все шире. Теперь скрываться будет еще тяжелее. Если даже городские катакомбы берут под охрану, да еще используют таких тварей... Нам следует поспешить и любой ценой уничтожить кристалл. Нужно найти способ взять ситуацию в свои руки, пока обстановка не накалилась до предела. Иначе все, что мы делали годами, будет бессмысленно, потому что революция грянет раньше, чем мы планируем.

Он замолчал, прошелся по кабинету и вновь повернулся к ней.

– Мне нужно немного поразмыслить над этим. Пока ознакомьтесь с письмом, – он протянул ей бумаги.

Рин бегло просмотрела витиеватый почерк и спросила:

– Что мы предпримем?

Анхельм снова нахмурился.

– Зависит от того, какие сведения нам предоставит Арман. Карен продолжит наблюдение за новым персонажем истории, но найдется кристалл или нет, зависит теперь только от нас. Вы много знаете о нем?

Рин пожала плечами.

– Не больше, чем другие. Мама моя говорила, что люди разбудили древнее зло, которое должно было проснуться, когда получит подходящего человека. Но, знаете, у айргов странные легенды, далеко не всему стоит доверять, – криво усмехнулась она. – Одно известно точно: Вейлору магия кристалла не пошла на пользу.

– Вы хорошо помните, как все началось?

– Признаться честно, меня не было в стране в тот момент, когда все только началось, я была на задании. Я слышала что-то мельком, но не придавала этому значения, мне не до того было. Когда Вейлор стал проявлять свою одержимость, я не... Я тогда тоже не в Соринтии была.

Она вспомнила то, что произошло с ней двадцать пять лет назад, и в животе словно узел завязали. И противно заныли старые шрамы.

– А потом... Ну, многое произошло, – уклончиво ответила Рин. Перед ее глазами снова пронеслась страшная картина горящего Иствана и гвардейцев в алых кирасах. Наверно, это никогда не забудется. Только не такое, нет.

Она и не заметила, как герцог подошел к ней ближе.

– Простите меня, моя дорогая, если эти расспросы причинили вам боль, – сказал он, беря ее за руку. Рин напряглась, глядя, как смыкаются его длинные пальцы на ее запястье.

– Анхельм, – вкрадчиво начала она, пытаясь отстраниться от него, – почему вы называете меня «дорогой»? Я не леди, я не... Я не могу понять, с чего вдруг ко мне такое теплое отношение?

Он, словно инстинктивно, сжал ее руку еще крепче и чуть потянул на себя, но Рин вырвалась и отпрыгнула на пару шагов назад, враждебно глядя на него.

– Не надо меня трогать!

– Почему?... Я не причиню вам вреда! Я хочу вам только хорошего... – слабо промолвил он.

– Для чего? – тоном более резким, чем намеревалась, перебила она. – Еще раз спрашиваю, с чего вдруг? Я для вас никто. Для чего я вам?

– Поймите меня правильно, Рин, – осторожно начал Анхельм, – я знаю, что веду себя совсем не так, как положено, многие осудили бы меня, но я не могу иначе... Это прозвучит как бред, но...

Герцог замолк, будто запнулся о свои мысли. Он сжал кулаки и уставился на книжную полку за ее спиной, словно хотел найти там нужные слова.

– Это прозвучит как бред, – повторил он тихо, – но вы завладели моими мыслями еще задолго до нашей встречи.

Рин недоверчиво прищурилась и поморщилась: действительно бред. Она никогда не видела герцога раньше и не могла припомнить ситуации, где тот мог бы увидеть ее.

– Мы не были знакомы с вами. Вам обо мне рассказывали, но это не повод для подобных эмоций. И, кстати, что именно вам рассказали?

– Ваше имя. То, что вы из айргов, как превосходно выполняете свою работу... Рин, вы не доверяете мне?

Она промолчала. Герцог шагнул к ней, Рин сделала шаг назад, ее рука непроизвольно легла на кобуру. Анхельм остановился.

– Рин, ради всего... Почему вы так враждебны ко мне?!

– Я слышала, как вчера вечером в разговоре с дворецким вы упоминали гвардейцев. Сказали, что должны кого-то предупредить утром. Кого? – Появилось предчувствие, что зря она это говорит и потом пожалеет, но все же добавила: – Решили усыпить мою бдительность и сдать гвардейцам?

Рин сама не заметила, как достала револьвер и нацелила его на грудь Анхельма. Теперь отступить было некуда. Что же, может быть, она и пожалеет о своих действиях, зато не даст себя обмануть.

Герцог побелел и замер, ошеломленно глядя на револьвер. Ее внезапная агрессия парализовала его. Несколько мгновений он лишь открывал и закрывал рот, не находя слов.

– Рин!.. не надо! Не стреляйте!

– Я не выстрелю, если вы прямо сейчас дадите мне исчерпывающие объяснения. Повторяю вопрос: кого должен был предупредить дворецкий?

– Моего дядю... Я велел заказать одежду для вас и подготовить утром экипаж, чтобы мы с вами смогли отправиться к моему дяде, – прерывающимся голосом ответил герцог. – Он ученый. Он изучает кристалл, собирает о нем сведения. Понимаете? Он на самом деле возглавляет все наше тайное сообщество... Именно он, скорее всего, должен дать вам дальнейшие указания к действию. Я распорядился доставить нас в обход патруля гвардейцев. Я действительно хотел лишь взять вас к дяде и решать наши проблемы вместе с вами...

Он замолчал. Взгляд его медленно поднялся от дула револьвера на лицо Рин. Теперь Анхельм выглядел смертельно обиженным и разочарованным. В этот момент Рин остро осознала, что ее подозрительность сыграла с ней злую шутку. В словах Анхельма не было ни толики лжи или неискренности. Весь ее запал сошел на нет, словно на голову ушат холодной воды вылили. Руки ее бессильно поникли, револьвер нырнул обратно в кобуру. От стыда хотелось под землю провалиться.

– Ох... – выдохнула она. – Знала же, что пожалею об этом...

Анхельм печально вздохнул и отвернулся к столу. Рин не знала, что сказать теперь.

– Все ужасно выглядит. Я шарахаюсь собственной тени, ваша светлость, – виновато понурилась она. – Надеюсь, вы поймете и сможете меня простить.

Герцог не ответил, лишь стал собирать документы со стола, бессмысленно перекладывая их с места на место.

– Ваша светлость?

– Я просил вас называть меня по имени, – повернулся он, глядя на нее холодно и отстраненно. – Ваше недоверие сказало о многом. В том числе о сплоченности наших рядов. Я давно подозревал, что дело плохо, но не знал, что настолько. Вчера вы были милы со мной, но, видимо, только потому, что смертельно устали. А сегодня пришли в себя, и вот... Всплыло правдивое отношение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.